

Сергей Чупринин

ОТТЕПЕЛЬ

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА**

Сергей Чупринин

Оттепель. Действующие лица

«НЛО»

2023

УДК 930.85(091)(47+57)«195/1968»
ББК 63.3(2)632-7

Чупринин С.

Оттепель. Действующие лица / С. Чупринин — «НЛО», 2023

ISBN 978-5-44-482168-7

Период оттепели интересен не только совокупностью событий, сформировавших определенную культурную парадигму, но и жизненными стратегиями, которые выбирали герои эпохи. Продолжая исследование, начатое в книге «Оттепель: События», Сергей Чупринин на этот раз смещает фокус и знакомит читателя со знаковыми действующими лицами того времени. Его новая книга – это своего рода энциклопедия, содержащая в себе биографические очерки о писателях, переводчиках и филологах, редакторах и издателях, чиновниках и хроникерах эпохи оттепели. В задачи автора входило не только установить точные сведения об этих людях, но и создать их психологические портреты, чтобы по возможности реконструировать мотивировки, стоящие за их поступками – благородными или бесчестными. Из этих очерков складывается большая «человеческая комедия» оттепельной эры, а судьбы их героев часто пересекаются самым причудливым образом. Сергей Чупринин – доктор филологических наук, профессор Литературного института им. А. М. Горького, главный редактор журнала «Знамя».

УДК 930.85(091)(47+57)«195/1968»

ББК 63.3(2)632-7

ISBN 978-5-44-482168-7

© Чупринин С., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

Предуведомление	6
А	7
Абрамов Федор Александрович (1920–1983)	7
Аджубей Алексей Иванович (1924–1993)	10
Ажаев Василий Николаевич (1915–1968)	12
Айги (Лисин) Геннадий Николаевич (1934–2006)	14
Аксенов Василий Павлович (1932–2009)	17
Алексеев Михаил Николаевич (1918–2007)	20
Алексин (Гоберман) Анатолий Георгиевич (1924–2017)	23
Алигер (Зейлигер) Маргарита Иосифовна (1915–1992)	26
Аллилуева (урожд. Сталина-Джугашвили) Светлана Иосифовна (1926–2011)	29
Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980)	32
Андреев Даниил Леонидович (1906–1959)	35
Андреева Галина Петровна (1933–2016)	38
Андропов Юрий Владимирович (1914–1984)	40
Аннинский (Иванов-Аннинский) Лев Александрович (1934–2019)	43
Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978)	46
Антонов Сергей Петрович (1915–1995)	49
Анчаров Михаил Леонидович (1923–1990)	51
Апт Соломон Константинович (1921–2010)	54
Арбузов Алексей Николаевич (1908–1986)	57
Ардаматский Василий Иванович (1911–1989)	59
Аронзон Леонид Львович (1939–1970)	61
Асадов Эдуард Аркадьевич (1923–2004)	64
Асеев Николай Николаевич (1889–1963)	66
Астафьев Виктор Петрович (1924–2001)	69
Атаров Николай Сергеевич (1907–1978)	72
Ахмадулина Белла (Изабелла Ахатовна) (1937–2010)	74
Ахматова (урожд. Горенко) Анна Андреевна (1889–1966)	77
Б	80
Бабаевский Семен Петрович (1909–2000)	80
Бакланов (Фридман) Григорий Яковлевич (1923–2009)	83
Балтер Борис Исаакович (1919–1974)	86
Баранович Марина Казимировна (1901–1975)	88
Баркова Анна Александровна (1901–1976)	90
Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975)	93
Безыменский Александр Ильич (1898–1973)	97
Бек Александр Альфредович (1903–1972)	99
Белинков Аркадий Викторович (1921–1970)	102
Белов Василий Иванович (1932–2012)	105
Беляев Альберт Андреевич (р. 1928)	108
Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)	111
Берзер Анна Самойловна (1917–1994)	114
Бобков Филипп Денисович (1925–2019)	117

Богомоллов Владимир Осипович (1924–2003)[406]	120
Бондарев Юрий Васильевич (1924–2020)	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Сергей Чупринин

Оттепель. Действующие лица

Предуведомление

Эта книга – справочник, содержащий в себе биографические очерки о 358 ныне покойных писателях, переводчиках и филологах, редакторах и издателях, чиновниках и хроникерах времен Оттепели.

Вместе с тем будем надеяться, что это еще и книга для чтения, так как в авторские намерения, помимо установления по возможности точных сведений, входило создание лаконичных психологических портретов и тех, кто в нашей памяти навсегда, и тех, кто полузабыт, но все-таки оставил след в русской литературе, и тех, на чьем счету всего лишь поступок – либо благородный, либо бесчестный.

И выбор фигурантов, и все неточности, ошибки, чрезмерно резкие суждения исключительно на совести автора. Слово же авторской благодарности обращено к тем, кто на протяжении трех с лишним лет читал и комментировал черновые варианты этих очерков в некогда общедоступном Фейсбуке¹.

---

¹ Деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22.03.2022 г. по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

А

Абрамов Федор Александрович (1920–1983)

Вот вроде бы и стал с годами этот уроженец глухого архангелогородского Пинежья рафинированным питерским интеллигентом, доцентом и знаменитым романистом, а в характере и натуре его до последних дней так и осталось нечто крестьянское, идущее едва ли не от матери-староверки – воловья работоспособность и воловья же упертость, своенравное просто-душие, сердечная отзывчивость. Но осталось, – как записал в дневник приметливый В. Лакшин, – и «что-то темноватое <...>, какое-то взвешивание выгод – мужицкая хитрость и темнота – не в смысле непросвещенности, а в другом, нравственном смысле – „темна вода во облацех“»².

Лакшин связывает эти черты со «страшным», как он говорит, жизненным опытом писателя. И действительно, вырвавшись невероятным волевым усилием из своей среды, А. поступил не куда-нибудь, а на филфак Ленинградского университета, откуда после третьего курса ушел на фронт – с тем, чтобы последние два года войны прослужить следователем в отделе контрразведки «СМЕРШ»³. Вернулся после демобилизации, тем не менее, на филфак, был по окончании учебы приглашен в аспирантуру – и тоже не в лучшее время. Вздмалась борьба с космополитизмом, так что первыми публикациями А. стали не только предзащитная научная работа «О „Поднятой целине“ Мих. Шолохова», напечатанная в «Вестнике Ленинградского университета», но и написанная в соавторстве с неким Н. Лебедевым громокипящая статья «В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения» (Звезда. 1949. № 7), немилосердная, мягко говоря, по отношению к его же педагогам М. Азадовскому, Б. Эйхенбауму, Г. Гуковскому, Г. Бялому и другим безродным филологам с еврейскими фамилиями.

Некоторые биографы А. утверждают, впрочем, что статью эту он не писал, а всего лишь подписал, да и то не по своей воле, а по решению факультетского партбюро. Возможно, но в данном случае важно, что после защиты кандидатской диссертации в 1951 году А. был не только взят на преподавательскую работу, но и в возрасте тридцати пяти лет назначен заведующим кафедрой советской литературы ЛГУ. Продолжились публикации в ленинградских газетах, в университетском «Вестнике», была издана (в соавторстве с В. Гура) в Учпедгизе книга «М. Шолохов: семинарий» (1958). Мирная, словом, биография, которую А., впрочем, взорвал еще в 1954 году, напечатав в «Новом мире» (№ 4) статью «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», где камня на камне не оставил от сочинений С. Бабаевского, Г. Николаевой, Е. Мальцева и иных одописцев, что не жалеют «розовой краски» и «колхозную жизнь, даже в будни <...> любят освещать праздничными фейерверками»⁴.

А. Твардовскому этот манифест еще только зарождавшейся «деревенской прозы», вместе с другими оттепельными публикациями, стоил должности в «Новом мире». Получил по полной за «нигилизм» и «охаиванье» и сам А. Ему, члену партии с 1945 года, на пленуме Ленинградского обкома КПСС 28 августа 1954 года пришлось покаяться⁵, но настоящим ответом

² Запись от 12 октября 1970 года. Цит. по: Лакшин В. Солженицын и колесо истории.

³ Об этой странице своей биографии А. рассказал в повести «Кто он?», которая была опубликована уже после смерти писателя в 6 томе собрания его сочинений.

⁴ Новый мир. 1954. № 4. С. 213, 214.

⁵ «Я, – записал А. в дневник 31 августа, – думал об одном: помочь партии – если надо, ценой собственного унижения, ценой отказа от истины – не дать торжествовать нашим врагам. Раз ЦК осудил мою статью, я как солдат партии должен выполнять решение». Звучит предельно законопослушно, но ниже, в той же дневниковой записи, сказано и другое, и по-другому: «Нет, не надо было выступать с покаянием. Теперь все будут плевать в мое лицо. Да и сам я первый плюну» (цит. по: Пинский А.

А. лакировщикам действительности стала не очередная статья, а роман «Братья и сестры», который был начат им, оказывается, еще в 1950 году и который, после отказов в «Октябре» и симоновском уже «Новом мире», появился наконец в считавшемся в ту пору второразрядном журнале «Нева» (1958. № 9).

Тогда-то участь ходатая по делам мужичья и была определена навсегда, как и репутация сурового реалиста и жесткого критика всего социалистического устройства. Жесткого, но, однако же, осмотрительного, так как красной черты А. не переходил и не участвовал ни в какой «групповщине», а именно ее власть, напуганная сначала венгерским кружком Петефи, потом сплоченностью чешских писателей, боялась как огня. Даже от других деревенщиков он держался чуть поодаль – еще и потому, быть может, что не разделял их грезы об утраченном ладе и затонувшей крестьянской Атлантиде⁶. И с журналом А. Твардовского, где в 1968 году вышел его роман «Две зимы и три лета» (№ 1–3), душевно не сблизился; здесь стоит внимания, что А. продолжил печататься в «Новом мире» и после удаления оттуда прежней редколлегии⁷. Коллективных писем – как в поддержку власти, так и в ее осуждение – А. не подписывал никогда, стремясь дистанцироваться от конфликтов, на которые так щедра была его эпоха. Предпочитал воевать в одиночку и только за свое, крестьянское.

Да вот пример. В дни, когда «весь Питер» и «вся Москва» переживали процесс над тунецем И. Бродским, А. Яшин в своем дневнике от 21 апреля 1964 сохранил обращенное к нему письмо А.:

Какое же отношение я имею к Бродскому. Почему мое имя связывают с этим подонком? <...> В глаза я его не видел, стихов не читал. А то, что меня это дело не волнует, так что тут особенного? Разве первого тунецца высылают из Ленинграда? Почему же Ваши Маршаки и Чуковские за других-то не вступились, раз уж они такие принципиальные? А где они были, когда громили Яшина с Абрамовым? Почему у них тогда-то не возмутилась гражданская совесть? Нет, Гранин (Данила), видимо, прав: нехорошим душком пахнет от их заступничества. Одним словом, плевать мне на московских «принципиалов». Сволочи! Нашли вой из-за кого подымать. Небось их Ваньки да Маньки не волнуют. Ладно, хватит об этом <...>⁸

Вопрос о латентном или вовсе мнимом антисемитизме А. здесь лучше бы не поднимать. Так как это скорее проявление общего для всех деревенщиков и едва не классового неприятия городской интеллигенции и ее распрей с властью, далеких будто бы от «Ванек» с «Маньками». И это, если смотреть с исторического отдаления, даже странно, поскольку именно народолюбивые городские интеллигенты, в том числе и еврейского происхождения, были в ту пору основными читателями и прославителями деревенской прозы, обеспечив ее фантастический успех, и не кто-нибудь, но именно Ю. Любимов поставил по прозе А. знаменитый спектакль

Значение искренности. С. 608, 611).

⁶ «И пора, давно пора от славянофильского песнопения и умиления перейти к серьезному, трезвому разговору о несообразностях натуры русского человека, сложившихся исторически, – записал он в дневник еще 2 января 1959 года. – И это будет лучшей помощью писателей и всех честных людей нашему многострадальному, действительно великому и дьявольски талантливому народу. Любить, любить по-настоящему – это, прежде всего, желать совершенствования человеку (а он ох как у нас несовершенен!), а значит, постоянно указывать ему на недостатки, на промахи, искоренять, выдирать из него раба, порожденного всей рабской историей России, способствовать тем самым развитию его нравственного здоровья и интеллекта» (*Мартынов Г.* Летопись жизни и творчества Федора Абрамова. Т. 2. С. 17–18).

⁷ Ср. первый дневниковый (от 15 февраля 1970 года) отклик А. на изгнание Твардовского: «Нет, мы еще не отдаем себе отчета в том, что произошло. Катастрофа! Землетрясение. Растоптана последняя духовная вышка... Нет, все не то. А если бы провести референдум... 97 % наверняка одобрит закрытие „Нового мира“. Вот что ужасно. Акция эта, по существу, – выражение воли народа. Вот и говори после этого, что у нас нет демократии. Да, из литературы изгоняют Твардовского, первого нашего поэта, и вместо него ставят Косолапова, даже не члена СП. Значит, талант нам не нужен. Талант нам враждебен. Да и вообще нам не нужна литература. Нужна только видимость, суррогат» (*Абрамов Ф.* Так что же нам делать? С. 26–27).

⁸ *Золотоносов М.* Гадюшник. С. 620–621.

«Деревянные кони» в Москве (1974), а Л. Додин – «Дом» (1980) и «Братья и сестры» в Ленинграде (1985).

Но А. хотел достучаться не до них, а до немотствующего народа, не читающего книжек. И конечно, до власти, именно ей давая смелые уроки, хотя с течением лет все меньше и меньше верил в ее способность измениться и очеловечить несправедливый режим.

Власть же, как это ей и свойственно в послесталинскую эпоху, вела себя по отношению к А. «гибридно». То есть его книги, его публикации в журналах пусть и со скрипом, пусть и ободранные цензурой, но в печать выпускала – с тем чтобы тут же обрушить на них всю свою партийную ярость и, это особенная сласть, попытаться натравить на писателя тех, кто ему особенно дорог: «К чему зовешь нас, земляк?» называлось письмо жителей родной для него Верколы, 11 июня 1963 года напечатанное в районке «Пинежская правда»⁹ в ответ на абрамовский очерк «Вокруг да около» (Нева. 1963. № 1), а затем щедро перепечатанное и «Вечерним Ленинградом» (20 июня), и «Известиями» (2 июля), и архангельской «Правдой Севера» (19 сентября).

Когда же волна руководящего гнева опадала, израненному писателю можно было опять пробиваться в печать, выпуская крамольные книги и по прошествии времени получая за них же, в конечном счете, уже и правительственные награды: орден «Знак Почета» (1971), Государственную премию СССР (1975), орден Ленина (1980). Впрочем, индульгенцией не стали ни эти награды, ни статус классика, уже после оттепели пришедший к А.: его новые произведения, совсем как в прежние годы, тормозились и увечились цензурой, а многие и вовсе не были напечатаны при его жизни.

Чтобы уже после его смерти войти в собрание сочинений, подготовленное вдовой Л. Крутиковой-Абрамовой, и, при не останавливающихся переизданиях, стать предметом и читательской памяти, и академического изучения.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит., 1991–1995; Чистая книга: Избранное. М.: Эксмо, 2003; Братья и сестры: Романы: В 4 кн. М.: Вече, 2012; Моя война в СМЕРШе. М.: Алгоритм, 2018; Трава-мурава: Рассказы. М.: Вече, 2020.

Лит.: *Золотусский И.* Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. М.: Сов. Россия, 1986; *Турков А.* Федор Абрамов. М.: Сов. писатель, 1987; *Крутикова-Абрамова Л.* Дом в Верколе. Л.: Сов. писатель, 1988; Чистая книга Федора Абрамова. Архангельск: Лоция, 2016; То же. Архангельск: Кира, 2019. *Мартынов Г.* Летопись жизни и творчества Федора Абрамова: В 3 т. СПб.: ИД «Мирь», 2015, 2017, 2019; *Доморощенин С.* Великий счастливец: биография Федора Абрамова. Архангельск: Кира, 2019; *Трушин О.* Федор Абрамов: Раненое сердце. М.: Молодая гвардия, 2021 (Жизнь замечательных людей).

---

⁹ Свой разговор с одной из тех, чьи подписи стояли под письмом, вспоминает много об А. писавший И. Золотусский: «Письмо привезли в Верколу из района. Собрали людей, сказали: подпишите. „Но мы не читали очерка“, – пытался кто-то возразить. „Подписывайте“, – был ответ» (*Золотусский И.* Федор Абрамов. С. 100).

Аджубей Алексей Иванович (1924–1993)

После войны, большую часть которой он прослужил в Ансамбле песни и пляски Московского военного округа, А., что вполне логично, поступил учиться в Школу-студию МХАТ. Но надолго его актерских амбиций, видимо, не хватило, поэтому уже в 1947 году А. перевелся на факультет журналистики МГУ и в 1949-м женился на своей сокурснице Раде, дочери Н. С. Хрущева, занимавшего в ту пору пост первого секретаря ЦК КП Украины.

Брак, нечего и говорить, завидный, так что в ход сразу пошла хлесткая фраза: «Не имей сто рублей, а женись как Аджу́бей», – и самого Алексея Ивановича уже в конце 1950-х называли – за глаза, конечно, – «околорадским жуком».

Злые языки понять можно, хотя безусловно, что на первых, по крайней мере, порах своей карьерой А. обязан не протекции, а собственной деловой хватке и неколебимой исполнительности. Придя в 1950 году, еще студентом, на стажировку в «Комсомольскую правду», он на первые роли выдвинулся достаточно скоро. И задания ему стали давать все более ответственные. Так, 15 января 1953 года в «Комсомольской правде» появилась написанная им передовая «Быть зорким и бдительным» об аресте врачей-отравителей. «К стыду своему, – спустя десятилетия признавался А., – я сам принимал участие по меньшей мере в пяти таких газетных кампаниях».

Причем не только в газетных. Например, впервые побывав в Штатах, отметился на страницах «Юности» (1956. № 2) очерком «От океана к океану», где, помимо прочего, вскрыл «всю сущность гнилой, предательской душонки» советолога Г. Струве¹⁰. И это все шло ему в плюс, да и магия имени его тестя стала неоспоримой, так что никто не удивился, когда в апреле 1957 года тридцатитрехлетнего А. назначили главным редактором «Комсомолки», а еще через два года, 14 мая 1959-го, главным редактором «Известий», произведя его на XXII съезде еще и в члены ЦК КПСС.

Вот тут, когда, – по словам К. Ваншенкина, – «за его спиной стояла родственно-государственная мощь»¹¹, А. развернулся в полную силу, став – как до сих пор полагают многие – лучшим газетным редактором послевоенной эпохи. Конечно, он временами бравировал своей близостью к первому лицу государства. Мог, скажем, при людях позвонить: «Никита Сергеевич, это Алеша». Мог, – вспоминают его коллеги, – на планерке поделиться: «Едем мы с Никитой Сергеевичем. Видим, очередь большая. Никита Сергеевич останавливает машину: узнай, в чем дело? Узнаю. Очередь за мясом. А почему, товарищи? Потому, что очень дешево стоит у нас мясо»¹². И коллеги с легу понимали, что уже через несколько дней мясо подорожает...

И конечно, назвать «Известия» газетой вольнодумной или, тем более, оппозиционной было бы сильным преувеличением. Да, именно А., первым ловя августейшую волю и желая к тому же «обскакать» А. Твардовского, за 10 дней до публикации «Одного дня Ивана Денисовича» напечатал в газете рассказ Г. Шелеста «Самородок» – тоже о лагерях, но слабенький и не без фальшивинки (1962). Именно А. взял в «Известия» сатирическую поэму «Теркин на том свете» самого Твардовского (1963). Именно «известинские» статьи поддерживали театр «Современник» О. Ефремова, сокурсника А. еще по Школе-студии МХАТ, пробили путь к экрану «Балладе о солдате» Г. Чухрая, «Гусарской балладе» Э. Рязанова, иному многому.

Но в «Известиях» же прицельно били по И. Эренбургу, громили А. Яшина и Ф. Абрамова, В. Некрасова называли «туристом с тросточкой», а М. Бернеса «микрофонным шепту-

¹⁰ Аджу́бей А. От океана к океану // Юность. 1956. № 2. С. 99. Отчетом А. об этой поездке, состоявшейся в октябре-ноябре 1955 года, стала книга «Серебряная кошка, или Путешествие по Америке» (М.: Молодая гвардия, 1956).

¹¹ Ваншенкин К. Писательский клуб. С. 170–171.

¹² Поляновский Э. Пять принципов Аджу́бея // Известия. 2004. № 1. 9 января.

ном». Кесарю кесарево воздавалось, словом, полной мерою. Однако же, оставаясь казенным изданием, газета А. в целом освежила и гуманизировала советский медийный язык, да и в разговоре об общественных проблемах позволяла себе много больше, чем другие. Недаром, – как рассказывают, – свой первый рабочий день в редакции «Известий» А. начал с того, что попросил отложить заготовленные статьи с привычными лозунгами и принести на обсуждение материалы, не прошедшие либо прежнее начальство, либо цензуру.

Так оно и дальше шло. Талантливые журналисты при А., который и сам фонтанировал идеями, просто расцвели, а читатели к его газете потянулись: за пять лет тираж газеты увеличился почти в 4 раза, с 1,6 млн до более 6 млн экземпляров к октябрю 1964 года. А самому А. в редакторском кресле становилось уже тесновато, и есть свидетельства, что Хрущев примерял своего зятя к посту министра иностранных дел.

Что не могло не вызывать раздражение у неверных соратников дорогого Никиты Сергеевича. И спустя месяц после устранения Хрущева из власти устранили и А., которого М. А. Суслов на ноябрьском Пленуме ЦК презрительно назвал не только «политически незрелым человеком», но и «гастролером».

И началась опала. От директивного предложения уехать на низовую работу в провинцию А. удалось все-таки отбиться. Н. Грибачев, с которым А. вместе получал Ленинскую премию за книгу о поездке Хрущева в США (1960), можно сказать, выручил, взяв его к себе на работу в глянцево-журнал «Советский Союз», где А. разрешалось, впрочем, печататься лишь изредка, да и то под выразительным псевдонимом А. Радин. Ничтожные, в сравнении с прошлым, возможности, малые деньги. «И знаешь, как я выживал? – вспоминал он в одном из поздних интервью. – Писал дикторские тексты под киножурналы „Новости дня“. По 100 рублей за фильм. Тоже неплохо. Сам удивляюсь. Осталась группа знакомых киножурналистов – дружные ребята. Никого не боялись, выписывали гонорар на другую фамилию, и человек этот всегда отдавал»¹³.

Двадцать один год опалы – срок немалый, но и он завершился. С перестройкой Алексей Иванович вроде бы ожил, постоянно где-нибудь выступал, написал книгу воспоминаний, а в 1992 году даже затеял издание собственной газеты «Третье сословие», про которую говорил так:

Это газета нового, а точнее – возрождающегося в России класса людей, которых я назвал бы владельцами собственного таланта. Клас-
са интеллигентных предпринимателей, ибо интеллигенция наиболее близка
к роду духовного предпринимательства¹⁴.

Но то ли предприниматели в России оказались не теми, кого он ждал, то ли требовались совсем новые навыки уже и в газетном менеджменте, то ли просто время его истекло, но «Третье сословие» зачахло, едва явившись на свет, а сам А. ушел из жизни, запомнившись напоследок горькой фразой из своей мемуарной книги:

Ничем себя теперь не оправдаешь, ничего не переменишь, и правы
те, молодые, кто не может понять и простить нас, как мы, в свою очередь,
не должны прощать тех, кто уродовал нашу нравственность...¹⁵

Соч.: Те десять лет. М.: Сов. Россия, 1989; Я был зятем Хрущева. М.: Алгоритм, 2014.

Лит.: Алексей Аджубей в коридорах четвертой власти. М.: Известия, 2003.

---

¹³ Долгополов Н. Падение Никиты Хрущева глазами его зятя Алексея Аджубея // Российская газета. 2019. 8 октября.

¹⁴ http://belousenko.de/wr_Adjubey.htm.

¹⁵ Аджубей А. Те десять лет. М.: Сов. Россия, 1989. С. 187.

Ажаев Василий Николаевич (1915–1968)

Принято считать, что человека, попавшего под жернова репрессий, непременно стремились стереть в лагерную пыль. Это так, конечно, но случались исключения, и судьба А. – одно из них.

Свои четыре года по ст. 58.10¹⁶ он в январе 1935 года получил еще первокурсником-вечерником Литературного института, но отбыл на строительстве Байкало-Амурской магистрали всего два, причем и их провел в культурно-воспитательном отделе, где заведовал, в частности, редакцией литературно-художественного журнала и других изданий строительства. Там же в БАМЛАГовском журнале «Путеармеец» и уже в 1935 году (!) был опубликован один из первых его рассказов «Предисловие к жизни», а когда за «ударно-стахановскую работу» срок был сокращен вдвое, А. еще девять лет по найму прослужил в Управлении стройками и лагерями НКВД – МВД по Хабаровскому краю, и – особо отметим – на немалых должностях: инспектор при главном инженере, начальник бюро изобретательства и рационализации, начальник контрольной инспекции при начальнике Управления...

Нам сейчас остается лишь гадать, был ли А. исключительным везунчиком или имел действительно исключительные заслуги перед органами. Но, как бы там ни было, осенью 1939 года его вновь приняли на заочное отделение Литинститута, а в 1945 году назначили ответственным секретарем журнала «Дальний Восток». И здесь уже в первых номерах за 1946 год начал печататься его роман «Далеко от Москвы».

Эта публикация в малотиражном журнале, растянувшаяся вдобавок на два года, прошла бы, скорее всего, бесследно. Однако – если уж везет, то везет по-крупному – роман о строительстве газопровода, и строительстве отнюдь не эками, а беззаветными большевиками-энтузиастами, приглянулся К. Симонову, и тот усадил за его доведение до ума многоопытных редакторов отдела прозы «Нового мира», да и сам прошелся по тексту рукой мастера.

Результат известен – роман тотчас же после публикации на «новомирских» страницах был признан образцовым, и только А. Твардовский, выступая на заседании редколлегии «Литературной газеты» 3 января 1949 года, позволил себе заметить: «Мы знаем, что вещь Ажаева плохо написана, но мы печатаем и хвалим, во-вторых, мы молчим, а в-третьих, мы не возразим, если будут хвалить»¹⁷.

Возразить, действительно, никто не посмел, поэтому в апреле 1949 года «Далеко от Москвы» отметили Сталинской премией первой, то есть наивысшей, степени, кинорежиссер А. Столпер его экранизировал (1950), тоже, кстати, получив за это Сталинскую премию первой степени (1951), а композитор И. Держинский написал по его мотивам еще и оперу (1954). И, само собою, эту книгу издали на всех мыслимых языках немислимое количество раз («61 раз общим тиражом 1950 тыс. экз.» – уточняется в справке, в марте 1959 года составленной Отделом культуры ЦК КПСС)¹⁸.

Словом, везунчик А. проснулся и богатым, и знаменитым. Надо бы еще сановным, и тут поначалу дело тоже заладилось – после окончательного переезда в Москву (1950) он на первых порах возглавил комиссию по работе с молодыми авторами, а после II съезда писателей в декабре 1954 года вошел и в начальство, отвечая в секретариате правления СП СССР за связь с издательствами и литературную периодику. Надолго прижиться в этой среде ему, однако, не удалось, и уже на следующем съезде в 1959 году А. в секретари не выбрали, так что,

---

¹⁶ Именно этот срок указывается во всех анкетах и автобиографиях писателя. Тем не менее, по информации интернет-ресурса «Бессмертный барак», осужден А. был на 15 лет исправительно-трудовых работ.

¹⁷ Цит. по: *Огрызко В.* Советский литературный генералитет. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 63.

несколько месяцев прокантовавшись на вольных хлебах, он в 1960 году был назначен главным редактором малозаметного журнала «Советская литература (на иностранных языках)», то есть на должность, конечно, почетную, но скорее все же синекурную, чем влиятельную.

Не исключено, что в этом понижении статуса сыграло роль и затянувшееся творческое молчание нашего героя. Следующей после первого романа стала только новая повесть со старым названием «Предисловие к жизни» (1961), но успеха она не принесла, а К. Чуковский в дневниковой записи от 19 апреля 1962 года только вздохнул: «Читаю Ажаева. Я даже не предполагал, что можно быть таким неталантливым писателем. Это за гранью литературы»¹⁹.

Так он, возможно, и вошел бы в историю как автор одной книги. Но тут XXII съезд партии, волна антикультовых публикаций, и А., вернувшись к своему лагерному опыту, берется за работу над романом «Вагон», где, – как сказано в докладной записке и. о. начальника Главлита А. Охотникова, –

в отличие от повести А. Солженицына, случайно сложившийся коллектив «зеков» возглавляют бывшие крупные партийные и хозяйственные работники, коммунисты, негласная партийная ячейка. Они наводят порядок и защищают заключенных от террора уголовников в пути, а по прибытии в лагерь становятся организаторами трудового процесса на самых важных участках (инженерная, проектная, научно-исследовательская, организаторская работа).

Замысел, что и говорить, превосходный, и, наверное, эпохе позднего хрущевского реабилитанса он пришелся бы очень в пору. Одна лишь беда: завершен этот роман и принят «Дружбой народов» к публикации был уже в 1966 году, когда время переменялось и... Продолжим цитировать начальника Главлита:

На наш взгляд, опубликование романа В. Ажаева на лагерную тему в канун 50-летия Советской власти не принесет пользы идеологической работе партии. Это произведение известного писателя, как нам кажется, перечеркнет его хороший, патриотический роман «Далеко от Москвы», на котором воспитывалось послевоенное поколение молодежи. Редакции рекомендовано временно отложить опубликование романа «Вагон», в связи с чем главный редактор тов. Баруздин С. А. снял его из сентябрьского номера²⁰.

И снял надолго – «Вагон» в «Дружбе народов» появится только в 1988 году (№ 6–8), выйдет вскоре и книжными изданиями, но этого в горячке перестройки не заметит уже никто.

Что ж, и везенье не может быть бесконечным.

Соч.: Далеко от Москвы; Вагон. М.: Моск. рабочий, 1989; Далеко от Москвы. М.: Вече, 2013.

Лит.: Lahusen T. How Life Whrites the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca and London, 1997.

---

¹⁹ Чуковский К. Т. 13: Дневник. С. 327.

²⁰ Огрызко В. Советский литературный генералитет. С. 66–67.

Айги (Лисин) Геннадий Николаевич (1934–2006)

А. из тех, кого называют «поэтами без биографии». Рассказывать почти что не о чем: чуваш, сын деревенского учителя, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Рано стал писать стихи на родном языке, с 15 лет печатался в чувашской периодике и, окончив Батыревское педагогическое училище, в 1953 году по рекомендации национального классика П. Хузангая поступил в Литературный институт.

Был он пока похож на всех, и С. Бабенышева, рецензируя рукопись, поданную на конкурс, особо выделила в ней посвящения Сталину, в которых «молодой поэт сумел найти новый поворот темы, найти для передачи этого всеобщего чувства любви – новые слова»²¹.

Был он – еще лучше, наверное, сказать – как *tabula rasa*. «В моей, – вспоминает А., – „чувашской глуши“ очень плохо было с книгами. <...> В столицу я приехал, зная из русских поэтов XX века только Маяковского»²². А тут – музеи и библиотеки, антикварные издания Ницше и Будетлян, институтские занятия под руководством М. Светлова, дружеское расположение Б. Пастернака²³ и Н. Хикмета, знакомство чуть позже с Д. Бурлюком и Р. Якобсоном, приезжавшими в Москву, круг Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, других сумасшедше талантливых сверстников.

Душа пошла в рост, стихи отныне и навсегда стали иными, ни на чьи уже не похожими. Сначала написанные еще по-чувашски, а ближе к пятому курсу уже и по-русски, они либо вырастали из подстрочников, либо, оставаясь по происхождению подстрочниками, притворялись стихами.

Непохожесть ни на кого – тоже по тем временам крамола, и дипломному сборнику «Завязь» не дали пройти до защиты: мало того что разгромили на комсомольском собрании, мало того что исключили из ВЛКСМ, так в мае 1958 года отчислили еще и из института – «за написание враждебной книги стихов, подрывающей основы метода социалистического реализма». В комсомол А. уже не вернулся, а диплом, год помотавшись по Сибири и пробив в Чебоксарах книгу стихов «Именем отцов» на чувашском языке (1958), все-таки получил.

Ни кола, ни двора, ни столичной прописки, ни постоянного заработка, и слава богу, что друзья А. устроили его в Музей Маяковского, где он, никуда не высываясь, проработал десять лет в должности заведующего изосектором (1961–1971). Переводил на чувашский «агитатора, горлана, главаря» и – исключительно для заработка – поэму «Василий Теркин», выпустил на родине несколько книг опять-таки на чувашском («Музыка на всю жизнь» – 1962; «Шаг» – 1964; «Проявления» – 1971). Но всесоюзному читателю удалось показаться всего лишь дважды – 26 сентября 1961 года в «Литературной газете» с предисловием М. Светлова была напечатана подборка стихов, переведенных Б. Ахмадулиной, а во 2-м номере «Нового мира» за 1962 год под рубрикой «Из чувашской поэзии» появились четыре стихотворения, два из которых в переводе Д. Самойлова.

На этом, собственно, и все. Было, разумеется, хождение в самиздате, но достаточно, думается, ограниченное, так как загадочные стихи А., лишённые сюжетности и социального нерва, далеко не всякому читателю оказывались по уму. Зато уже в 1962 году одно стихотворение А. вышло на польском. И дальше больше: Чехословакия, Швейцария, Франция, Англия, Венгрия, Югославия, Нидерланды, Швеция, Дания, Финляндия, Болгария, Турция, Япония...

²¹ Цит. по: *Огрызко В.* Вознесший чувашскую поэзию на мировой уровень // Литературная Россия. 2017. 17 февраля.

²² Айги Г. «Все – здесь...» Херсон: Пилотные школы, 1997. С. 18.

²³ В 1990 году А. о своих взаимоотношениях с Б. Пастернаком написал проникновенный очерк «Все – здесь...», впоследствии неоднократно переиздававшийся.

Понятно, что переводчиков привлекал прежде всего талант А., действительно самородный. Но надо и то принять во внимание, что его верлибры с их ребусным наполнением, простым словарем и причудливой архитектурной хороши именно для перевода, воспринимаясь западными ценителями как явление не столько чувашской и русской, сколько европейской поэзии.

Можно предположить, что и у нас чиновники, смотрящие за литературным базаром, понимали стихи А. так же: во всяком случае, вступить в Союз писателей его не приглашали, но и не мытарили особо. Лишь после того как подборки А. – на русском, естественно, языке – стали появляться в эмигрантской периодике, после того как В. Казак выпустил сборник «Стихи 1954–1971» в Мюнхене (1975), а М. Розанова собрание стихотворений «Отмеченная зима» издала в Париже под грифом «Синтаксиса» (1982), тучи над А. стали вроде бы сгущаться. Но и то злобились не столько московские, сколько чебоксарские власти: «после публикации моих стихов в журнале „Континент“ в 1975 году, – как рассказывает поэт, – я ни разу не смог поехать в Чувашию в течение десяти лет, – друзья предупреждали, что не будет для меня „жизненных гарантий“»²⁴.

Свой удел поэта, признанного на Западе, но в России почти никому неизвестного, А. переносил стоически. Официально принял вместо отцовской родовую фамилию Айги (1969)²⁵. Жил впроголодь, конечно, но дружил с такими же изгоями, как и он сам: поэтами «лианозовской школы» и С. Красовицким, художниками Вл. Яковлевым, А. Зверевым, И. Вулохом, композиторами А. Волконским и С. Губайдулиной. Собрал из своих переводов на чувашский язык внушительные антологии «Поэты Франции» (1968), «Поэты Венгрии» (1974), «Поэты Польши» (1987), составил «Антологию чувашской поэзии», которая была издана на английском, венгерском, итальянском, французском и шведском языках. И писал себе, зная и надеясь, что его «стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

С началом перестройки этот черед действительно настал. И поэт, который, – по его признанию, – провел «три десятилетия вне официальной „литературной жизни“», в конце 1980-х – начале 1990-х годов ненадолго оказался публичной знаменитостью. Пошли – сначала бурно, но становясь, впрочем, все более редкими – публикации в толстых литературных журналах, появилось больше десятка – малотиражных, впрочем, – сборников в России, и домосед, казалось бы, А. объездил полмира, много раз бывал в Германии, Франции, Америке, Швеции...

Общественная слава его, однако же, обогнула. Не могла не обогнуть, учитывая состав его стихов, которые способны понять (и уж тем более полюбить) только немногие званые и избранные. И учитывая модус вивенди, жизненную философию, о которой А. так сказал в одном из своих интервью:

Никакая «Перестройка», никакая «Гласность» не меняет давнее русло моего жизневыдерживания, – скажем, в «творческо-экзистенциальном» смысле. Мешать – может. И мой «труд» – не дать вторгнуться этим силам («Перестройке» и «Гласности») в продолжающееся подспудное движение моей творческой судьбы, – ничто внешнее не должно нарушить его внутреннюю обособленность. Вот всё²⁶.

Таким он и вошел в историю. Для одних как местночтимая святыня, лауреат республиканской Государственной премии (1990) и народный поэт Чувашии (1994). Для других – были и такие высказывания – как шарлатан, чьи сочинения не имеют никакого отношения к русской

²⁴ Амурский В. Геннадий Айги: «Была, кроме „Вех“, и смена атмосфер» // Дети Ра. 2006. № 11.

²⁵ Утверждают, что один из предков поэта произносил чувашское слово «хайхи» («вон тот»), опуская начальный звук, – так возникло семейное прозвище «Айги».

²⁶ Амурский В. Геннадий Айги: «Была, кроме „Вех“, и смена атмосфер» // Дети Ра. 2006. № 11.

традиции²⁷. Для третьих как безусловный гений и обновитель русского стиха, намного опередивший свой век. А для большинства как одна из самых неразгадываемо загадочных, непостижных уму фигур в русской поэзии.

На его могильном камне написано просто – АЙХИ.

Соч.: Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2001; Поля-двойники. М.: ОГИ, 2006; Стихотворения: Комментированное издание. М.: Радуга, 2008; Собр. соч.: В 7 т. М.: Гилея, 2009.

Лит.: Новиков Вл. Так говорил Айги: Устный дискурс поэта // Russian Literature. 2016. № 1. Vol. 79. P. 73–81; Робель Л. Айги / Пер. с франц. О. Северской. М.: Аграф, 2003; Айги: Материалы и исследования: В 2 т. М.: Вест-Консалтинг, 2006; Творчество Геннадия Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард: Материалы междунар. научно-практич. конференции. Чебоксары, 2009; Капитонова И. Поэтический мир Геннадия Айги. Чебоксары: Гос. книжная палата Чувашской республики, 2009.

---

²⁷ См. например: Куприянов В. АЙГИтация: Миф, придуманный «западными» славистами // Литературная газета. 2004. 23–29 июня.

Аксенов Василий Павлович (1932–2009)

Перед тем как 7 марта 1963 года вызвать А. на расправу в Свердловском зале Кремля, Хрущев, уже успевший к тому времени разъяриться, буркнул: «А вы из-за отца мстите, что ли, нам?» В ответ же прозвучало: «Нет, он жив... Он член партии...»²⁸

И действительно, родители А. выжили: отец после восемнадцати лет лагерей и ссылки, мать тоже отбыла свои восемнадцать, и в 1948 году 16-летнему сыну даже разрешили приехать к ней на Колыму. Так что школьный аттестат он получил в Магадане, а в медицинский институт поступил в Казани (1950), откуда перевелся в мединститут уже Ленинградский (1954–1956). Отдал должное и врачебной практике, правда, сравнительно недолгое – всего четыре года.

Возможно, потому что А. рано почувствовал себя писателем: дебютировал «совершенно дурацким», – по его определению, – стихотворением «Навстречу труду» в газете «Комсомолец Татари» (24 декабря 1952 года), но в журнал «Юность» постучался уже с прозой.

Его там ждали: В. Катаеву, амбициозно мечтавшему переменить весь ландшафт советской литературы, остро не хватало только одного – авторов действительно новых и безобманно талантливых. Поэтому, по легенде, наткнувшись в одном из аксеновских рассказов на фразу «Стоячая вода канала похожа на запыленную крышку рояля», главный редактор будто бы сказал: «Он станет настоящим писателем. Замечательным. Дальше читать не буду. Мне ясно».

Рассказы «Наша Вера Ивановна» и «Асфальтовые дороги» (1959. № 7) публика, однако же, не заметила. Но через год явились «Коллеги» (1960. № 6–7)²⁹, и автор, что называется, проснулся знаменитым. По его повести устраивались читательские конференции и писались школьные сочинения. Ф. Кузнецов, тогда либеральный, заявил, что «первая повесть двадцатисемилетнего врача поможет многим юным занять свое место в атаке» (Литературная газета, 14 июля 1960). На «Мосфильме» полным ходом шли съемки одноименного фильма с В. Ливановым, В. Лановым и О. Анофриевым (1962) в главных ролях. А., по рекомендации Ю. Бондарева, тоже еще либерального, принимают в Союз писателей, избирают чуть позже депутатом районного совета, вводят (вместе с Е. Евтушенко) в редколлегия «Юности» (1963–1969).

«Коммунизм – это молодость мира», и ранние 1960-е в самом деле время преимущественного протекционизма по отношению к «мальчикам» – молодым и дерзким. Впрочем, желательно бы умеренно дерзким, и все было хорошо, пока А. делал вид, что отмежевывается от преданных ему стилиг, и простецки призывал их: «Вы не динозавры, ребята! Помните, что вы современные советские люди, поднимите головы в небо. Неужели вы не увидите там ничего, кроме неоновой вывески ресторана?» (Литературная газета, 17 сентября 1960). И совсем другое дело, когда герои «Звездного билета» (Юность. 1961. № 6–7), «Апельсинов из Марокко» (Юность. 1963. № 1), романа «Пора, мой друг, пора» (Молодая гвардия. 1963. № 4–5) если еще и не бунтуют в открытую против казенной догматики, то пытаются спастись от нее бегством.

Став, говоря нынешними словами, «иконой стиля», многими своими молодыми читателями А. понимался еще и как своего рода нравственный ориентир, а такое терпеть было уже невозможно. Так что крик Хрущева в Свердловском зале был в этом смысле последним предупреждением, хотя судьбу А. он все-таки не сломал. Время на дворе стояло гибридное, правая рука не всегда ведала, что делает левая, и уже на четвертый день после исторической встречи

²⁸ Цит. по: *Виравов И.* Андрей Вознесенский. С. 234.

²⁹ Авторское название этой повести – «Рассыпанной цепью» – было изменено по совету В. Катаева: «Русские врачи издавна называли друг друга «коллегами». Не дать ли такое название повести?» – «Коллеги», «Коллеги», – повторил про себя Аксенов, – действительно, звучит (*Петров Д.* Василий Аксенов. Сентиментальное путешествие. М.: Эксмо, 2012).

с вожжами А. по протекции А. Аджубея благополучно улетел в Аргентину³⁰. Вернувшись, он, впрочем, по настоянию друзей-«юностинцев»³¹ все же отнес в «Правду»³² статью «Ответственность» (3 апреля 1963) – не то чтобы покаянную, но переполненную упреками самому себе за «легкомыслие» и «неправильное поведение»³³.

Время, повторимся, было гибридным. Поэтому роман «Звездный билет» при советской власти отдельным изданием так и не вышел, но его экранизацию «Мой младший брат» в августе 1963 года все-таки выпустили в массовый прокат. Да и сам А... Его «Дикой» (Юность. 1964. № 12), «Победа» (Юность. 1965), другие рассказы середины 1960-х, его пьеса «Всегда в продаже», поставленная «Современником» в июне 1965-го³⁴, его «Затоваренная бочкотара» (Юность. 1968. № 3)³⁵ – наверное, лучшее из написанного А. на пограничной полосе между почти дозволенным и прямо запрещенным. И вел он себя тоже, скажем так, по-всякому: то в начале 1966-го откажется подписать заявление, протестующее против реабилитации Сталина³⁶, то месяцем спустя едва не попадет в кутузку за попытку организовать – по пьяной, впрочем, лавочке, – демонстрацию на Красной площади в праздничный день смерти тирана³⁷.

Оттепель, однако, сходила на нет, публикации задерживались, зарубежные поездки отменялись. Да и возраст взывал, надо полагать, к однозначности, поэтому, начиная с процесса А. Синявского и Ю. Даниэля, подпись А. всегда возникает под коллективными обращениями в защиту оклеветанных и осужденных, а в мае 1967 года он направляет в президиум IV съезда писателей собственное письмо с требованием прекратить «невероятное долголетнее непрекращающееся давление цензуры», которое «опустошает душу писателя, весьма серьезно ограничивает его творческие возможности»³⁸.

³⁰ Как сказано в комментариях к записным книжкам А., «поездку в Аргентину после разноса в Кремле устроил симпатизировавший ему Алексей Аджубей, зять Хрущева, главный редактор газеты „Известия“, чтобы уберечь его от неизбежных преследований на родине» (Аксенов В. «Одно сплошное Карузо». С. 229).

³¹ «Нас могут теперь прикрыть, говорили сотрудники редакции. Надо что-то делать. Что можно было сделать? Естественно, надо было показать партии, то есть пресловутой этой Старой площади, что мы с нашим новым подходом, с лучшим пониманием современной молодежи принесем больше пользы «общему делу», чем замшелые бюрократы. <...> Тогда-то и появились на свет различные заявления авторов журнала, признающих какие-то якобы совершенные «ошибки», в том числе моя статья „Ответственность“ в „Правде“, составлять которую мне помогала чуть ли не вся редакция. Все вздыхали, поднимали глаза к потолку, разводили руками – надо спасать журнал!» (Аксенов В. «Одно сплошное Карузо». С. 327–329). По сообщению Г. Красухина, «статья „Ответственность“ в „Правде“ написана в основном не Васей, а Стасиком Рассадным. Вася по ней прошелся, так сказать, рукой мастера. И до тех пор, пока они с Рассадным смертельно не поссорились, благодушно говорил, что в „Правде“ статья Рассадина под псевдонимом „Аксенов“».

³² Как отмечено 8 июня в докладной записке Идеологического отдела ЦК КПСС, это письмо в «Правду» А. принес «„по своей инициативе“». <...> С подобными заявлениями выступили в „Правде“ Р. Рождественский, А. Васнецов, Э. Неизвестный» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 635).

³³ И. Эрэнбург, которому на встрече в Кремле тоже досталось, в свою очередь упрекнул А. в легкомыслии. Сказал ему в частном разговоре, – цитируем по дневниковой записи С. Ласкина, – вот что: «Слишком легко говорить об ответственности – это не нужно. И для чего так сразу! Ведь Вам ничего не угрожало. Теперь не стреляют – пули не настоящие, а бумажные... Меня ужасно ругали, но я ничего не писал» (Ласкин С. «Да, старик, тебе повезло как надо...»: Василий Аксенов в дневниках 1956–1989 годов // Знамя. 2017. № 5. С. 176).

³⁴ «Как это здорово! – спустя год, 10 июня 1966 года, записал в дневнике С. Ласкин. – Блестящая игра ума, тонкость и очень смело. Зал аплодировал долго, не берусь даже сказать сколько, да еще как!» (Там же. С. 180).

³⁵ До этого повесть побывала в «Новом мире», но... Вот фрагмент из дневников Алексея Кондратовича: «Ася Берзер принесла рукопись Аксенова „Бочкотара“. – Это же плохой писатель, – пожал плечами А. Т. Мол, что я буду читать. – Начинал он интересно. – И начинал неинтересно» (Кондратович А. Новомирский дневник. С. 106).

³⁶ «Составил письмо Эрнст Генри, подписали Чуковский, Паустовский, Слуцкий, Тендряков, В. Некрасов, Катаев. Отказались Симонов, Алигер, Евтушенко, Аксенов», – еще 1 февраля записывает в дневник Раиса Орлова (Орлова Р. «Родину не выбирают...» // Знамя. 2018. № 9. С. 161).

³⁷ Как сообщил по инстанциям секретарь Московского горкома ВЛКСМ В. Трушин, А. и вместе с ним задержанные дружинниками Ю. Мориц, А. Гладилин, В. Гнеушев, супруги Тоом пытались отрицать свои антисоветские намерения, однако «не случайно на площади оказались корреспонденты зарубежной прессы (в том числе „Нью-Йорк Таймс“, „Унига“, а также французских, бельгийских и др. газет)» (цит. по: Огрызко В. Охранители и либералы. Т. 2. С. 291–292).

³⁸ Аксенов В. «Ловите голубиную почту...». С. 397–398.

Прямым диссидентом А., однако же, не стал, и его поведение в 1970-е годы отнюдь не бодание теленка с дубом, но своего рода игра в кошки-мышки. Когда для себя, в стол пишутся вещи заведомо непроходимые («Ожог» – 1975, «Остров Крым» – 1977–1979), а на продажу идут либо шаловливо-детские повести «Мой дедушка – памятник» (1972), «Сундук, в котором что-то стучит» (1976), либо беллетризованная биография наркома Красина «Любовь к электричеству» для серии «Пламенные революционеры» (1971, 1974), либо перевод романа Э. Доктору «Рэгтайм» (Иностранная литература, 1978. № 9–10), либо и вовсе сочиненный в компании с О. Горчаковым и Г. Поженяном пародийно-хулиганский роман «Джин Грин – неприкасаемый» (1972) – «пухлый, – как заметил в своем блоге Е. Сидоров, – беллетристический капуста», не более того».

Значимыми исключениями в этой череде вполне невинных литературных упражнений оказались «Круглые сутки нон-стоп» (Новый мир. 1976. № 8) и «Поиски жанра» (Новый мир. 1978. № 1)³⁹, пропущенные в печать, когда власть еще пыталась делать вид, что терпит А., и А., в свою очередь, еще притворялся, что терпит ее.

Но всякому терпению приходит конец. А. вместе с Ф. Искандером, Вик. Ерофеевым, Е. Поповым составляет неподцензурный альманах «Метрополь» (1979), подает документы на выезд (1980)... Начинается совсем другая история, о которой многое стоило бы рассказать, но, наверное, не здесь.

«Спрос на Аксенова сегодня больше, чем на экземпляры его произведений», – заметила З. Богуславская. Поэтому что ни говори, как ни вспоминай более поздние десятилетия, но память об А. – это прежде всего и по преимуществу память все-таки об Оттепели – о завидной жизни советского плеейбоя и его заоблачной в те дни славе, память о времени, про которое лучше всего сказать собственными же словами Василия Павловича: жаль, что вас не было с нами.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М.: Юность, 1994; Желток яйца. М.: Эксмо, 2002; Вольтерьянцы и вольтерьянки: Роман. М.: Эксмо, 2007; Редкие земли: Роман. М.: Эксмо, 2007; Таинственная страсть: Роман о шестидесятниках. М.: Семь дней, 2009; Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012; «Одно сплошное Карузо». М.: Эксмо, 2014; «Ловите голубиную почту»: Письма. М.: АСТ, 2015; Остров Личность. М.: Эксмо, 2018; Лекции по русской литературе. М.: Эксмо, 2019.

Лит.: Солоненко В. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове. М.: Три квадрата, 2010; Кабаков А., Попов Е. Аксенов. М.: АСТ, 2011; Петров Д. Василий Аксенов. М.: Молодая гвардия, 2012 (Жизнь замечательных людей); Щеглов Ю. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова: Комментарий. М.: Новое лит. обозрение, 2013; Есинов В. Четыре жизни Василия Аксенова. М.: Рипол классик, 2016.

³⁹ Выразительна характеристика, какую новомирский главный редактор С. Наровчатов дал в письме Д. Самойлову от 13 марта 1978: «Васька Аксенов – прохвост. Из-за него „Н. мир“ чуть не опоздал с выходом, а 39 сотрудников едва не лишились квартальной премии. Он торчал в Париже и трепался всему свету, что его не хотят печатать, а мы ждали его подписи в свет. Через год я, наверно, отойду и опять напечатаю его очередную галиматью» (Давид Самойлов. Мемуары. Переписка. Эссе. С. 185).

Алексеев Михаил Николаевич (1918–2007)

Родившись в семье маломощных середняков на Волге⁴⁰, написав множество книг о сельском житье-бытье, в разряд мастеров деревенской прозы А. все-таки не попал. То же и с войною – служил, участвовал в сражении под Сталинградом и в битве на Курской дуге, был награжден боевыми орденами и свой фронтовой опыт отразил в десятках произведений, но в ряду певцов «окопной правды» не числился тоже.

Уж не загадка ли? Да нет, все очень просто. Принимая посильное, порою деятельное участие в стычках многочисленных литературных, журнальных «партий», А. неизменно брал сторону одной-единственной, той, которой кавычки не нужны. Став членом ВКП(б) еще в 1942-м, он так всегда и понимал себя – прежде всего как писателя-коммуниста, солдата партии Ленина – Сталина.

Его первые и почему-то приключенческие повести «Конец Меченого волка», «Привидения древнего замка», «Коричневые тени», написанные еще в Австрии во время службы военкором в советских оккупационных войсках, такой высокой миссии, безусловно, не соответствовали, отчего так и остались в рукописи. А вот роман «Солдаты» соответствовал полностью. Жаль лишь, что автору с его неполным средним образованием не хватало профессиональных навыков, да и элементарной грамотности не хватало тоже. Поэтому редакция «Знамени», одоблив замысел, но намучившись с многомесячной редактурой, роман все-таки отклонила, отклонил и «Новый мир», так что многострадальные «Солдаты» увидели свет только в провинциальных «Сибирских огнях» (1951).

Тем не менее роман – и здесь мы можем положиться лишь на воспоминания А. – чуть было не получил Сталинскую премию. Однако, когда лауреатский список уже сверстали, к Сталину пришла телеграмма от С. Сергеева-Ценского с просьбой присудить премию крымскому прозаику Е. Поповкину, и отзывчивый вождь народов по совету К. Симонова будто бы заменил беззащитных «Солдат» на поповкинскую «Семью Рубанюк»⁴¹.

Такие сообщения о недополученной славе будут множиться в устных рассказах А. Нам же лучше сосредоточиться на подтвержденных фактах и сказать, что А. приняли в Союз писателей (1951), из Вены в октябре 1952 года перевели редактором в московский Воениздат, где ему удалось отличиться, «очень напористо», – по словам Л. Лазарева⁴², – отстаивая интересы издательства в «паскудной тяжбе» с В. Гроссманом, от которого требовали вернуть аванс за принятый в печать, но не выпущенный роман «За правое дело». Ну а дальше... Дальше демобилизация из армии в чине подполковника⁴³, учеба на Высших литературных курсах (1955–1957)⁴⁴ и этапы уже собственно писательской службы: член редколлегии «Литературной газеты» по разделу русской литературы при В. Кочетове (1957–1960), первый заместитель главного редактора «Огонька» при А. Софронове (1960–1965), секретарь правления Союза писателей РСФСР при Л. Соболеве (1965–1968).

Служил всюду исправно – и высшей власти, и той, что поближе. Например, еще работая в «Литгазете» под началом В. Кочетова, откликнулся на его роман трехподвальной пане-

⁴⁰ Его отец, председатель сельсовета, в середине 1933 года был арестован за то, что выдавал «незаконные» справки некоторым односельчанам, чтобы они смогли разъехаться по городам и спастись от голода. В начале 1934 года отец умер в Саратовской тюрьме. Примерно тогда же, в феврале 1934-го, в родном селе Монастырское от голода умерла и мать будущего писателя.

⁴¹ См. интервью с А. в книге: *Бондаренко В. Пламенные реакционеры*. С. 71.

⁴² *Лазарев Л. Шестой этаж*. С. 73.

⁴³ Полковником он станет только через двадцать с лишним лет по приказу министра обороны Д. Устинова.

⁴⁴ «Жизнь так складывалась – не дошел до высших сфер образования, – рассказывал А. – Да, окончил Высшие литературные курсы, сидел за одной партой с Астафьевым и Чингизом Айтматовым. Только полного высшего образования у меня нет» (*Тюрин Ю. Рядом с большим писателем* // Москва. 2018. № 5).

гирической статьей «Братья Ершовы ведут бой» в дружественном еженедельнике «Литература и жизнь» (3 сентября 1958)⁴⁵. «С ревизионизмом и нигилизмом, на какое-то время захватившими и некоторых литераторов», сражался, конечно, тоже, писал духоподъемные статьи под названиями типа «Вращенная партией» (Литературная газета, 9 июля 1957). Что же касается А. Софронова и Л. Соболева, то они чувствовали себя с таким замком, будто за каменной стеной, и смело могли пускаться как в долгие зарубежные путешествия, так и в еще более длительные творческие отпуска.

С таким опытом можно было А. уже и на первые позиции претендовать. Естественно поэтому, что едва освободилось место главного редактора в «Москве», как А. тотчас же на него назначили, и правил он этим журналом с 1968 по 1990 год. Борозду не портил, идеологическую дисциплину блюл свято: уволил, скажем, вскоре после своего назначения заведующую отделом поэзии Е. Ласкину за публикацию «идейно вредного» стихотворения С. Липкина «Союз И» (Москва. 1968. № 12)⁴⁶.

Журнал, при его предшественнике Е. Поповкине расхристаный, заметно присмирел. Авторами номер раз стали С. Бабаевский, П. Проскурин, другие проверенные автоматчики партии, в редакции воцарились, – вспоминает Д. Тевекелян, недолгое время работавшая с А., – «урапатриотический дух, велеречивый официальный восторг всем происходящим в стране, готовность руководства поддержать любое, самое нелепое решение власти <...>, косяком пошли трескучие пресные повести, тенденциозные статьи, никакая очеркистика»⁴⁷. А сам А. опять отличился, открыв своей фамилией известное коллективное письмо «Против чего выступает Новый мир?» (Огонек, 26 июля 1969).

Не все, впрочем, было так мрачно: в подшивках «Москвы» за те годы можно найти и интересные историко-литературные публикации, и нашумевшие в свое время романы «Семнадцать мгновений весны» Ю. Семенова (1969. № 11–12), «Ягодные места» Е. Евтушенко с напутствием В. Распутина (1981. № 11), еще что-то. Поэтому и не надо бы было А. на склоне лет приписывать себе честь открытия еще и «Мастера и Маргариты», на самом-то деле опубликованной в «Москве» за два года до назначения А. на пост. Так ведь приписал же, в интервью «Российской газете» от 4 ноября 2002 года красочно рассказал и о своих отношениях с Е. С. Булгаковой, и о боях с цензурой, даже вздохнул напоследок: «Роман я прочитал в рукописи, и он потряс меня». И не надо, право слово, не надо бы в другом уже интервью утверждать, что в январе 1970 года на юбилее Исаковского Твардовский, изгоняемый из своего журнала, «оказывается, в кулуарах не только хвалил алексеевскую прозу, но и выражал сожаление, что в редактируемом им „Новом мире“ ее несправедливо критиковали»⁴⁸.

Сомнительна – последний уже пример – и многократно изложенная А. новелла о том, как в 1984 году ему «единогласно, при тайном голосовании, присудили Ленинскую премию» за роман «Драчуны», но в это время как на грех вышла посвященная роману статья М. Лобанова «Освобождение», разгневавшая Ю. Андропова, и... И безвинного А. премии лишили «уже после голосования по присуждению. Заставили отменить решение. Роман „Драчуны“ признали антисоветским, и премию Ленинскую решили передать другому. <...> Перечеркнули результаты и дали Мустаю Кариму»⁴⁹.

И все бы вроде ладно. Если забыть про последовательность событий, про то, что роман вышел в 1981 году (Наш современник. № 6–7, 9), токсичная статья М. Лобанова была напеча-

⁴⁵ И. Шевцов, кстати сказать, процитировал выразительный отзыв В. Кочетова об А.: «Он хороший парень, но, если бы он оказался на оккупированной территории, немцы сделали бы его бургомистром» (Жакин О. Один против мирового сионизма // Русская жизнь. 2007. 7 декабря).

⁴⁶ Симонов А. Парень с Сивцева Вражка. С. 325–326.

⁴⁷ Тевекелян Д. Интерес к частной жизни. С. 207–208.

⁴⁸ Турков А. И пошло себе гулять по белу свету... // Знамя. 2007. № 7.

⁴⁹ Алексеев М. Кровь и голод: Беседа с В. Бондаренко // Завтра. 2001. 3 июля.

тана в 1982-м (Волга. № 10), а «Драчуны», пройдя сквозь кремлевское сито, допущены к голосованию, то есть предварительно одобрены в ЦК, только через полтора года – в апреле 1984-го.

Досадные, нечего говорить, эти «ошибки памяти». Тем более что среди столпов т. наз. секретарской прозы А. – писатель как раз не из самых плохих: «Вишневый омут» (1962), «Хлеб – имя существительное» (1964), «Ивушка неплакучая» (1970–1974), те же «Драчуны» по письму вполне добротны, так что и теперь востребованы доверчивой массовой публикой, и при жизни неплохо читались. Да и к имени этому привыкли за десятилетия: депутат Верховного Совета РСФСР, неперенный делегат партийных съездов, Герой Социалистического Труда (1978), орденосец, лауреат Государственных премий РСФСР (1966) и СССР (1976).

На перестройку А. ответил военно-патриотическим романом «Мой Сталинград», а его журнал, как и все, ворохом публикаций из «запрещенной классики». Но каких? Гумилевские «Записки кавалериста», набоковская «Защита Лукина» – вещи замечательные, но лишенные социального нерва, а растянувшаяся на два года публикация из номера в номер карамзинской «Истории Государства Российского» и вовсе выглядела жестом либо отчаяния, либо полной растерянности. Так что свою отставку А. принял смиренно (1990), а доживал на покое. Ездил только в Саратов на вручение ежегодной премии, которой губернатор Д. Аяцков дал его имя. Хлопотал сначала перед Ельциным, потом перед Путиным о возвращении городу на Волге гордого имени Сталинград⁵⁰, дописывал, хотя не успел дописать, роман «Оккупанты» о том «как нас встречали в 1944–1945 годах в освобождающейся от фашизма Европе. Дороги и в Чехословакии, и в других странах цветами были уложены»⁵¹.

И ни на йоту не поступился принципами, сказав в одном из предсмертных интервью:

Величайшая коммунистическая идея ни в чем не виновата. И кто бы ни пытался доказать обратное, всегда терпел провал. Советский Союз был величайшей державой, в мире их было всего две, вторая – Соединенные Штаты. А теперь...⁵²

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М.: Молодая гвардия, 1987–1988; Избр. соч.: В 3 т. М.: Русское слово, 1998; Журавушка. М.: Вече, 2012; Драчуны. М.: Вече, 2014; Ивушка неплакучая. М.: Вече, 2018; Мой Сталинград. М.: Вече, 2018.

---

⁵⁰ Алексеев М. «Мы свое сказали...»: Беседовал В. Грибачев. <https://rospisatel.ru/alekseev-int.htm>.

⁵¹ Бондаренко В. Пламенные реакционеры. С. 74.

⁵² Алексеев М. «Мы свое сказали...»: Беседовал В. Грибачев. <https://rospisatel.ru/alekseev-int.htm>.

Алексин (Гоberman) Анатолий Георгиевич (1924–2017)

«А у меня вот судьба сложилась счастливо», – сказал А. в одном из поздних интервью. И – если откорректировать эти слова спецификой советского XX века – не ошибся. Его отец в 1937-м был, правда, как и многие, арестован, приговорен к расстрелу, но через полтора года ввиду пересмотра дела освобожден. И сам А. стал печатать в «Пионерской правде» патриотические стихи как раз в то еще время, когда отец сидел в камере смертников. И на войне его не убило – был вместе с матерью вывезен в Каменск-Уральский на строительство Уральского алюминиевого завода. Работал там в многотиражной газете «Крепость обороны», снабжал ее заметками и стихами, опять-таки патриотическими, и даже получил первую государственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

А вернувшись в Москву, учился почему-то на индийском отделении Московского института востоковедения – без большого, однако, усердия⁵³, зато стихи писал по-прежнему и в столичной литературной жизни понемногу осваивался. И снова везенье – в 1947 году А. был приглашен на Первое всесоюзное совещание молодых писателей, где С. Маршак, Л. Кассиль, К. Паустовский его стихи не одобрили и посоветовали переключиться на прозу.

А. послушался, и его пионерские (пока еще пионерские) повести, подписанные уже не паспортной фамилией, а сценическим псевдонимом матери, стали публиковаться в детских журналах, в 1950 году вышла первая книга («Тридцать один день»), в 1952-м вторая («Отряд шагает в ногу»), в 1954-м третья («В одном пионерском лагере»). Жизнь, словом, наладилась, и только Л. Чуковская знаменитой статьей «О чувстве жизненной правды» ударила по молодому автору, обвинив его в сладенькой фальши и найдя, что проза А. не проза на самом деле, а

нечто вроде сборника примеров: вот пример на правильно понятое и на неправильно понятое товарищество; на правильное и на неправильное сочетание уроков с общественными делами; на чуткое и нечуткое отношение к больному товарищу (Литературная газета, 24 декабря 1953).

За начинающего собрата, впрочем, заступились старшие товарищи С. Михалков, Н. Томан, Ю. Яковлев (Литературная газета, 29 мая 1954), и больше никто и никогда его произведения критике уже не подвергал. Да, собственно говоря, и не за что было – А. всю жизнь работал ровно, без спадов и провалов, а его повести, утратив противный пионерский задор, из разряда детских сдвинулись в область – как говорили тогда – литературы для подростков и юношества, насытились в полном согласии с оттепельными стандартами острой моральной проблематикой, провоцирующей и читательские отклики, и диспуты на школьных собраниях, на школьных педсоветах... И мастерство, или, выразимся скромнее, мастеровитость, пришли тоже, так что из сорока трех повестей, написанных А., в одной лишь «Юности» была напечатана двадцать одна, а сам он с возникновения этого журнала стал бессменным членом его редколлегии.

Словом, и популярность, и авторитет А. росли как на дрожжах, а после того как он в 1958 году вступил в партию, пошла и карьера. Писательская молва связывала эту карьеру с благоволением С. Михалкова, при котором А., – процитируем Г. Красухина, – будто бы был «как шестерка при паханае, – и денщиком, и заботливой нянькой, и весьма толковым делопроизводителем, недаром держался за Сергея Владимировича обеими руками. Вся его сытая

---

⁵³ «Ни одного иностранного языка, – признавался А., – я за всю жизнь не осилил. <...> Профессор урду и хинди обожал литературные и светские новости. На экзаменах, вытянув из меня, тогда уже литератора, все известные мне сведения о мастерах слова, об их общественной, личной, а то и интимной жизни, он в благодарность произносил: „Очень любопытно! Спасибо... Пятерка!“ Так я завершил свое высшее образование» (Алексин А. Поцелуй Никиты Сергеевича: Из блокнота // Алексин А. Перелистывая годы. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. С. 101).

номенклатурная секретарская жизнь держалась на этой связи». Сказано, может быть, слишком сильно, хотя, однако же, небезосновательно. Во всяком случае, едва став в 1965 году первым секретарем Московской писательской организации, С. Михалков тут же и А. позвал к себе руководить секцией детских и юношеских писателей, а возглавив в 1970 году Союз писателей РСФСР, и А. на 19 лет произвел в штатные секретари, поручив ему контроль за всем, что пишется для детей и молодежи.

Репутация у этого «малого», – как тогда говорили, – писательского Союза уже тогда была скверной, националистической и едва не антисемитской, и стоит внимания, что А., подробно рассказывая о своей жизни в автобиографическом романе «Перелистывая годы», почти ни словом не обмолвился о том, как справлялся он с ролью «умного еврея при губернаторе».

Но ведь справлялся же. Лишь заметив как-то, что «меня лично антисемитизм ни разу не касался»⁵⁴, и навсегда выбрав осмотренность как норму поведения, ни разу и ни в чем не засветившись как благовидными, так и неблаговидными гражданскими поступками⁵⁵. Возможно, прав Л. Лазарев, и «сверхблагополучный» А., «несмотря на все свои успехи, <...> жил в вечном страхе, он всегда был ниже травы и тише воды, улыбка у него была заискивающей, ходил он словно бы на цыпочках»⁵⁶.

А возможно, так казалось лишь со стороны, ибо миром детской литературы, детских изданий и издательств А. правил вполне уверенно: без его санкции ни планы выпуска не верстались, ни решения о переводах на иностранные языки не принимались, ни поощрения не раздавались, и даже статьи критиков о своем творчестве он в подведомственных ему изданиях правил, как заборорассудится. Удивительно ли, что кто-то из коллег по «детскому цеху» признателен ему, что называется, по гроб жизни, а кто-то – ну, например, Э. Успенский – именно его и С. Михалкова называл «самыми главными негодьями в Союзе писателей», ибо они конкуренции не терпели и будто бы «всё выжигали вокруг себя!»⁵⁷

Растянувшееся на десятилетия положение первого или пусть хотя бы даже только второго детского писателя в Стране Советов дало А. многое. И статусные (обычно вице-президентские) должности в бесчисленных общественных организациях и советах: от Советского комитета защиты мира до Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей... И высокие награды: от орденов Ленина, Трудового Красного Знамени до премий – Ленинского комсомола (1970), Государственных РСФСР (1974) и СССР (1978), иных бесчисленно многих...

Так бы и жить. Но на рубеже 1980–1990-х годов все союзы писателей и вся вертикаль литературной власти рухнули, переиздания на какое-то время (и казалось, что навсегда) приостановились, антисемиты, благодаря декретированной свободе слова и собраний, распоясались донельзя. И тут, – процитируем еще раз Г. Красухина, – А. «нашел выход из патовой ситуации», в 1993 году перебравшись, никого о том не оповещая, в Израиль: сначала вроде бы только на месяц, по личному, – как он сам рассказывал, – приглашению И. Рабина, а потом осел и на годы, пока в 2011-м не переселился поближе к дочери в Люксембург.

«Русским Марк Твен» его, правда, уже не называли, да и писал он уже не столько для подростков, сколько для взрослых читателей. И трудно сказать, имела ли его трагическая и анти-антисемитская «Сага о Певзнерах» заметный успех в Израиле. В России, кажется, все-таки нет, зато, после издательского обморока в первой половине 1990-х, переиздания его давних и уж точно полюбившихся читателям повестей хлынули потоком.

⁵⁴ Шульман А. Перелистывая годы с Анатолием Алексиним // Шульман А. Это будет недавно, это будет давно... <http://mishpoha.org/library/21/2120.php>.

⁵⁵ Впрочем, иногда положение и его обязывало – подписать, например, коллективное заявление писателей с гневным осуждением академика А. Д. Сахарова (Литературная газета. 1973. 5 сентября).

⁵⁶ Лазарев Л. Записки пожилого человека. С. 467.

⁵⁷ Писатель Эдуард Успенский: «Самыми главными негодьями были Сергей Михалков и Анатолий Алексин» // Столица С. 2018. 15 августа. <https://stolica-s.su/archives/150940>.

Их читают, о них спорят – не в критике уже, правда, и не на собраниях, а в социальных сетях. И может ли быть лучшей память о писателе, прах которого, как и было предусмотрено завещанием, тихо, без публичной огласки захоронен на московском Кунцевском кладбище, рядом с могилами его родителей?

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М.: Терра – Книжный клуб, 1998; Собр. соч.: В 9 т. М.: Центрполиграф, 2001; Перелистывая годы. М.: Центрполиграф, 2001; Сага о Певзнерах. М.: Corpus, 2012.

Алигер (Зейлигер) Маргарита Иосифовна (1915–1992)

Начало пути ослепительное: сорвавшись в 16-летнем возрасте из Одессы в Москву, А. почти сразу же плотно входит в литературную жизнь столицы – в 1933 году печатает в «Огоньке» свои первые стихи, в 1934–1937-м учится в Литературном (сначала еще Вечернем рабочем) институте, в 1938-м выпускает дебютную книгу «Год рождения» и вступает в Союз писателей, становится секретарем его комсомольской организации, а в январе 1939-го – в одном ряду с модными тогда К. Симоновым и Е. Долматовским – получает орден «Знак Почета».

Вот и пигалица вроде бы, отнюдь не красotka, так что А. Ахматова называла ее «алигерией», а И. Эренбург сравнивал с «маленькой птичкой», однако же звезда. И любовная биография этой репутации под стать: нашумевшая связь с Я. Смеляковым, короткие романы с А. Фатьяновым, Н. Тихоновым, А. Тарковским, брак с начинающим композитором К. Макаровым-Ракитиным и, уже после его гибели на фронте, страстный союз с А. Фадеевым, тоже, впрочем, недолгий, но ставший, – как скажет позднее А., – «главным событием»⁵⁸ ее личной жизни.

А главными событиями литературной биографии стали поэмы – «Зоя», уже менее через полгода после первой публикации (Знамя. 1942. № 11) отмеченная Сталинской премией 2-й степени (март 1943), и «Твоя победа», напечатанная в 9-м номере «Знамени» за 1945 год под одной обложкой с очередными главами фадеевской «Молодой гвардии».

Патетическую «Зю» встретили рукоплесканиями, не смолкавшими до самого конца советской истории. А к «Твоей победе» отнеслись настороженно. И потому что А. «кошунственно», как показалось друзьям, в одном образе объединила мужа, погибшего в первые месяцы войны, со своим недавним любовником А. Фадеевым. И потому что смысловым центром поэмы неожиданно стала глава «Мы – евреи», где «во имя чести племени, гонимого в веках», были прославлены «потомки Маккавеев» – еврейские «мальчики, пропавшие без вести, мальчики, убитые в боях».

За это А. в наступившие вскоре годы истребления безродных космополитов могли бы, конечно, четвертовать. Но обошлось – тем, что поэму с тех пор если изредка и перепечатавали, то без опасных строк, да Н. Грибачев прикрикнул: мол, «поэт, забыв о народе, о Родине, обо всем, что свято для советского человека, копается в своей мелкой душонке!»⁵⁹

Так что и в Союзе писателей, и в партии, куда она вступила в 1942 году, А. осталась и печататься продолжила, представляя в глазах современников, – сошлемся на мнение Л. Чуковской, – как «стареющая девочка, старенькая пионерка»⁶⁰, с неизжитым задором бросающаяся на поддержку всего, что казалось ей соответствующим курсу партии на восстановление ленинских норм жизни. Во всяком случае, приняла деятельное участие в редколлегии кооперативного сборника «Литературная Москва», а когда Хрущев во время исторического обеда с писателями 19 мая 1957 года напустился на его создателей, единственная попыталась ему возразить, и это, – говорит И. Эренбург, – был «голос маленькой пичуги среди урагана».

Хрущев, по рассказам очевидцев еще и хвадивший на этом банкете лишку⁶¹, пришел в неистовство: «Отрыжка капиталистического Запада!.. Не верю таким коммунистам! Вот беспартийному Соболеву верю!.. Пакостите за спиной! О буржуазной демократии мечтаете!..»

⁵⁸ См.: Громова Н. Распад. С. 46–47.

⁵⁹ Грибачев Н. Против космополитизма и формализма в поэзии // Правда. 1949. 16 февраля.

⁶⁰ Чуковская Л. Из дневника. Воспоминания. С. 105.

⁶¹ См. подробное описание этой встречи писателей с властью в рассказе В. Тендрякова «На блаженном острове коммунизма» (Новый мир. 1988. № 9).

И не сразу, совсем не сразу, под напором очереди уже писательских собраний, где все безжалостнее разбиралось ее дело, А. все-таки сломалась:

Я как коммунист, принимающий каждый партийный документ как нечто целиком и беспредельно мое личное, непреложное, могу сейчас без всяких обвиняков и оговорок, без всякой ложной боязни уронить чувство собственного достоинства, прямо и твердо сказать товарищам, что все правильно, я действительно совершила те ошибки, о которых говорит тов. Хрущев. Я их совершила, я в них упорствовала, но я их поняла и признала продуманно и сознательно, и вы об этом знаете⁶².

Так сказано было ею на партийном собрании 1 октября 1957 года, и больше, изуродованная, – как говорит Е. Шварц, – «одиночеством, свирепыми погромами в Союзе писателей»⁶³, А. уже никогда не вольничала. Писала благонравные лирические стихи и статьи о поэзии, много переводила едва ли не со всех, какие бывают, языков, получала ордена к знаменательным датам, выпустила уже в 1980 году книгу мемуаров «Тропинка во ржи» – вполне содержательную, однако столь оглядчивую и оскопленную, что злые остроумцы тут же назвали ее «тропинкой во лжи»...

Никаких недостойных поступков за А., впрочем, не числится. Но отважных не числится тоже, и в дневниках современников зафиксировано, как последовательно А. отказывалась поставить свою подпись под письмами и протеста против реставрации сталинизма⁶⁴, и в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля⁶⁵, и в поддержку солженицынского обращения к IV съезду писателей.

Еще одна, – вспомним формулу А. Белинкова, – сдача и гибель советского интеллигента? При желании можно и так, конечно, сказать. По крайней мере, бескомпромиссная Л. Чуковская эту стратегию непротивления злу расценила именно как постыдную капитуляцию, и ее открытое письмо А., ставшее памфлетом «Не казнь, но мысль. Но слово» (1967), разделило фрондирующих интеллигентов на сознательных борцов с режимом и соглашателей, пусть даже вынужденных и не сделавших в своей жизни ничего предосудительного⁶⁶.

Однако ведь и жизнь состоит не только из подвигов. Поэтому, – вернемся к сказанным тоже по другому поводу словам Е. Шварца о судьбе А., – «что у нее творится в душе, какие страсти ее терзают, какая тоска – не узнает никто и никогда. <...> И стихи ничего не говорят и не скажут»⁶⁷.

Что же до личной жизни поэта, то она омрачена несчастьями: в 1956 году застрелился А. Фадеев, в 1974-м от рака крови умерла ее старшая дочь Татьяна, в 1991-м покончила с собою младшая дочь Маша, в 1990-м ушел из жизни И. Черноуцан, ее муж в последнее десятилетие. И погибла сама А. трагически нелепо: по неосторожности упала в глубокую канаву рядом со своей дачей в подмосковном Мичуринце и не смогла оттуда выбраться.

Е. Евтушенко вспоминал, что Хрущев, будучи уже в отставке, просил его «передать извинения всем писателям, с которыми он был груб, и первой из них – Алигер, с запоздалой прямотой назвав свое поведение „вульгарным и бестактным“»⁶⁸.

⁶² Литературная газета. 1957. 8 октября.

⁶³ Шварц Е. Превратности судьбы. С. 417.

⁶⁴ См.: Орлова Р. «Родину не выбирают» // Знамя. 2018. № 9. С. 161.

⁶⁵ См.: Чуковская Л. Дневник – большое подспорье... С. 180.

⁶⁶ Отослав письмо адресату, Л. Чуковская 1 декабря 1967 года записала в дневник: «Этого своего письма я боюсь. <...> Быть ошельмованной на весь мир – этого Алигер не заслужила. Она, конечно, казенная душа, но не злодейка, не Книпович, не Кедрина. Это – размежевание внутри „либерального лагеря“. Оно нужно – но может быть не столь звонко» (Там же. С. 208).

⁶⁷ Шварц Е. Превратности судьбы. С. 417.

⁶⁸ Стифы века. С. 580.

Извинение действительно опоздало – на жизнь, которая прошла так, как прошла. «Мне рассказали, – записал в дневник критик И. Дедков, – что незадолго до смерти Маргарита Алигер говорила – „я чувствую, что меня нет и будто я не жила“. О чем это она пыталась сказать? О жизни, которая уходила и теперь казалась призрачной? Об ощущениях старости? Я думаю, она пыталась сказать о новом насилии над – не только ее – общей жизнью. Над жизнью ее поколения. И других поколений»⁶⁹.

Соч.: Тропинка во ржи: О поэзии и поэтах. М.: Сов. писатель, 1980; Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1984.

Лит.: *Огрызко В.* Несчетный счет минувших дней // Литературная Россия. 2015. 23 февраля.

---

⁶⁹ Дедков И. Дневник. С. 557.

Аллилуева (урожд. Сталина-Джугашвили) Светлана Иосифовна (1926–2011)

Больше всего на свете А. мечтала, кажется, прожить жизнь обычной женщины. И это вроде бы получалось. Во всяком случае, она закончила обычную среднюю школу (1943), исторический факультет Московского университета (1949), тогда же вступила в партию и после аспирантуры в Академии общественных наук защитила кандидатскую диссертацию на вполне по тем временам тривиальную тему «Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе» (1954)⁷⁰. Что потом? Вела в МГУ семинар со столь же выразительным названием – «Роль народа в послевоенном романе», а перейдя в 1956 году на работу в Институт мировой литературы, занялась (вместе с А. Синявским) составлением хроники 1920–1930-х годов для трехтомной «Истории советской литературы».

В сентябре 1957 года она даже сменила себе паспортную фамилию – с громозвучной Сталиной на материнскую и менее заметную А.

Словом, чтобы все было, как у всех, и, наверное, можно было бы согласиться с А., однажды сказавшей: «Моя жизнь, по существу, совсем не является какой-то эксцентрической выходкой»⁷¹. Но все вокруг нее ни на минуту не забывали, что Светлана родилась все-таки в Кремле и что ее отцом был не кто-нибудь, а отец народов. И все знали о ее сумасбродной любвеобильности⁷², нередко заканчивавшейся драматически. В четырнадцать лет она, пока только платонически, влюбилась в Серго – сына Л. Берия, а в шестнадцать, еще школьницей, завела бурный роман с 38-летним сценаристом (и, как на грех, евреем)⁷³, лауреатом Сталинской премии А. Каплером: «нас, – как вспоминает А., – потянуло друг к другу неудержимо»⁷⁴. 14 декабря 1942 года фронтовой корреспондент Каплер даже напечатал в «Правде» тайное признание в любви к Светлане, прозрачно зашифровав его в рассказе «Письма лейтенанта Л. из Сталинграда».

Решением секретариата ЦК эта публикация была осуждена, автора рассказа взяли в ночь на 3 марта 1943-го, а наутро Сталин пришел к дочери, собиравшейся в школу, со словами: «Твой Каплер – английский шпион, он арестован!»⁷⁵

Освободили Каплера только 11 июля 1953 года – к тому времени, когда безутешная А. успела уже дважды побывать замужем. Сначала (1944–1948) за А. Морозовым, студентом МГИМО и тоже, кстати сказать, евреем, на что Сталин отреагировал фразой: «Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька»⁷⁶. Затем (1949–1952) – «без особой любви, без особой привязанности, а так, по здравому размышлению...»⁷⁷ – за Ю. Ждановым, сыном партийного сановника и кандидатом в сановники. А дальше... Дальше браки, романы, сердечные

⁷⁰ «Когда я ее сейчас перечитываю, – писала она Эренбургу в 1956 году, – мне смешно», ибо «меня учили в школе, <...> учили в Университете, и в аспирантуре по всем известным правилам и канонам. Не скажу, что они казались мне несправедливыми; нет. Но они были узки, были испорчены и обескровлены дешевой популяризацией и, наконец, они были совершенно оторваны от развития современного искусства и литературы, от века, от чувства эпохи, от современного человека» (Литературная Россия. 2021. 26 марта).

⁷¹ Аллилуева С. Двадцать писем другу. С. 206.

⁷² «Аллилуева все-таки немножечко была сексуальной психопаткой», – заметила М. Розанова в одном из интервью (*Розанова М. «Аллилуева мне сказала: „Маша, вы увели Андрея у жены, а сейчас я увожу его от вас“*: Беседовала Т. Чеброва // Бульвар Гордона. 2009. № 40. https://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s40_63314/5678.html).

⁷³ «То, что Каплер – еврей, раздражало его <Сталина>, кажется, больше всего», – вспоминает А. (Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 162).

⁷⁴ Там же. С. 158.

⁷⁵ Там же. С. 161.

⁷⁶ Там же. С. 174.

⁷⁷ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 171.

увлечения пошли чередой, и, судя по всему, отнюдь не филология и литература, а именно они составляли главное содержание ее жизни. А., в частности, попыталась отбить А. Синявского у его жены М. Розановой, познакомилась с Д. Самойловым, и Б. Грибанов вспоминает, как в одно прекрасное утро он в телефонной трубке услышал «хихикающий голос Дезика: – Боря, мы ЕГО трахнули! (Дезик употребил другое слово, более емкое и более принятое в народе). – А я-то тут причем? – возмущился я. – Нет, нет, не спорь, я это сделал от имени нас обоих!»⁷⁸

Связь с Синявским оказалась скоротечной, случайная вроде бы близость с Самойловым перешла в изматывающе долгий роман, но и он закончился ничем⁷⁹. Как ни к чему не привели и попытки А. вести напряженный интеллектуальный диалог по переписке с И. Эренбургом (1957), с В. Солоухиным (1960) – в ней и тут увидели не столько собеседницу, сколько дочь Сталина. Так что «Светлана, по существу, личность трагическая, обреченная всю жизнь нести крест своего происхождения»⁸⁰, принимает решение прилюдно исповедоваться: в мае 1962 года проходит обряд крещения в православной церкви, а летом следующего пишет книгу «Двадцать писем к другу», адресуя ее университетскому профессору физики Ф. Волькенштейну, но настаивая, «чтобы каждый, кто будет читать эти письма, считал, что они адресованы к нему»⁸¹.

Слухи о том, что «Св. Сталина написала воспоминания об отце», ползут по Москве, однако, – 16 мая 1965 года помечает в дневнике А. Гладков, – «эту рукопись пока читали немногие и достать ее трудно»⁸². Сама же А. продолжает служить в ИМЛИ, ведет себя более чем законопослушно, и даже известно, что, – процитируем фразу из решения Политбюро ЦК, – зимой 1966 года «на одном из партийных собраний в Институте мировой литературы им. Горького она выступала с резкой критикой Синявского и Даниэля, опубликовавших за границей свои клеветнические книжки»⁸³.

Неясно поэтому, как сложилась бы ее жизнь дальше, но 19 декабря 1966 года А. вылетает в Индию, чтобы над водами Ганга развеять прах своего скончавшегося в Москве гражданского мужа Баджеша Сингха, а 8 марта 1967 года является в американское посольство в Дели с просьбой о политическом убежище.

Власть попыталась оперативно купировать скандал, уже 13 марта опубликовав заявление ТАСС, где вполне миролюбиво сказано: «Как долго пробудет С. Аллилуева за рубежом – это ее личное дело»⁸⁴. Однако «Двадцать писем к другу» начинают полностью читать по «Свободе», фрагменты книги появляются едва ли не во всех мировых СМИ, ускоренно готовятся отдельные издания как по-русски, так и в переводах... Скандал, словом, разрастается, так что 3 августа Политбюро принимает решение разослать по компартиям особое информационное

⁷⁸ Грибанов Б. И память-снег летит и пасть не может // Знамя. 2006. № 9. С. 157.

⁷⁹ См. запись в дневнике Д. Самойлова от 17 ноября 1960 года: «Лишь впоследствии можно оценить трогательную нелепость ее поступков, продиктованных силой чувства, буйным отцовским темпераментом и одиночеством (...). Она – рабыня чувства, а в рабе всегда заложен тиран. (...) Никогда в жизни я не был так непосредственно потрясен и захвачен чужой трагедией. И никогда у меня не было такого страстного желания бежать от человека, из круга его неразрешимой и душной трагедии (Самойлов Д. Поденные записи. Т. 1. С. 300).

⁸⁰ Грибанов Б. И память-снег летит и пасть не может // Знамя. 2006. № 9. С. 158.

⁸¹ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 5.

⁸² Гладков А. Дневник // Новый мир. 2014. № 3. С. 146.

⁸³ Огрызко В. Закрытая информация о деле дочери Сталина // Литературная Россия. 2021. 26 марта. Вот, конкретизируем, фрагмент из выступления А. уже после приговора на одном из заседаний институтского партбюро: «Он наплевал в лицо. Весь советский сектор должен испытывать такое чувство. Это удивительно, чтобы человек был столь отвратительным двурушником. Я тоже не читала его произведений, но знаю со слов тех, кто читал. Почему он вырос в такую большую фигуру, в лидеры антибольшевизма № 1? Институт должен был судить его общественным судом. Советский отдел должен был судить его» (цит. по: Купяев С. Вадим Кожин // Наш современник. 2020. № 11. С. 195).

⁸⁴ О Светлане Аллилуевой // Правда. 1967. 13 марта. Как 16 марта в дневнике прокомментировал это заявление Л. Левицкий, «наши (впервые на моей памяти) сделали разумный жест, напечатав во всех газетах нейтральное и спокойное сообщение ТАСС „О Светлане Аллилуевой“ (...) Где это они ума набрались? Ни одного слова осуждения. Никаких ругательств» (Левицкий Л. Утешение цирюльника. С. 105).

письмо, отметив в нем и то, что «Аллилуева является слепым орудием в руках пропагандистского аппарата США», и то, что ее

проявившаяся в раннем возрасте психическая неуравновешенность вместе с эгоизмом – стремлением осуществить свои желания любыми средствами – привели позднее к явно патологическим наклонностям, прежде всего сексуального порядка⁸⁵.

Уже подготовленный план разослать это письмо еще и по партийным организациям в стране реализован не был, так что советскому населению оставалось удовлетворяться либо слухами, либо перепечатками из тамиздата. Что же касается Запада, то его интерес к кремлевской принцессе очень быстро остыл, и новые книги А. – «Только один год» (1969), «Далекая музыка» (1984), «Книга для внуков» (1991) – прежнего успеха уже не имели.

А. мечется по миру, выходит замуж за английского архитектора У. Питерса, но вскоре и с ним расстается, сохранив за собой, впрочем, имя Ланы Питерс, непоправимо портит отношения со всеми своими четырьмя детьми от разных браков и, разочарованная в так называемом «свободном мире», на неполные два года (1984–1986) даже возвращается в СССР, чтобы, разочаровавшись еще и в нем, вновь уехать в США – уже навсегда.

Умерла она в доме престарелых городка Ричланд, что в штате Висконсин, была кремнирована, а где захоронена неизвестно. Ушла, значит, забытой всеми? Да нет, и в желтой прессе о ней пишут по-прежнему, и сериалы о ней снимают. Книги А., впрочем, читают тоже, так как, – сошлемся на мнение А. Твардовского, – в них, может быть, «содержание малое, детское, но в этом же и какой-то невероятный, немыслимый ужас этого кремлевского детства и взаимоотношений с отцом»⁸⁶.

Соч.: Двадцать писем к другу. Нью-Йорк, 1968, 1981; То же. М.: Известия, 1990; Книга для внуков: Путешествие на Родину. Нью-Йорк, 1991; То же. М., 1992; Дочь Сталина. Последнее интервью. М.: Алгоритм, 2013; Один год дочери Сталина. М.: Алгоритм, 2014; Далекая музыка дочери Сталина. М.: Алгоритм, 2014; «И не надо встречаться, Дезя» <Письма С. Аллилуевой Д. Самойлову> // Новая газета. 2019. 1 ноября; 20 писем к другу. Последнее интервью дочери Сталина. М.: Родина, 2021.

Лит.: Гругман Р. Светлана Аллилуева. Пять жизней. Ростов-н/Д.: Феникс, 2012.

---

⁸⁵ Огрызко В. Закрытая информация о деле дочери Сталина // Литературная Россия. 2021. 26 марта.

⁸⁶ Твардовский А. Новомирский дневник. Т. 2. 1967–1970. С. 83. Запись от 19 сентября 1967 г.

Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980)

Сын известного историка, А. в 1960 году, естественно, тоже поступил на исторический факультет МГУ, где уже в следующем году ему, – как он вспоминает, – в КГБ «любезно предложили писать общие отчеты о настроении интеллигенции». А. «так же любезно отказался, на чем дело и кончилось»⁸⁷.

Эту несговорчивость стоит запомнить. Потому что, подав в 1963-м студенческую курсовую работу, где дерзко разоблачались общепринятые тогда теории о призвании варягов на Русь, А. и тут, – еще одна цитата, – «предпочел быть исключенным из университета и расстаться с надеждой стать историком, но не исправлять ничего в работе, которую я сам считал правильной».

Пошли годы самообразования – он много читал, начал и сам писать, запуская в вольное хождение собственные стихи, абсурдистские пьесы и очерки, стал своим в кругу писателей и художников-нонконформистов, а главное – свободно, и даже бравируя этим, общался с иностранными дипломатами и журналистами. Что, разумеется, взято было на заметку – его опять пробуют вербовать⁸⁸, насылают дружинников, вызывают в милицию и на Лубянку, угрожают...

В 1965 году эти угрозы были приведены в действие: 14 мая А. арестовывают, после месяца пребывания в тюрьме осуждают по знаменитому указу о тунеядстве на 2,5 года ссылки и в июне этапируют в село Гурьевка Кривошеевского района Томской области. Пробыл он там, правда, благодаря хлопотам друзей и хорошему адвокату, всего год с небольшим, но ума холодных наблюдений и сердца горестных замет хватило на книгу «Нежеланное путешествие в Сибирь», заведомо неприемлемую для советской цензуры.

Внештатная работа для АПН, куда, – по словам В. Войновича, – «его направили кагэбэшные кураторы, в расчете на исправление»⁸⁹, скоро становится невозможной. А. работает почтальоном, а его несговорчивость, о чем уже шла у нас речь, умножается непримиримостью: как по отношению к власти, любое сотрудничество с которой он для себя исключает, так и по отношению к тем, кто, втайне власть порицая, не вступает с нею в открытую борьбу. «Иногда мне кажется, что советская „творческая интеллигенция“, то есть люди, привыкшие думать одно, говорить другое, а делать третье, в целом явление еще более неприятное, чем режим, который ее породил», – сказано в Открытом письме оставшемуся на Западе А. Кузнецову (Дейли телеграф, 24 ноября 1969).

Его место отныне – в диссидентской среде, в которой он, при подчеркнутом сохранении собственной независимости⁹⁰, широко использует свои контакты с иностранцами, добровольно взяв на себя обязанности «офицера связи»: становится одним из тех, кто передает за границу «Меморандум» А. Сахарова и иные материалы правозащитников, участвует в подготовке «Хроники текущих событий» и ее распространении, составляет, вместе с П. Литвиновым, сборник о «процессе четырех» (А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, В. Лашковой, А. Добровольского). А главное – 4 июля 1969 года отправляет в Голландию собственный трактат «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», который после издания в декабре Фондом имени Герцена заставляет говорить о себе мир.

⁸⁷ Амальрик А. Открытое письмо А. Кузнецову // Амальрик А. Статьи и письма 1967–1970. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 15.

⁸⁸ «В 1963 году, – вспоминает А., – меня ночью привезли на Лубянку и велели написать донос на одного из американских дипломатов, что якобы меня и других советских граждан он подвергает злой идеологической обработке. Я вновь отказался, хотя теперь мне уже угрожали уголовным делом. В 1965 году я вообще отказался с ними разговаривать, что стоило мне затем ссылки в Сибирь».

⁸⁹ Войнович В. Автопортрет. С. 481.

⁹⁰ «Я был чужаком в Движении, как я был чужаком в школе, в университете, а позднее в лагере», – признается А.

И власть свирепеет: арестованного 21 мая 1970 года А. по этапу направляют в Свердловск, где 12 декабря приговаривают к трем годам исправительно-трудовых работ⁹¹. А дальше... Дальше растянувшаяся еще на четыре с половиной года каторжная одиссея: пересыльные тюрьмы и следственные изоляторы, лагерь на Колыме, обвинение в распространении сведений, порочащих советский строй, в местах лишения свободы, новый, уже в августе 1973 года, приговор к новому трехлетнему сроку, голодовка, которую А., подвергаясь пыточному принудительному кормлению, держал 117 дней, так что вынудил-таки заменить лагерь на ссылку – в той же, впрочем, Магаданской области...

Рассказывая об этом опыте в изданной уже посмертно книге «Записки диссидента», А. вспоминает и о «великодушных» предложениях покинуть СССР по израильской визе. Они повторились и после его возвращения из ссылки в мае 1975 года.

– Долго вы еще будете нас за нос водить?! – сказал мне знакомый еще по Магадану майор КГБ Пустяков. – Мы вам даем месяц на размышление: или делаете заявление с отказом от книг – мы его с вашей статьей опубликуем в „Труде“, или подавайте заявление в Израиль – через две недели мы вас выпустим, или... – тут он, разведя руками, посмотрел на меня: третий вариант был ясен и без слов⁹².

Эмигрировать А. тем не менее не хотел, и еще год, занятый активной правозащитной деятельностью, прошел, пока он все-таки подал заявление на выезд, ибо, – как сказано в «Записках диссидента», –

кто сопротивляется этой системе в СССР, тот продолжает борьбу с ней и за границей, недобровольный выезд предпочтительнее, чем долгие годы тюрьмы. Кто же вообще хочет разорвать с этой страной, имеет полное право⁹³.

Четыре года, прожитых на Западе, наполнены у А. неустанной работой: он читает лекции по всему миру, отдельными книгами издает в Амстердаме, а затем в Лондоне свои пьесы, статьи и открытые письма, собирает воедино давние разыскания о роли норманнов в создании древнерусского государства, пишет по новым материалам книгу о Григории Распутине... А эмигрантской среды, верный своим правилам неуступчивости и независимости, чуждается, публично конфликтуя, например, с такой влиятельной в зарубежье фигурой, как редактор «Континента» В. Максимов. Так что и на Сахаровские чтения, которые должны были пройти в Мадриде в ноябре 1980 года, А. не пригласили, да к тому же и испанской визы у него не было. И тогда, – рассказывает В. Белоцерковский, – А. «решил попытаться пересечь границу по какой-нибудь проселочной дороге, на которой нет пограничного поста, и в Мадриде на Слушаниях добиться слова, а в случае неудачи провести свою пресс-конференцию»⁹⁴.

И все вроде бы получилось, но, – рассказывает уже Л. Алексеева, –

под Гренадой⁹⁵ на узком шоссе <они не заметили> встречного грузовика – может быть, они немножко его задели, ну не так, чтобы была авария... Но у него борт был обшит такими тонкими железными полосками. Видно, эта полоска немножко отставала, и когда ее задели, то она оторвалась

⁹¹ «... Ни проводимая режимом „охота за ведьмами“, ни ее частный пример – этот суд – не вызывают у меня ни малейшего уважения, ни даже страха, – заявил А. в своем последнем слове. – Я понимаю, впрочем, что подобные суды рассчитаны на то, чтобы запугать многих, и многие будут запуганы, – и все же я думаю, что начавшийся процесс идейного раскрепощения необратим».

⁹² Амальрик А. Записки диссидента. С. 366.

⁹³ Там же. С. 394.

⁹⁴ Белоцерковский В. Путешествие в будущее и обратно. М.: РГГУ, 2003. Цит. по: <http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/amalrik/reflections/1135447521.html>.

⁹⁵ Другие источники сообщают, что катастрофа произошла под Гвадалахарой.

и пробила стекло и попала ему в сонную артерию. Если бы она немножечко иначе... И никто в машине не пострадал, машина не пострадала. А он вот так вот на руль склонился и все. <...> Говорили, что КГБ подстроило – этого не может быть, такие вещи нельзя подстроить. Это действительно авария, причем даже не из-за его плохого вождения, а просто такой вот страшный случай⁹⁶.

Останки А., погибшего в возрасте всего 42 лет и реабилитированного только в 1991 году, покоятся на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Соч.: Записки диссидента. М.: Слово/Slovo, 1991; Распутин. М.: Ex Libris, 1992; Норманны и Киевская Русь. М.: Новое лит. обозрение, 2018.

Лит.: Дойков Ю. Андрей Альмарик: Документальная биография (1938–1980). Архангельск, 2019.

---

⁹⁶ Беседа с Л. М. Алексеевой. 2002. 28 мая. http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/others/mosc/1968_1975/vchk-cat-names-other-alexeeva-igr_ru-talk.html.

Андреев Даниил Леонидович (1906–1959)

Второй сын знаменитого Леонида Андреева и заочный крестник еще более знаменитого Максима Горького⁹⁷ был явно рожден для сверхъестественно больших замыслов. Еще ребенком он сочинил огромную эпопею, действие которой разворачивалось в межпланетном пространстве, а поступив после гимназии на учебу в Высший литературно-художественный институт имени Брюсова (1924)⁹⁸, взялся за роман «Грешники».

Одно за другим шли и мистические прозрения, когда перед юным А., – как он вспоминал позднее, – бытие открывало вдруг

такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую действительность России в странном единстве с чем-то несоразмерно бóльшим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывавшими оттуда в круг сознания⁹⁹.

Надо ли говорить, насколько оскорбительно тусклой в сравнении с этими видениями выглядела послереволюционная проза жизни, где поэту-визионеру приходилось сводить концы с концами сначала на гонорары, которые поступали от все более редких изданий книг его отца, потом на скудную, естественно, зарплату сотрудника заводской многотиражки «Мотор» (1932)¹⁰⁰ или еще более скудные заработки художника-шрифтовика.

Разрыв между «бездною горнего мира и бездною слоев демонических» становится все более удручающим, мечты об «Индии духа», «Святом Граале» и «Небесной России» все настойчивее – и А. о своем духовном опыте безостановочно пишет стихи, поэмы, трактаты, начатки романов, каждое из собственных сочинений понимая как «прорыв космического сознания», а в 1937 году приступает к работе над романом «Странники ночи», задуманным и как «эпопея духа», и как портрет интеллигенции в самые неласковые для нее годы.

За А., надо думать, слеживают, но не трогают: его произведения, если и попадают под всевидящее око, то кажутся до смешного безумными, а образ поведения, вроде привычки всегда и везде, даже по снегу ходить босиком¹⁰¹, безвредным. И в армию в октябре 1942 года его тоже взяли на общих основаниях как нестроевого, так что, приняв участие в прорыве ленинградской блокады, А. служил и писарем, и в погребальной команде, и санитаром в госпитале, пока уже в 1945-м не был снят с воинского учета как инвалид 2-й группы.

Что дальше? 4 ноября 1945 года женитьба на Алле Ивашевой-Мусатовой, которой суждено будет стать не только спутницей А., но даже его апостолом. И – тот самый роман «Странники ночи», конечно, который, – по свидетельству А. Андреевой, – он «начал писать заново буквально с первых строк...»¹⁰² и который, обогатившись опытом войны и послевоенной действительности, в самом деле стал теперь уже антисоветским.

---

⁹⁷ Когда Даниила 11 марта 1907 года крестили в московском храме Спаса Преображения на Песках, Горький находился на Капри, откуда запиской сообщил в духовную консисторию о своем желании стать крестным отцом младенца. Удивительно, но эту просьбу удовлетворили, и в метрической книге восприемником назван «города Нижнего Новгорода цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков» (*Романов Б. Вестник. С. 15–16*).

⁹⁸ Осенью следующего года, после смерти В. Брюсова, вместо института возникнут Высшие государственные литературные курсы Моспрофобра (ВГЛК).

⁹⁹ Цит. по: *Романов Б. Вестник. С. 61*.

¹⁰⁰ «На службе, – сообщал А. в автобиографии, – пробыл всего около двух месяцев и ушел по собственному желанию, не найдя в себе ни малейшей склонности не только к газетной работе, но и вообще к какой бы то ни было службе. Больше я не служил нигде и никогда» (цит. по: *Романов Б. Вестник. С. 171–172*).

¹⁰¹ По словам А. Андреевой, «„босикомхождение“, так мы в шутку называли, для Даниила не было позой, выдумкой. Он действительно чувствовал босыми ногами жизнь Земли. Различал разные оттенки ее голоса» (*Андреева А. Плавание к Небесной России. С. 126–127*).

¹⁰² Там же. С. 149.

Поэтому 23 апреля 1947 года за А. пришли. 27 апреля пришли за женой, как придут потом за всеми их родственниками, всеми друзьями, кто не только читал роман, но хотя бы просто слышал о его существовании. И потянулись полтора года следствия – спасибо, что долгого, так как 26 мая власть в приступе милосердия временно отменила смертную казнь¹⁰³, и 30 октября 1948 года Особое совещание при МГБ СССР вместо расстрела приговорило А. к 25 годам тюрьмы, а его «подельников» к заключению на срок от 10 до 25 лет в исправительно-трудовых лагерях. Что же касается романа, то он, как и все конфискованные у А. рукописи, был сожжен.

Десять без малого лет во Владимирском центре с разрешением писать и получать не более двух писем в год – срок достаточный для того, чтобы окончательно сойти с ума, но А. заполняет подневольный досуг трудами духа – вчитывается в книги из прекрасной тюремной библиотеки, обсуждает судьбы России с сидящим там же монархистом В. Шульгиным, изучает хинди по переданному ему хинди-русскому словарю, сочиняет вместе с сокамерниками (историком Л. Раковым и физиологом – будущим академиком В. Париным) пародийный сборник биографий вымышленных лиц «Новейший Плутарх». А главное – к нему снова приходят откровения, «поначалу, – как говорит его биограф Б. Романов, – зыбкими снами-грезами, потом все более наполненными снобдениями»¹⁰⁴.

Их, будто под диктовку свыше, нужно только записывать. И, – свидетельствует В. Парин, –

невзирая ни на какие внешние помехи, он каждый день своим четким почерком покрывал волшебными словами добываемые с трудом листки бумаги. Сколько раз эти листки отбирали во время очередных «шмонов» <...>, столько раз ДЛ снова восстанавливал всё по памяти¹⁰⁵.

Массив написанного нарастает горными отрогами: разрозненные стихи и поэмы, трагедийная «Железная мистерия», поэтические циклы, – А. называл их ансамблями, – «Русские октавы» и «Русские боги» и, как вершина всего, эпическая книга «Роза Мира», единственная, наверное, в XX веке попытка объять все сущее собственной космогонией и собственной историей философии.

С середины 1953-го сидельцев начинают, однако же, сначала понемножку, а вскоре потоком выпускать из лагерей и тюрем. И лишь у А. участь не меняется. С ходатайством о его скорейшем освобождении к властям обращаются В. Шкловский, К. Чуковский, П. Антокольский, К. Федин, И. Новиков, Т. Хренников, наконец 90-летняя А. Яблочкина. Да и сам А. пишет заявления о реабилитации Г. Маленкову, Н. Булганину, в Главную военную прокуратуру, но вы только посмотрите, что пишет! Что, не убедившись еще в «существовании в нашей стране подлинных гарантированных демократических свобод, я и сейчас не могу встать на позицию полного и безоговорочного принятия советского строя»¹⁰⁶. И что «пока в Советском Союзе не будет свободы совести, свободы слова и свободы печати, прошу не считать меня полностью советским человеком»¹⁰⁷.

Вот его в «страдалище» (неологизм самого А.) и держат, лишь 23 августа 1956 года сокращают срок до 10 лет и выпускают 23 апреля 1957 года по справке о полном отбытии наказания, а справку о реабилитации выдают только 11 июля того же года.

¹⁰³ «Однажды, – вспоминает А. Андреева, – меня привели на допрос почему-то днем, что бывало редко. Следователь стоит с газетой в руках: – Как вам повезло-то: смертная казнь отменена» (Андреева А. Плавание к Небесной России. С. 182).

¹⁰⁴ Романов Б. Вестник. С. 426.

¹⁰⁵ Цит. по: Романов Б. Вестник. С. 422.

¹⁰⁶ Цит. по: Громова Н. Именной указатель. С. 235.

¹⁰⁷ Андреева А. Плавание к Небесной России. С. 276.

Жизни – и жизни мучительной, бесправной и бездомной, обремененной тяжкими болезнями – остается совсем немного. Он пытается для заработка переводить какую-то случайную японскую книжку, пытается предложить издателям максимально обескровленный сборник своих пейзажных стихотворений – все впустую. Так что ни одной своей строки А. так и не увидит напечатанной. Зато новые стихи и поэмы пишутся едва ли не до последнего часа. И зато стараниями жены все сохраненные рукописи приведены в порядок и перебелены – вплоть до «Розы Мира», а это, – напоминает его брат Вадим, –

    пятьсот страниц убогистого машинописного текста, который читать увлекательно и трудно: представьте себе средневекового гностика, пишущего визионерскую книгу на русском языке в XX веке и, вдобавок, во Владимирской тюрьме!

«В другие времена, – продолжим цитату, – Даниил мог бы стать во главе какой-нибудь религиозной секты»¹⁰⁸. Но времена не другие, а те, которые даны, и прожил их А. то ли, – как думают одни, – пророком, то ли, – как думают другие, – безумцем.

Поэтому и закончить лучше всего коротким эпизодом из воспоминаний А. Андреевой:

    Однажды Даниил перечитывал «Розу мира», а я что-то делала по хозяйству, выходила на кухню, потом вошла. Даниил закрыл папку, отложил ее и сказал:

    – Нет, не сумасшедший.

    Я спросила:

    – Что? Что?

    – Не сумасшедший написал.

    Я обомлела, говорю:

    – Ну что ты!

    А он отвечает:

    – Знаешь, я сейчас читал вот с такой точки зрения: как можно к этому отнестись, кто написал книгу: сумасшедший или нет. Нет, не сумасшедший¹⁰⁹.

Соч.: Роза Мира: Метафилософия истории. М.: Прометей, 1990; То же. М.: Профиздат, 2006; То же. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013; То же. М.: АСТ, 2018; Собр. соч.: В 4 т. М.: Русский путь, 2006; Стихотворения и поэмы. М.: Эксмо, 2011.

Лит.: Андреева А. Плавание к Небесной России. М.: Аграф, 2004; Даниил Андреев: pro et contra: Личность и творчество Д. Л. Андреева в оценке публицистов и исследователей. СПб.: Изд-во РХГА, 2010; Романов Б. Вестник, или Жизнь Даниила Андреева. М.: Дизайн, 2011; Штеренберг М. Христианство Розы Мира. М.: Волшебный фонарь, 2015.

---

¹⁰⁸ Ефим Эткинд: Переписка за четверть века. С. 9.

¹⁰⁹ Андреева А. Плавание к Небесной России. С. 588.

Андреева Галина Петровна (1933–2016)

Дочь врагов народа, выпускница Московского педагогического института иностранных языков (1957) А. работала стюардессой-переводчицей на внутренних рейсах (к иностранным маршрутам ее не допускали ввиду политической неблагонадежности), потом, закончив еще и факультет журналистики МГУ (1967), стала редактором. Переводила с английского, французского, испанского, грузинского языков. Писала и собственные стихи, печатая их – изредка, в составе, как правило, коллективных подборок – только с 1993 года, а книгу уже к старости выпустила только одну, да и то маленькую.

Остается предположить, что воли к творческому самоутверждению или, если угодно, творческого тщеславия А. была либо вовсе лишена, либо научилась тщательно его скрывать. Так что и в историю она вошла благодаря не столько своим стихам, очень милым, но абсолютно традиционным по поэтике, сколько тому, что уже в студенческие годы была «счастливой обладательницей собственной жилплощади – угловой комнаты метров семь-восемь с балконом на шестом (последнем) этаже»¹¹⁰ жилого здания по Большой Бронной, откуда вид открывался и на улицу Горького, и в сторону булгаковского дома. И именно сюда, в «мансарду окнами на запад»¹¹¹, вскоре после смерти Сталина стали мало-помалу стекаться вольнодумные студенты иныаза, а потом уже и не только иныаза, так что, – рассказывает Валентин Хромов, – «к середине 50-х группа разрослась до 20–30 свободных поэтов и независимых интеллектуалов. Нигде не было такого собрания знатоков допушкинской поэзии, библиофилов и полиглотов».

Центральными фигурами этого братства (салона? тусовки? – выбирайте верное слово по вкусу) стали Леонид Чертков, Станислав Красовицкий, Андрей Сергеев, Николай Шатров, сам Хромов, «в компании начинала творческую активность и Наталия Горбаневская»¹¹². А «кроме поэтов»¹¹³, – продолжим цитировать В. Хромова, –

постоянными посетителями «Мансарды» были оригинальные личности, такие как человек с феноменальной музыкальной памятью и безудержный каламбурист Вадим Крюков, как Генрих Штейнберг, будущий академик и директор Института вулканологии. <...> Украшали «верьхи парнасски» (Ломоносов) две замечательные Галки – Галина Васильевна Чиркина, ставшая известным ученым-логопедом, и Галина Владимировна Грудзинская, переводившая Зигмунда Фрейда и Германа Гессе. С алгебраистом Колей Вильямсом любили поговорить о водке и математике, не догадываясь о скрытой в нем склонности к стихам и прозе. <...>

Из художников своими здесь были Игорь Куклес, Александр Харитонов, Дмитрий Плавинский. Какой авангардист не появлялся в нашей «беседке муз»? <...>

В разные времена к Андреевой заходили почти все неофициальные, неподцензурные авторы. Из лианозовцев чаще других бывал Генрих Сапгир, из ленинградцев – Иосиф Бродский, особенно перед своим отбытием за бугор, из эзков-литераторов Юрий Домбровский. Околачивался вокруг и около

---

¹¹⁰ Мансарда окнами на запад: Поэт Андрей Сергеев беседует с критиком Владиславом Кулаковым // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 289.

¹¹¹ А. Сергеев считает, что название взято по одной строке из стихотворения А. (Там же. С. 290), тогда как сама А. ссылается на строку из бывавшего здесь Петра Орешкина, автора книги «Вавилонский феномен».

¹¹² Хромов В. Вулкан Парнас // Зеркало. 2016. № 47.

¹¹³ «Из Литинститута приходил, кажется, только Геннадий Айги», – добавляет А. Сергеев (Мансарда окнами на запад. С. 292).

Сергеа Чудаков – как бы достать новые стихи Красовицкого. Бдительно «охранял» «Мансарду» Дима Авалиани – появлялся не только у Андреевой, но и у Стася на 47-м километре, у Заны Плавинской, в «салоне» Корсунского, на всех вечерах с моим участием.

При всем при том, к Андреевой никого не приглашали. Кто пришел – тот пришел. Здесь никогда не было ни громких знаменитостей, ни потенциальных издателей, ни либеральных критиков, ни иностранцев. Зачем они, если в славе никто не нуждался?¹¹⁴

Не нуждаться в славе – значит, прежде всего, принципиально не печататься в советских изданиях, не пытаться сделать советскую карьеру, а в идеале и вовсе не иметь ничего общего ни с советской властью, ни с советским социумом. Так, на доказательстве отчаянной идеи, что можно жить в обществе и быть от него свободным, именно здесь, в квартире у А., складывалась этика русского андеграунда. И, – вспоминает А. Сергеев, – «конечно, предположить, что КГБ могло не наблюдать за такой мансардой, как у Галки Андреевой, просто было невозможно. Народу вертелось вокруг много, и, разумеется, мы знали, что количество в этих случаях всегда переходит в стукачество»¹¹⁵.

В конце 1956 года, уже после венгерских событий, напугавших власть, за мансардовских взялись всерьез: «беседовали, – как свидетельствует Людмила Сергеева, – под протокол – пытались шить им групповое антисоветское дело. Но все держались стойко, никого не предали, группового дела не вышло»¹¹⁶. Так что по классической статье 58.10 в мордовские лагеря сроком на пять лет загремел только самый отчаянный и непримиримый Леонид Чертков – он-то, по словам Валентина Хромова, и «был заводилой и генератором творческого собратства, бурлящим родником невероятных по нынешним временам идей».

На этом, собственно, и закончился золотой период «Монмартровской мансарды», которую шути называли сначала «Клубом поклонников Галины Андреевой», а потом, едва не с подачи ГБ, «группой Черткова»¹¹⁷. И хотя встречи в доме на Большой Бронной еще продолжались долгое время, и появлялись на них – вспомним уже процитированный рассказ Валентина Хромова – новые яркие фигуранты, у каждого из ведущих монмартровцев началась собственная, на другие не похожая жизнь.

Сама А., как мы знаем, стала профессиональным редактором и переводчиком.

Соч.: Стихи. М.: ВНИРО, 2006.

---

¹¹⁴ Хромов В. Вулкан Парнас // Зеркало. 2016. № 47.

¹¹⁵ Мансарда окнами на запад // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 293.

¹¹⁶ Сергеева Л. Жизнь оказалась длинной. С. 56.

¹¹⁷ Мансарда окнами на запад // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 294.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984)

В кругу партийной и советской художественной элиты А. слыл интеллектуалом, а то и либералом.

Ну как же: ценил джазовую музыку, коллекционировал живопись, в том числе абстрактную¹¹⁸, и даже стихи писал, причем, и это отмечалось особо, был скромн и практически никому их не показывал, не претендовал ни на членство в Союзе писателей, ни на Ленинскую или Государственную премии. Что еще? По просьбе дочери, занимавшейся в семинаре у В. Турбина, способствовал устройству М. Бахтина в Москве. Дружил с некоторыми литераторами – например, с Ю. Семеновым, и, – по словам О. Семеновой, дочери писателя, – «это был скорее интеллектуальный флирт просвещенного монарха с творцом»¹¹⁹. Да и вообще читал, говорят, много. «Однажды, – свидетельствует В. Сырокомский, – увидев на его письменном столе том со множеством закладок, я спросил, что это за книга. – Плеханов, очень интересные и даже актуальные мысли. Почитайте, не пожалеете... Думаю, в Политбюро не было других поклонников Плеханова»¹²⁰.

Поэтому неудивительно, что близкий к нему отставной генерал-майор КГБ В. Кеворков называет А. «человеком одиноким» и утверждает, будто «все в Политбюро его побаивались, видя в нем человека с сильным интеллектом», чуть ли не защищавшего интеллигенцию и, во всяком случае, не желавшего ссориться с нею, ибо именно «она формирует общественное мнение»¹²¹.

Удивительнее другое – то, что и К. Чуковский, в июне 1959 года отдыхавший одновременно с А. в Барвихе, занес в дневник: «Умнейший человек. Любит венгерскую поэзию, с огромным уважением говорит о венгерской культуре. Был послом в Венгрии – во время событий. И от этого болен»¹²².

События известно какие. И пусть не лично А. в октябре 1956 года отдавал приказ стрелять по взбунтовавшимся венграм, в подготовке к карательным решениям он участвовал безусловно. Как внес свой немалый вклад и в решения по Чехословакии в августе 1968-го или по Афганистану в декабре 1979-го. И уж точно на его ответственности как председателя КГБ (1967–1982) все, что произошло с отечественным вольнодумием: оно при вступлении А. на должность поднялось до своего пика и его же, в первую очередь, усилиями было частью развеяно, частью беспощадно подавлено. «Он, – со знанием дела говорит А. Н. Яковлев, – постепенно диссидентское движение насыщал своими работниками. Вот на том дело и кончилось»¹²³. При А., – тщательно выбирает слова В. Семичастный, его предшественник, – «одних профилактировали, других пытались лечить, а третьих отправляли за границу»¹²⁴.

Сказано деликатно, но мы-то знаем, что стояло за этими словами: карательная психиатрия, принуждение к эмиграции и запугивание, да, запугивание, в чем, собственно, «профилактирование» и состояло. Пятое, «идеологическое» управление КГБ, созданное по личной инициативе А. еще 17 июля 1967 года, работало без устали, причем доставалось не только тогдашним «иноагентам», боровшимся за поправные права человека, но и националистам,

---

¹¹⁸ См.: Баррон Дж. КГБ сегодня. СПб.: Петрополис, 1992.

¹¹⁹ Семенова О. Юлиан Семенов. С. 86.

¹²⁰ Сырокомский В. Загадка патриарха // Знамя. 2001. № 4.

¹²¹ Семенова О. Юлиан Семенов. С. 86.

¹²² Чуковский К. Т. 13: Дневник. С. 288.

¹²³ Яковлев А. Лицом к лицу: Беседовал А. Шарый // Радио «Свобода». 2001. 29 июля.

¹²⁴ Семичастный В. Беспокойное сердце. С. 417.

в том числе русским, пытавшимся оппонировать власти с полусталинистских-полумонархических позиций.

И они, рассчитывавшие на тайную поддержку как раз во власти, были этим, правду сказать, огорошены. Настолько, что пустились в привычные для себя генеалогические разыскания и пришли к самому простому выводу, что всемогущий А. на самом деле, оказывается, Файнштейн. Или, по другой версии, Флекенштейн. Или Либерман. Или греческий еврей Андрополус. В любом случае, разумеется, сионист¹²⁵, не случайно окруживший себя консультантами-космополитами (А. Бовин, А. Арбатов, Г. Шахназаров, Ф. Бурлацкий и др.), которые, – как говорит М. Лобанов, – «разлагая государственные устои», готовились «к захвату власти изнутри, в недрах ЦК»¹²⁶.

Взгляд, согласно которому А. был русофобом и главным врагом «Русской партии», конечно, варварский, но он дожил до наших дней, отчего Ю. Поляков и сейчас рассказывает, что «генсек Андропов решил наводить порядок в культуре с обуздания „русской литературной партии“, которая страшила его куда больше прозападного диссидентства»¹²⁷.

Не всякий варварский взгляд, впрочем, верен, и следов особенной ненависти А. к «русистам», как их тогда называли, в документах не обнаруживается, как не обнаруживается и особенного протезирования «иудейскому крылу, начиная с „Литгазеты“ и вообще пятой колонне «вроде шатровых, юриев любовных, евтушенок»¹²⁸. Не вполне даже понятно, был ли А. «классическим неосталинистом»¹²⁹, «стопроцентным сталинистом»¹³⁰, как утверждает А. Н. Яковлев, или, наоборот, «сталинистом не был»¹³¹, как думает Р. Медведев.

Эта недопроявленность позиции как раз и указывает на то, что А., как и его товарищам по Политбюро, были в равной степени чужды, в равной степени опасны, в равной степени враждебны все, кто – справа ли, слева ли, с любой стороны – покушался на основы власти и правящую идеологию. Увы, но тот режим мог существовать только в подмороженном состоянии, только при условии отсутствия не то что какой бы то ни было политической конкуренции, но даже мировоззренческой толерантности.

Полуграмотные соратники А., возможно, пришли к этой (спасительной для себя и режима) мысли интуитивно, тогда как интеллект А., опять-таки возможно, с помощью Плеханова или Монтеня и Макиавелли, которых он, – по сведениям Дж. Баррона, – любил перечитать перед сном. Какая, в сущности, разница, если итогом и тех догадок, и этих размышлений был сознательный отказ от оттепельных волюнтаризма и плюрализма и сознательное, с каждым днем все более последовательное ужесточение или, по выражению того времени, «закручивание гаек».

Пятнадцать месяцев, которые были выданы А. на самовластное управление державой, – срок слишком малый, тем более что провел он их по большей части не в Кремле, а в кремлевской клинике. Поэтому судить о том, куда при нем развернулась бы страна, невозможно. Но можно понять, почему в общественном сознании этот палач-интеллектуал так и остался «сфинксом», «человеком-загадкой», вождем, отношение к которому до сих пор не определилось.

¹²⁵ «Пришел к власти сионист», – так, – по воспоминаниям М. Лобанова, – сказал ему Вал. Сидоров в день похорон Брежнев (Лобанов М. Оболганная империя. С. 29). Л. Бородин в автобиографической книге А. сионистом не называет, но и он уверен, что «именно Ю. Андропов – сознательно или нет, этого уже не узнать, – продвинул прозападнический интеллектуальный слой на перспективные позиции, что известным образом сказалось на характере так называемой перестройки» (Бородин Л. Без выбора. С. 161).

¹²⁶ Лобанов М. Оболганная империя. С. 29.

¹²⁷ Солоухин В. Из ненаписанных рассказов / Предисл. Ю. Полякова // Литературная газета. 2017. 5 апреля.

¹²⁸ Байгушев А. Русская партия внутри КПСС. М., 2005. С. 222.

¹²⁹ Цит. по: Быков Д. И все-все-все: Сб. интервью. Вып. 2.

¹³⁰ Яковлев А. Лицом к лицу: Беседовал А. Шарый // Радио «Свобода». 2001. 29 июля.

¹³¹ Медведев Р. Андропов. С. 16.

Лит.: *Медведев Р.* Андропов. М.: Молодая гвардия, 2006 (Жизнь замечательных людей); *Семанов С.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: Алгоритм, 2008; *Млечин Л.* Андропов. М.: Пальмира, 2017.

Аннинский (Иванов-Аннинский) Лев Александрович (1934–2019)

Охотник до рискованно красного словца, А. любил называть себя полукровкой и шутил, что своим появлением на свет он обязан советской власти, потому что только благодаря ей в Москве смогли встретиться его отец, казак из станицы Новоаннинской¹³², и мама, еврейка из-под Чернигова.

Так он, русский литератор, и прожил свой век – как связующее звено, «медиатор» или «межеумок», «отпрыск двух „нерусских“ народов: донских казаков¹³³ и евреев; оба – кочевые, никаких властей не признавали: одни из страха, другие – из гонора...»¹³⁴

Против властей А. не бунтовал, но их сторонился: даже диссертацию так и не написал, в партию не вступил и, хотя всю жизнь проработал в штате, никогда никем не руководил: ни в журнале «Советский Союз» (1956–1957), ни в «Литературной газете» (1957–1960), ни в «Знамени» (1960–1967), ни в Институте конкретных социологических исследований АН СССР (1968–1972), ни в «Литературном обозрении» (1990–1992), ни в «Родине» (с 1992), ни в ставшей истинно родной «Дружбе народов» (1972–1991, 1993–2019), где он «дорос» до титула члена редколлегии¹³⁵.

Зато, автор почти тридцати книг и более пяти тысяч статей, А. печатался всюду, куда его приглашали. Был уверен: «Дело действительно не в том, где напечатано, а в том, что написано»¹³⁶. Мог, поддразнивая честную публику, разочек одновременно опубликоваться в «Новом мире» А. Твардовского и в «Октябре» В. Кочетова (1962) или свою статью из прохановской газеты «День» без единой поправки перепечатать в еврейском журнале «Время и мы» (1991).

И только ли озорство это? Или осознанная позиция – и тут, насколько хватает сил и вкуса, чувствовать себя связующим звеном «между либералами и ортодоксами», интернационалистами и националистами? Конечно, – вспоминает А., –

я хотел быть вместе с Лакшиным, Буртиным, Виноградовым и другими авторами журнала «Новый мир». Но они не пустили меня в свою компанию¹³⁷, и вскоре я понял причину. Им нужны были бойцы, готовые насмерть стоять за либеральные идеи. А я по характеру никакой не воин. Идти к правым уже мне не хотелось, в итоге навсегда остался между одними и другими. Пограничником. Или, если изволите, пограничной собакой, которая так и не влезла ни в чью конуру¹³⁸.

¹³² Станица, входившая до революции в Хоперский округ Области Войска Донского, имеет ныне статус города Новоаннинский Волгоградской области. В 1926 году отец А. приехал на учебу в Москву, увидел, сколько тут Ивановых, и решил прибавить к своей фамилии еще одну половинку по названию малой родины (цит. по: Нордвик В. Последнее интервью Льва Аннинского // Родина. 2019. 6 ноября. <https://rg.ru/2016/04/07/rodina-lev-anninskij.html>).

¹³³ Как рассказывает С. Экштут, глубоко штатского А. в редакции журнала «Родина» любовно называли Есаулом.

¹³⁴ Овчинников С. Бесконечное прощание // Формаслов. 2021. 1 февраля. <https://formasloff.ru/2021/02/01/sergej-ovchinnikov-beskonechnoe-proshhanie-glavy-iz-ocherka-moj-uchitel-lev-anninskij/>.

¹³⁵ Вряд ли исключением является и 1998 год, когда А. числился «главным редактором», а фактически был редактором российского раздела журнала «Время и мы» (Нью-Йорк – Москва).

¹³⁶ Аннинский Л. Мы и время. Цит. по: <http://www.kuvaldinur.narod.ru/Anninskiy-Kuvaldin.htm>.

¹³⁷ «Я, – процитируем критика, – очень хотел попасть в „Новый мир“, но они понимали, что я не их солдат. Потом Владимир Лакшин зарезал в „Новом мире“ пару моих статей, и я перестал туда ходить... А в „Октябрь“ я сам не хотел идти, потому что совершенно не мое это было» (Литературное Переделкино. 2020. С. 194).

¹³⁸ Родина. 2016. № 4. Что же касается последней шутки, то она явно навеяна воспоминания о том, что в 1939 году А. снялся в кинофильме «Подкидыш» в роли маленького мальчика в детском саду, который хотел быть и танкистом, и милиционером, и даже пограничной собакой.

Ничем предосудительным А. никогда не запачкался, но, по его собственным признаниям, помимо либералов, дружил и с В. Кожинным¹³⁹, и с И. Шафаревичем, и со Ст. Куняевым, своим университетским однокашником. В Союз писателей был принят в 1965 году¹⁴⁰ по рекомендациям, полученным от плохо совместимых друг с другом Е. Книпович, А. Макарова и Б. Слуцкого¹⁴¹. В марте 1966-го поставил свою фамилию под письмом в защиту А. Синявского, но в дальнейшем от участия в каких-либо коллективных акциях зарекся. «Ходил в литературе, – сказано в автобиографии, – как кошка, сам по себе»¹⁴².

Зато в споры вступал охотно – и совсем не с тем, чтобы непременно победить в эстетических дуэлях или, упаси господи, идеологических распрях. Сама стихия полемики разогревала его мысль, делала ее пластичной и почти всегда провокативной, и собеседников (прежде всего читателей) подталкивала к большей свободе – по крайней мере, ассоциаций. Так и предупреждал: «Лезу между кулаками»¹⁴³. При этом читательской эмпатии нисколько не мешали ни эзопов язык, на который А. был большой мастер¹⁴⁴, ни даже небрежно элегантно употребление предписанных начальством казенных формул: мол, «слова – ваши, а порядок слов – мой».

Речь могла идти о чем угодно – например, о Лескове или о литовской фотографии, о романе «Как закалялась сталь» или об экранизациях Льва Толстого, о поэзии Серебряного века или о бардах, – какая, собственно говоря, разница, если соглашаться с ним было отнюдь не обязательно, зато читать всегда интересно. Поэтому его «виртуозные, бесшабашные» статьи, лишённые, – по словам М. Эпштейна, – «того добродетельного занудства, которое проскальзывало даже в писаниях самых либеральных, новомировских критиков»¹⁴⁵, разыскивали и в молдавских «Кодрах», и в петрозаводском «Севере», и в воронежском «Подъеме», а книги, чего с критиками почти не бывает, становились бестселлерами.

Филологии в них, по правде говоря, не много. И современные А. писатели (Ю. Трифонов, скажем) даже, случалось, сердились, что критик, пользуясь техникой «огибания текста», которую он сам же и разработал, навязывает им свои темы и свои выводы. Все так, и А. не раз говорил, что авторские намерения и художественный уровень разбираемых произведений его интересуют меньше, чем «состояние художника»¹⁴⁶, равно как и то, что сегодня «с нами происходит»¹⁴⁷. И что происходит в его собственной душе, всегда беспокойной, чурающейся априорных истин. Какая к шутам филология, тут с самим собой бы разобраться, и недаром ведь, отвечая однажды на вопрос, для кого он пишет, А. заметил: «... Уткнулся в зеркало».

Но эти разборки с самим собою, вступающие в резонанс с такими же разборками в душах читателей, и есть ведь литература, так что А. со своей «атакой стилем», уступая многим коллегам в летописании литературного процесса, переигрывал всех именно как писатель.

¹³⁹ «Иногда я чувствовал в нем старшего брата» (Литературная газета. 2001. 31 января – 5 февраля).

¹⁴⁰ Как рассказывает А., «предложение вступить передали в 1962-м – дело манежилось в связи с походом Хрущева в Манеж, в карантине три года сидела вся либеральная рать, к которой меня причисляло начальство, и я не спорил» (Союз в моей жизни: К 70-летию Союза писателей СССР. https://prazdnikinfo.ru/5/16/i21_8439.htm).

¹⁴¹ «„Вы должны написать книгу о послесталинском поколении“, – велел он <Б. Слуцкий> мне. „Слушаюсь“, – мысленно ответил я и сказал, что постараюсь», – вспоминает А. (Литературное Переделкино. 2020. С. 194). Так действительно родилась его первая книга «Ядро ореха» (1965), редактором которой как раз и стала Е. Книпович, «знаменитейшая тогда восьмидесятилетняя красавица. Она была последней любовью Блока и великолепным марксистски подкованным критиком» (Там же).

¹⁴² Аннинский Лев Александрович // Международный биографический центр. http://www.biograph.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=34:anninskyi&catid=4:literat&Itemid=29.

¹⁴³ «Я читал тебя и думал, радуясь: вот сошлись, совпали...»: Из переписки Льва Аннинского и Игоря Дедкова // Дружба народов. 2020. № 1.

¹⁴⁴ «Эзоп – мой изначальный соавтор, повивальный дед, ставивший клеймо времени на каждой строке. Тогда я думал, что обхожу внешние препятствия, теперь думаю, что обходил дурака в себе самом – дурака, который думает, будто знает истину» (Родина. 2016. № 4).

¹⁴⁵ Эпштейн М. Фехтовальщик // Новая газета. 2019. 8 ноября.

¹⁴⁶ Памяти Льва Аннинского: Дмитрий Быков // Дружба народов. 2019. № 12.

¹⁴⁷ Родина. 2016. № 4.

Ближе к XXI веку А., как и многие, признался: «У меня сейчас проблема. Мне стало скучно читать художественную литературу»¹⁴⁸. Выручал, однако же, профессионализм, так что о новых книгах, в том числе о совершенно необязательных, порой случайных, он писал по-прежнему постоянно. И вообще очень много работал – колонки в самых разных журналах и газетах, циклы телевизионных передач «Серебро и чернь», «Медные трубы», «Засадный полк», «Мальчики державы», «Охота на Льва», преподавание в Московском международном университете и Институте журналистики и литературного творчества, членство в редколлегии Новой российской энциклопедии, в жюри премии «Ясная Поляна».

Получал явно запоздавшие награды – орден «Знак Почета» (1990), премии ТЭФИ (1996, 2004), правительства России (2010, 2015), иные всякие. Но для души и для собственных дочерей составлял многотомное «Родословие», не предназначенное для печати, и посвященную отцовской биографии книгу «Жизнь Иванова» успел даже увидеть изданной (2005).

А «в последний год жизни, – как рассказывает друживший с ним В. Курбатов, – Лев Александрович крестился и ушел, причастившись Святых Тайн. Вернулся домой – в Ивановы»¹⁴⁹.

Соч.: Три еретика: Повести о Писемском, Мельникове-Печерском, Лескове. М.: Книга, 1988; Красный век: В 2 т. М.: Молодая гвардия, 2004; Жизнь Иванова. М.: Вагриус, 2005; Меч мудрости, или Русские плюс... М.: Алгоритм, 2006; Распад ядра: В 2 т. М.: МФЦП, 2009; Рука творца: Значительные явления русской прозы за последние 50 лет, 1961–2011. М.: Известия, 2013; Откровение и сокровение. М.: Интернациональный Союз писателей, 2015.

Лит.: Чупринин С. Критика – это критики. Версия 2.0. М.: Время, 2015. С. 94–115; Эштейн М. Фехтовальщик // Новая газета. 2019. 8 ноября; Памяти Льва Аннинского // Дружба народов. 2019. № 12; Новиков Вл. Так и надо жить критику // Вопросы литературы. 2021. № 2.

---

¹⁴⁸ Аннинский Л. «Свой национальный код надо знать» // Столетие. 2011. 13 сентября. https://www.stoletie.ru/kultura/lev_anninskij_svoj_nacionalnyj_kod_nado_znat_2011-09-13.htm.

¹⁴⁹ Памяти Льва Аннинского: Валентин Курбатов // Дружба народов. 2019. № 12.

Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978)

«Моя жизнь или, точнее, моя карьера была с самого начала печальна и малоудачна», – уже за порогом семидесятилетия записал в дневнике А.¹⁵⁰

Так ли это? Сын адвоката, помощника присяжного поверенного, он учился в Московском университете тоже на юриста, но жизнь свою мечтал посвятить театру. Однако же Е. Вахтангов, к чьей Студенческой студии в ранней юности прибилсА., актером его «не признал». А. попробовал писать для студии пьесы, делать инсценировки, ставить спектакли самостоятельно – и опять без большого успеха, снова «та же вторая роль», для молодого честолюбца едва переносимая. И лишь после многих проб, растянувшихся на долгие годы, стало постепенно ясно, что мечты мечтами, а его призвание в другом – там, где не тебя выбирают, как в театре, а где ты сам, и только ты, отвечаешь и за свой путь, и за свои достижения.

Первые стихи А. появились в печати еще в 1918 году. А в 1922-м вышла уже и книга, за нею следующие: «Запад» (1926), «Третья книга» (1927), «Стихотворения» (1929), «Действующие лица» (1932), «Коммуна 1871» (1933), «Избранные стихи» (1933)... Необыкновенно по своей природе общительный и необыкновенно – для поэта – доброжелательный, «неистощимый в своей энергии, – как скажет о нем Е. Евтушенко, – живчик русской поэтической культуры»¹⁵¹ А. быстро вошел в писательскую среду, познакомился с В. Брюсовым, еще в годы революции дружил, как он сам вспоминает, с М. Цветаевой, стал замечен другими поэтами и критиками, неизменно указывавшими как на высокий версификационный уровень его стихотворений и драматических поэм, так, впрочем, и на их театральность, даже декоративность и уж точно на их оторванность от злобы дня – политической и литературной. «Я, – подводит А. итоги первому периоду своей биографии, – становился известен, но никак не признан. Даже на I съезде писателей в 1934 году получил гостевой билет»¹⁵².

И здесь, в тридцатые годы, у поэта, озабоченного своим местом в литературном процессе, было два, собственно, пути. Либо, изменяя самому себе и самого себя, переходить в стан ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови, либо...

А. выбрал переводы – уже не только с европейских, как прежде, но и с языков народов СССР, много ездил по стране, принимал деятельное участие в неделях, декадах, месячниках многонациональной советской литературы, и это, надо думать, сыграло свою роль в том, что при первой раздаче писателям правительственных наград и он в 1939 году получил орден «Знак Почета».

А дальше война. Работа во фронтовом театре и в армейских газетах. Вступление в партию (1943). Трагическая поэма «Сын» (1943), посвященная памяти младшего лейтенанта Володи Антокольского, погибшего на фронте в 1942 году. Трагическое стихотворение «Лагерь уничтожения» о печально знаменитом Собиборе (1944) и написанный вместе с В. Кавериным очерк о восстании в этом лагере смерти (Знамя. 1945. № 4)¹⁵³.

«В годы войны, – вспоминает А., – работал как никогда много». И после войны работал тоже много – писал стихи, переводил, вел поэтический семинар в Литературном институте. И, – продолжим цитату из дневника А., – «казалось бы, передо мной очень широкая дорога, но тут-то и грянули 48–49-й годы...», когда уже ни Сталинская премия, присужден-

¹⁵⁰ Антокольский П. Дневник. С. 105.

¹⁵¹ Евтушенко Е. Поэт в России – больше, чем поэт. Т. 4. С. 609.

¹⁵² Антокольский П. Дневник. С. 106.

¹⁵³ Этот очерк должен был войти в «Черную книгу», составленную И. Эренбургом и В. Гроссманом, но ее набор в 1948 году был рассыпан, и опубликована «Черная книга» была уже только в постсоветскую эпоху.

ная в 1946 году за поэму «Сын», и ничто другое не могло его спасти от поношения и травли. Вроде бы и не за что было, но вот нашлось же.

Многие высказывания П. Антокольского, – утверждала «Литературная газета» в номере от 12 марта 1949 года, – могут соперничать с «откровениями» акмеистских или имажинистских «манифестов». Это он в 1948 году возглашал, что «поэтам ли говорить о колдовстве поэзии, когда они сами колдуны»; это он сетовал, что у одного из его студентов «нет обнадеживающих ошибок»; это его, наконец, «очень радовало пристрастие» одного из студентов «к сказке, к благодушной импровизации»...

Из Литературного института его, естественно, вычистили, причем на собраниях особенно свирепствовала фронтовичка Ю. Друнина, заклеившая «поэта-формалиста» и «рас- тлителя творческой молодежи», который незадолго до этого отчислил ее из своего семинара¹⁵⁴. Тираж уже отпечатанной первой книги А. Тарковского, редактором которой был А., уничтожили еще в 1946-м, а ему самому годы потребовались, чтобы восстановить и творческую форму, и репутацию.

Миновало, однако же, и это. Поэму «В переулке за Арбатом» (Новый мир. 1954. № 11) нормативная критика еще поклевала, но положение А. в роли одного из мастеров старшего поколения упрочилось уже навсегда. И он сам, понимая себя как поэта-коммуниста, вроде бы стремился вести себя по-советски: подписал коллективное письмо с осуждением венгерских контрреволюционеров в ноябре 1956 года¹⁵⁵, признал на писательском пленуме в мае 1957-го «идейные шатания у некоторых элементов из кругов нашей интеллигенции»¹⁵⁶, согласился даже уговорить Б. Пастернака, чтобы тот забрал свой роман у итальянских издателей...¹⁵⁷

Но с души у него явно воротило. Что видно и по многим стихам, тогда написанным, хотя увидевшим свет после его смерти, и по его гражданскому поведению. Бойцом-антисоветчиком А. отнюдь не был, но в 1957 году письмом в «Литературную газету» он заступился за М. Цветаеву, чье наследие в очередной раз подвергли заушательской критике. В декабре 1962-го в споре с могущественным тогда А. Прокофьевым защитил творческий поиск В. Аксенова, А. Вознесенского, Б. Окуджавы и, конечно же, обожаемой им Б. Ахмадулиной¹⁵⁸. В марте 1966-го поставил свое имя под «Письмом 62-х» в поддержку А. Синявского и Ю. Даниэля¹⁵⁹. В мае 1967-го поддержал солженицынский протест против всепущения цензуры, так что и сам А. Солженицын особо отметил «пущенное в Самиздат письмо Павла Антокольского Демичеву – хотя всё ещё в рамках партийной терминологии, но с пробивами честного сердца»¹⁶⁰. А весной 1968-го, вновь оказавшись среди «подписантов», схлопотал и строгий партийный выговор...

¹⁵⁴ Цит. по: *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина. С. 539.

¹⁵⁵ Литературная газета. 1956. 24 ноября.

¹⁵⁶ Литературная газета. 1957. 16 мая.

¹⁵⁷ Об этом эпизоде, запечатленном в дневниковой записи К. Федина от 12 августа 1956 года, рассказывает и Н. Любимов: «Слышал я, что Павел Антокольский приезжал к нему уговаривать его взять „Живаго“ из итальянского издательства, на что Пастернак ответил:– Павлик! Мы с тобой старики. Нам с тобой поздно подлости делать.– Смотри! Не сделай рокового шага. Не упавши в пропасть! – с актерско-любительским пафосом прохрипел Антокольский. – Возьми рукопись назад. Помни, что ты продаешь советскую литературу.– Да что там продавать? – возразил Пастернак. – Там уж и продавать-то нечего. Вы сами давно все продали – и оптом, и в розницу» (цит. по: *Пастернак Б. Т.* 11: Воспоминания современников о Б. Л. Пастернаке. С. 642).

¹⁵⁸ *Антокольский П.* Отцы и дети // Литературная газета. 1962. 11 декабря.

¹⁵⁹ И был наказан, на первых порах еще щадяще. По случаю 70-летия его наградили третьим орденом Трудового Красного Знамени, хотя, – приведем дневниковую запись А., – «сначала предполагался орден Ленина. Но тут впуталось раздражение „сверху“ за мою подпись в письме, адресованном в ЦК, относительно Синявского и Даниэля, и, как выразился Ильин (в разговоре с Матусовским), „Антокольский сам виноват – до таких лет дожил, а ума не нажил“. Дескать, разве такой юбилей мы справили бы ему, коли бы не это письмо!» (*Антокольский П.* Дневник. С. 63).

¹⁶⁰ *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 176.

Перечитывая дневники А., видишь, что эти «пробивы честного сердца» давались ему – человеку не самого храброго десятка и, уж повторимся, отнюдь не бойцу – совсем не просто. Он для другого был создан – влюбляться в таланты, поощрять их, ими восхищаться, и нам не забыть ни того, как в 1960–1970-е годы клубились молодые поэты вокруг А., ни того, что именно он дал рекомендации в Союз писателей Б. Слуцкому, Б. Окуджаве, И. Волгину, был редактором первой книги Б. Ахмадулиной «Струна».

«Он, – процитируем Д. Самойлова, – родился поэтом, и всегда для него это было самое главное. Сильнее напастей и бед, потерь и утрат»¹⁶¹. И его любили, ему посвящали стихи – от Д. Самойлова («Удобная, теплая шкура старик. / А что там внутри, в старике? / Вояка, лукавец, болтун, озорник / Запрятан в его парике») до Я. Смелякова («Здравствуй, Павел Григорьевич, / Древнерусский еврей. <...> Здравствуй, дядька наш милый, / Дорогой человек»).

Очевидцы рассказывают, как, благодаря собравшихся на его юбилейный вечер в 1976 году, А. сказал: «Мне многие сегодня говорили о своей любви. А за что меня не любить? Я прожил восемьдесят лет. Я писал хорошие стихи. Я никому не сделал ничего плохого»¹⁶².

И сказать так в XX веке могли бы далеко не все.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1971–1973; Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982 (Библиотека поэта. Большая серия); Избр. произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1986; Дневник 1964–1968. СПб.: Пушкинский фонд, 2002; Далеко это было где-то...: Стихи, пьесы, автобиографическая повесть. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.

Лит.: Левин Л. Четыре жизни: Хроника дней и трудов П. Антокольского. М., 1969.

---

¹⁶¹ Самойлов Д. Памятные записки. С. 620.

¹⁶² Минацкая С. Ретроман. С. 25.

Антонов Сергей Петрович (1915–1995)

Выпускник Ленинградского автодорожного института, в годы советско-финской и Великой Отечественной войны служивший в инженерно-строительных частях, А., как и многие, начинал со стихов. Однако – по совету, как рассказывают, А. Ахматовой – быстро переключился на прозу – и почти тотчас успех: уже дебютный сборник его рассказов «По дорогам идут машины» получил Сталинскую премию (1951).

Третьей, правда, степени, в чем нельзя теперь не увидеть метафору всей дальнейшей литературной жизни А.: вроде и был он всегда на хорошем счету, но исключительно как бы в третьем или, в лучшем случае, во втором ряду советских писателей. В правление СП СССР его, начиная с 1954 года, разумеется, неизменно избирали, наградами не обходили. И книги издавались бесперебойно, и критика к ним благоволила, отмечая то внимание А. к морально-нравственным, как тогда выражались, проблемам сельских жителей, то деликатный психологизм, то мягкий, незаемный юмор. Шли и экранизации – «Поддубенские частушки» (1957), «Дело было в Пенькове» (1958), «Люди на мосту» (1960), «Аленка» (1961), «Порожний рейс» (1963), «Знойный июль» (1965) – не шедевры, конечно, но тоже вполне себе симпатичные ленты, дававшие неплохие сборы. По мотивам антоновских рассказов написал свою первую оперу «Не только любовь» (1961) входивший в славу Р. Щедрина, да и шоколад «Аленка», как поговаривали, получил свое название по имени не только дочери космонавта В. Терешковой, но и героини популярной повести А.

И тем не менее своим современникам он всегда и во всем уступал – «автоматчикам партии» в громокипящем пафосе и эпической масштабности, Ф. Абрамову или В. Тендрякову в проблемности и социальном критицизме, Ю. Казакову в стиливой пластичности и акварельном лиризме. Не отличался А. и гражданской активностью: фрондеров, как позднее диссидентов, осмотрительно сторонился, хотя и не обличал их публично – по крайней мере, по собственной инициативе. Однако же от ответственных партийных поручений он как писатель-коммунист тоже не уклонялся, – так, на собрании в Доме кино 31 октября 1958 года назвав Б. Пастернака «марионеткой» и «петрушкой», потребовал, в согласии с другими ораторами, его исключения из числа советских граждан¹⁶³. А к февралю 1966 года (в одной почему-то странной компании с А. Барто, С. Михалковым, Б. Сучковым и А. Корнейчуком) подготовил – опять же наверняка не по своей воле – экспертное заключение, дававшее прокуратуре основания для привлечения А. Синявского и Ю. Даниэля к уголовной ответственности¹⁶⁴.

Но – вот на что стоит обратить внимание – оба эти поступка на его репутации не сказались никак. Как уже в мае 1967 года незамеченным осталось и письмо «с резким упором против цензуры»¹⁶⁵, которое А., поддерживая А. Солженицына, направил в президиум IV съезда писателей. А между тем это письмо А. уж точно никто не заказывал, и, можно предположить, счет к цензуре даже у него, литератора умеренного и оглядчивого, накопился собственный. Во всяком случае, кроме повести «Царский двугривенный» (1969), его новые художественные произведения в течение длительного времени почти не появлялись в печати. Работал как сценарист в кино, выпускал книги о ремесле прозы – «Письма о рассказе» (1964), «Я читаю рассказ» (1973), «От первого лица: Рассказы о писателях, книгах и словах» (1973), «Слово: Из бесед с молодыми писателями» (1974), – а заветное, задушевное писал в стол.

Чтобы, вынудив из него в годы гласности давно написанные повести «Васька» (Юность. 1987. № 3–4), «Овраги» (Дружба народов. 1988. № 1–2), вновь обратить на себя внимание

¹⁶³ См.: Стенограмма общесоюзного собрания писателей 31 октября 1958 года // Горизонт. 1988. № 9. С. 57–58.

¹⁶⁴ См.: Чуковская Л. «Дневник – большое подспорье...» С. 177.

¹⁶⁵ Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 176.

и критики, и читателей. Ненадолго, правда, поскольку по востребованной тогда обличительной ярости и эти книги, честно, но негромко рассказывавшие о молодежи двадцатых-тридцатых годов, тут же проиграли сопоставление с перестроечными бестселлерами.

Сейчас они не переиздаются. И давние, 1950-х еще годов, симпатичные лирические повести тоже почти всеми забыты. Что вряд ли справедливо, но в общем-то, увы, понятно.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1983; Овраги. Васька: Повести. М.: Известия, 1989 (Б-ка «Дружбы народов»); Свалка: Повесть // Дружба народов. 1996. № 4; Дело было в Пенькове. М.: Вече, 2014.

Анчаров Михаил Леонидович (1923–1990)

Биографы предполагают, что А. родом из евреев-кантонистов, однако сам он своей национальности никакого значения не придавал, мог разве лишь в шутку назвать себя «дворянжкой» – плодом самых разных кровей и генов. Надо думать, в его детстве это особого значения и не имело: школа, музыкальная школа и профсоюзная изостудия, в 1940 году поступление в Архитектурный институт.

Архитектором ему, однако же, стать не удалось, как не удалось и повоевать против немцев: уже в июле 1941-го райвоенкомат направил его изучать китайский язык в Военный институт иностранных языков Красной Армии. Вуз, что и говорить, элитный, особенный, поэтому по его окончании (декабрь 1944) дебютировать в роли военного переводчика младшему лейтенанту А. предстояло в СМЕРШе на Дальнем Востоке, где он, – как иногда рассказывают, – даже принял участие в пленении последнего китайского императора Пу И.

Столь заманчивую вроде бы профессию переводчика с дефицитного тогда языка А., впрочем, оставил сразу же после демобилизации в 1947-м. Несколько месяцев помыкался и в 1948 году поступил на художественный факультет ВГИКа, откуда через месяц перевелся в Суриковский институт. Там стал членом ВКП(б) (1950), получил диплом по специальности «Станковая живопись» (1954) и в следующем году опять засобирился на учебу – теперь вот на курсы киносценаристов при ВГИКе (1955–1958).

Разбросанность? Вероятно, особенно если учесть, что уже в 1952 году А. «внезапно для самого себя»¹⁶⁶ написал стихотворную трагедию о Леонардо да Винчи, а в 1955-м такую же трагедию о Франсуа Вийоне, но вместе с тем и понятная для личностей ренессансного типа попытка, не выбирая главного, реализовать свои таланты сразу в нескольких сферах. С живописью у А., хотя и у нее есть поклонники, как-то, скажем прямо, не срослось. Идеи относительно разного рода чудо-изобретений и физиологии художественного творчества, которые он еще студентом направлял в журналы и в Академию наук, были сочтены завиральными. А вот с кинематографом, особенно поначалу, все вроде сложилось как надо: уже в 1956 году он в соавторстве с С. Вонсевером опубликовал сценарий «Баллада о счастливой любви» в журнале «Искусство кино» (№ 6), в октябре того же года был принят на работу референтом-сценаристом, а там пошли и снятые по его сценариям фильмы: «Мой младший брат» по роману В. Аксенова «Звездный билет» (1962), «Аппассионата» о том, как Ленин спорил с Г. Уэллсом и успокаивал себе душу Бетховеном (1963), «Иду искать!», где в образе главного героя легко угадывался засекреченный тогда конструктор С. П. Королев (1966),

И пусть почти все сценарии пока в соавторстве, но киноуспехи можно было развивать, однако А. на несколько лет бросает сценарный промысел и уходит в прозу: рассказы в «Смене» (1964. № 5, 11), повесть «Золотой дождь» в «Москве» (1965. № 5), роман «Теория невероятности» в «Юности» (1965. № 8–9), повесть «Сода-солнце» в альманахе «Фантастика-65». Критика отнеслась к ним без большого воодушевления, зато молодежь была в восторге¹⁶⁷. Еще и потому, быть может, что как раз в это время А. оказался на пике известности как одна из ключевых фигур вошедшей в моду авторской песни.

Об истории этого оттепельного феномена, когда едва ли не вся страна вдруг запела под гитару, написаны десятки исследований, и в каждом из них А. называется даже не родителем, а прародителем жанра. И действительно, первые песни он в конце 1930-х написал еще

---

¹⁶⁶ Ревич Ю., Юровский В. Михаил Анчаров. С. 224.

¹⁶⁷ Так, собственно, в письме к А. и предсказал Б. Полевой: «Не предвещаю Вам больших похвал в критике. Критика сейчас гугнивая, простудная, высматривает, главным образом, за что бы автора тяпнуть побольнее. Но читательский успех, и в особенности у молодежи, как мне кажется, повесть уже имеет. Очень рад за Вас» (Хроника жизни и творчества Михаила Анчарова. <http://ancharov.lib.ru/biografia.htm>).

школьником – сначала на слова А. Грина, Б. Корнилова, В. Инбер, а после 1941 года уже и на собственные.

Так бы они, исполнявшиеся исключительно в узком дружеском кругу, наверное, и остались сугубо невинным увлечением, но в 1960-е – благодаря Б. Окуджаве, Ю. Визбору, А. Галичу, А. Городницкому, Н. Матвеевой, потом В. Высоцкому – круг фанатов авторской песни необыкновенно расширился, и баллады А. тоже пришлось кстати. С энтузиастами клубов самодеятельной песни он, впрочем, не сблизился и от зрелых мастеров держался в стороне, но охотно выступал в кафе и клубах, в январе 1966 года принял участие в записанной «Неделей» беседе бардов за круглым столом (№ 1), которая, собственно, и легализовала авторскую песню в публичном пространстве, а 5 апреля того же года пел на знаменитом сборном концерте «Так начинается песня» в Политехническом музее.

Счастливец в эти годы он не был. Мучительная любовь с эксцентричной Джоей Афиногеновой разрешилась громкими скандалами, разрывом и скорой смертью Джои. Да к тому же в литературской среде за А. все десятилетия шлейфом тянулся позорный, хотя до сих пор не подтвержденный слух о том, что он еще в 1958 году будто бы донес в КГБ на своих товарищей-вгиковцев, и их судьбы были порушены.

Те, кто перекладывал его песни на свои гитары, ничего этого, к счастью, не знали. Так что триумф нарастал, но А. в 1968 году внезапно все бросил, то есть новые песни перестал писать, а уже легендарные старые исполнять.

Метания между жанрами кончились, лета стали клонить к прозе, к драматургии, и жизнь А. вышла на плато. 27 декабря 1966 года его приняли в Союз писателей, по «Теории невероятности» поставили спектакль в московском Ермоловском театре, в журнале «Москва» (1967. № 5) напечатали повесть «Этот синий апрель», в солидном «Новом мире» роман «Самшитовый лес» (1979. № 9–10), в легкомысленном «Студенческом меридиане» повести «Страстной бульвар» (1978. № 1), «Прыгай, старик, прыгай!», «Роль» (1985. № 1–2), романы «Дорога через хаос», «Как птица Гаруда» (1986. № 1–6). И с книгами все в порядке, и с их переводами на болгарский, немецкий, румынский, чешский языки, а сценарии многосерийных телеспектаклей «День за днем» (1971–1972), «В одном микрорайоне» (1976), телефильма «Москва. Чистые Пруды» (1979) принесли их автору если не славу, то заметные деньги.

Почти в каждую из этих работ – и прозаических, и телевизионных – инсталлированы песни, и некоторые из них (например, «Стою на полустаночке...») становятся эстрадными шлягерами, а давние выходят на грампластинках, включаются в бесчисленные песенники.

И здесь уж как считать – либо признать судьбу А. образцово успешной, либо смириться с мыслью, что художника ренессансного масштаба из А. при всех его многообразных дарованиях все-таки не получилось. Д. Тевекелян, много лет с ним дружившая, сказала в одном из интервью: «Он очень много нового сделал, Миша, в литературе, на самом деле, если говорить по-серьезному. И ничто из этого не прозвучало и не заставило к нему относиться как к крупному писателю»¹⁶⁸.

Прах А., вместе с прахом его родителей, покоится на Новом Донском кладбище в Москве (колумбарий № 17, секция № 10, 2-й ряд). И фанаты А. действуют по-прежнему: проводят конференции, выпускают его книги и магнитоальбомы, пишут о нем статьи и книги. Так что забытым А. не назовешь, хотя... Спроси у подавляющего большинства сегодняшних читателей: имя, конечно, знают твердо, но содержание и смысл его книг, сценариев, пьес и песен помнят уже совсем не твердо.

А ведь «Анчаров, – как сказано одним из его биографов, – был квинтэссенцией „оттепели“ 1960-х, ее крайним радикально-романтическим крылом»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Ревич Ю., Юровский В. Михаил Анчаров. С. 448.

¹⁶⁹ Ревич Ю. Немножко более великий // Новая газета. 2013. 29 марта.

Соч.: Звук шагов: Стихи и повесть. М.: Останкино, 1992; Ни о чем судьбу не молю. М.: Вагант-Москва, 1999; Сочинения: Песни. Стихотворения. Интервью. Роман. М.: Локид-Пресс, 2001; Избр. произведения: В 2 т. М.: Арда, 2007; Собр. соч.: В 5 т. М.: Престиж-Бук, 2019–2021.

Лит.: *Ревич Ю., Юровский В.* Михаил Анчаров: Писатель, бард, художник, драматург. М.: Книма, 2018; *Березин В.* Жизнь красивого человека [Рец.] // Rara Avis: Открытая критика. 2018. 18 июля. https://www.rara-rara.ru/menu-texts/zhizn_krasivogo_cheloveka.

Апт Соломон Константинович (1921–2010)

Жизнь А. сложилась в общем-то счастливо. Стопроцентный еврей, он, казалось бы, должен был пострадать в годы гонения на безродных космополитов. Так ведь нет же: закончил классическое отделение филфака МГУ (1947), даже защитил без проблем кандидатскую диссертацию о Ювенале (1950).

На этом везение, впрочем, закончилось: с сомнительной анкетой на работу не брали никуда, приходилось перебиваться случайными заработками, прежде чем осенью 1953 года все-таки устроиться преподавателем латыни в Орехово-Зуевский пединститут. Но тут, слава Богу, пошли уже переводы с древнегреческого, и, – рассказывает А., – он в «в 35 лет оставил место доцента и стал человеком свободной профессии, переводчиком»¹⁷⁰. К Феогниду, которого он перелагал на русский язык еще в университете, к Аристофану (1954), к античным географам, зоологам и травникам прибавились немецкие классики, и первым из них стал Т. Манн, чью новеллу «Тристан» А. перевел для гослитиздатовского сборника 1955 года.

За жизнь, оказавшуюся долгой, случалось, конечно, А. и редактировать переводы своих предшественников, и создавать новые версии текстов, уже существовавших на русском языке. Но более всего он хотел не «перепереводить», состязаясь с другими признанными (либо непризнанными) мастерами, а открывать то, что отечественному читателю было пока еще неизвестно. «Мир Апта», – воспользуемся формулой С. Бочарова¹⁷¹, – расширялся с каждым годом, и на его «античную полку» со временем легли все сохранившиеся трагедии Эсхила, «Ипполит» и «Медея» Еврипида, «Царь Эдип» и «Электра» Софокла, «Брюзга» Менандра, «Пир» Платона, стихи Катулла, а немецкую литературу уже к рубежу 1950–1960 годов представили пьесы «Мамаша Кураж и ее дети» (1956), «Кавказский меловой круг» (1956) и «Трехгрошовая опера» (1957) Б. Брехта, пьеса «Возчик Геншель» Г. Гауптмана (1959), роман «Лисы в винограднике» Л. Фейхтвангера (1959; совместно с Б. Ароном). И, конечно, Т. Манн, для десятилетия которого А. перевел романы «Избранник» и (в соавторстве с Н. Ман) «Доктор Фаустус» (1960).

Настало время – глаза боятся, руки делают – подступить к самому титаническому своему труду – переложению тетралогии Т. Манна «Иосиф и его братья». Это был вызов, требовавший, помимо профессионального мастерства, еще и исключительной осведомленности в библеистике, и исключительной художественной интуиции – так, по признанию А., лишь переведя первый том, он сумел наконец-то поймать верную интонацию, и все пришлось перделывать заново.

Работа над «Иосифом» заняла семь лет, а в промежутках были и другие, не такие объемные, но не менее трудные. Одна из них в судьбе А. стала счастливой, а в жизни отечественной культуры знаковой – переведя по заказу редакции «Иностранной литературы» рассказы «Превращение», «В исправительной колонии» и короткие новеллы Ф. Кафки (1964. № 1), именно А. открыл русскому читателю «некоронованного, – по словам Т. Манна, – короля немецкой прозы».

И этот журнальный номер, и прорвавшийся год спустя сквозь цензуру однотомник Ф. Кафки явились, что называется, событиями не только в литературной, но и в общественной жизни страны. Как и выход в 1968 году отдельным изданием книги «Иосиф и его братья»: «пятидесятитысячный тираж двухтомного романа, – вспоминает А., – в несколько дней был

¹⁷⁰ *Ант С.* «Перевожу в день минимум 3 страницы»: Беседу вела Е. Калашникова // Круг чтения. 2001. 10 сентября. <http://old.russ.ru/krug/20010910.html>.

¹⁷¹ С. Апт о себе и других. Другие – о С. Апте. С. 8.

раскуплен», и, хотя официальная печать предпочла о нем промолчать, «вся образованная молодежь тогда его прочитала»¹⁷².

Этого было достаточно, чтобы А. окончательно укрепился в мысли: для успеха перевода

прежде всего, нужно быть восхищенным этой книгой и этим автором.

Если такого восхищения нет, то браться за работу, в общем, скучно. Во-вторых, должна быть еще чисто переводческая задача – игра мотивами, выбор лексики. Мне не хочется углубляться в эти технические подробности, но фактура письма должна быть каким-то вызовом для тебя, чтобы не было очевидно, как это передать по-русски¹⁷³.

Так он в дальнейшем и работал: из стародавней литературы выбрал для перевода «Крошку Цахеса» Гофмана и сказки Гауфа, но по преимуществу обращался к тому, «что пишут о нашем времени зарубежные писатели, и это было тем интереснее, чем закрытее была наша страна, и чем труднее был доступ к этим книгам, и чем меньше людей могли прочесть их в подлиннике» – или, в другой его формулировке, он хотел «познакомить читателя с другими способами писать, кроме заказного советского письма»¹⁷⁴.

«Игра в бисер» и «Степной волк» Г. Гессе, «Назову себя Гантенбайн» М. Фриша, «Человек без свойств» Р. Музиля, «Ослепление» Э. Канетти, новеллы Ф. Дюренматта – вот что в 1970–1980 годы стало, – по словам Г. Дашевского, – «главным чтением и для слушателей Аверинцева, и для слушателей „Аквариума“»¹⁷⁵. Им же, молодым интеллектуалам, адресованы биография Т. Манна для серии «ЖЗЛ» (1972), сборник аналитических статей «Над страницами Томаса Манна» (1980), воспоминания об университетской кафедре классической филологии, В. Пановой и Б. Слуцком.

Того же, что называется общественной жизнью, А. принципиально сторонился. Никогда никуда не был избран, на трибуны не всходил, ничего не подписывал, и если его жена – прекрасный критик и литературовед Е. Старикова – поставила свою фамилию под обращением к IV съезду писателей с протестом против цензуры (1967), то А. и тут воздержался. Полагал, надо думать, что его гражданский долг – не бороться с властью, а каждое божье утро садиться за стол – и «минимум – 3 страницы в день»¹⁷⁶ высококачественного текста. Наверное, и в самом деле «это было своего рода бегство от неприглядной действительности сталинской эпохи к тем вершинам духа, где страшное и смешное выступают, так сказать, в чистом виде»¹⁷⁷.

Любопытно, что А. даже не сожалел, что не был представлен обожаемому Т. Манну, а с Г. Гессе или Г. Грассом просто отказался знакомиться:

Человеческий контакт, в данном случае, не нужен. Нужно то, что вышло из-под его пера, нужно знать как можно лучше, полнее и понимать весь контекст его творчества, его жизни. Но личное знакомство... нет, мне это не нужно¹⁷⁸.

Так в трудах, изредка перемежаемых недолгими выездами в Европу, и прошли зрелые годы А. «Он, – вспоминает Е. Старикова, – считал биографию свою неинтересной, происхождение слишком обыкновенным, склонности к исповедям не имел»¹⁷⁹. Однако германоязычный

¹⁷² Там же. С. 87.

¹⁷³ Там же. С. 223.

¹⁷⁴ Там же. С. 135.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ *Ант С.* «Перевожу в день минимум 3 страницы» // <http://old.russ.ru/krug/20010910.html>.

¹⁷⁷ Цит. по: *Азадовский К.* Переводчик и его время. Соломон Апт (1921–2010) // Вопросы литературы. 2011. № 3.

¹⁷⁸ С. Апт о себе и других. Другие – о С. Апте. С. 90.

¹⁷⁹ С. Апт о себе и других. Другие – о С. Апте. С. 92.

мир под старость осыпал его почестями: почетный доктор Кельнского университета (1989), член-корреспондент Германской академии литературы и языка (1995), премия имени Г. Гессе (ФРГ, 1982), австрийская Государственная премия (1986) и (1986) и австрийский почетный знак «За науку и искусство» 1-го класса (2001), российско-германская премия имени Александра Меня (2006). Награды на родине были скромнее: разве лишь премия имени В. Жуковского, и та назначенная Немецким союзом промышленников в России (2000), да журнальные премии «Знамени» (1995), «Иностранной литературы» и «Вестника Европы».

Но в наградах ли дело? Если каждый из нас может повторить то, что академик М. Гаспаров сказал в письме А. от 29 июля 1986 года: «Вашу собственную деятельность, и в переводах, и в комментариях (Ваши книги о Манне) я считаю культурным подвигом, преклоняюсь перед ней...»¹⁸⁰.

Лит.: Азадовский К. Переводчик и его время // Вопросы литературы, 2001. № 3; С. Апт о себе и других. Другие – о С. Апте. М.: Языки славянской культуры, 2011.

---

¹⁸⁰ Там же. С. 177.

Арбузов Алексей Николаевич (1908–1986)

О своей начальной поре А. почти никогда не писал. А, наверное, стоило бы: оставленный и отцом, и матерью 11-летний отпрыск старинного дворянского рода не получил даже гимназического образования и в тяжкие революционные годы оказался на улице. «Как звереныш, – с его слов рассказывает В. Каверин, – бродил из дома в дом и питался чем попало. Четырнадцати лет он пристал к какой-то бродячей труппе и ездил с ними, помогал кому-то одеваться и переодеваться. У него было детство, которое он проклинал»¹⁸¹.

Спас театр – и навсегда покорившие подростка шиллеровские «Разбойники», случайно увиденные в постановке питерского БДТ¹⁸², и Мариинка, где он статистом впервые вышел на сцену, и Передвижной театр П. Гайдебурова, где А. дали настоящие роли. Уже в двадцать лет, впрочем, он вместе с друзьями организовал Цех экспериментальной драмы, а в двадцать два, взявшись за агитационные обзоры для Театра Пролеткульта, окончательно сменил актерство на ремесло драматурга.

Пьеса «Класс» (1930), хоть и была поставлена ленинградским Красным театром, не принесла автору, по правде говоря, ни славы, ни денег, а вот за конъюнктурный водевиль «Шестеро любимых» о прекраснодушной барышне-трактористке (1934) схватились и 1-й Колхозный театр, и театральные коллективы по всей стране. Что ж, практика – критерий истины, и молодой драматург отлично усвоил, что в эпоху социальной экзальтации, предписанной сверху и подхваченной снизу, для успеха нужна не пресловутая правда жизни, с которой еще намаешься, а сценическая мечта о ней, волшебная сказка или – можно и так сказать – романтическая песня в мизансценах и диалогах.

Так оно у А. и пошло: «Дальняя дорога» (1936) – о строителях метрополитена, «Таня» (1939) – о женщине, что из комнатного уюта вырывается на простор эмансипации по-советски, «Домик на окраине» (1943) – парафраз «Трех сестер» в годы войны, «Бессмертный» (1943) – понятное дело, о героях Великой Отечественной, «Встреча с юностью» (1947) – о мичуринской «чудо-науке», «Европейская хроника» (1952) – о послевоенной борьбе за мир сталинских идеологов и западных «полезных идиотов».

Не исключением стал и кем только не воспетый «Город на заре» – история строительства Комсомольска-на-Амуре, под руководством А. на паях написанная участниками его Московской театральной студии, за три месяца до войны поставленная В. Плучеком и тогда же расхваленная в «Правде» К. Паустовским.

В 1957 году, отстранив и тем самым обидев былых соавторов, А. подготовил новую версию «Города на заре» для Вахтанговского театра, и М. Ульянов, игравший в спектакле, счел нужным напомнить: «Это ведь был не столько рассказ о комсомольцах 30-х годов, сколько песня о них. Имевшая мало общего с тем, как они жили на самом деле, жестоко выброшенные в тайгу».

Всё так, и с не менее знаменитой «Иркутской историей» об одной из великих строек коммунизма (1959) тоже так. Однако не раздражающая своей избыточностью, можно даже сказать уместная в те годы конъюнктурность неразъёмно срослась с драматургическим мастерством А. Да и то надо принять во внимание, что арбузовские спектакли ставили лучшие режиссеры в лучших театрах (А. Лобанов в Театре Революции, М. Кнебель в Ермоловском, Н. Охлопков в Театре имени Маяковского, А. Попов в Театре Советской Армии, Р. и Е. Симоновы в Вахтанговском, Г. Товстоногов в БДТ, годы спустя А. Эфрос в Ленком и Театре на Малой Бронной),

---

¹⁸¹ Сказки... С. 84.

¹⁸² «Этот день, – говорит А., – решил мою судьбу. Я понял вдруг, какую власть может иметь театр над людьми, и в ту же ночь стал мечтать о своем будущем в театре» (Советские писатели: Автобиографии. 1988. С. 47).

а ведущие роли исполняли ведущие актеры и актрисы: одна только М. Бабанова более тысячи раз выходила на сцену в образе арбузовской Тани, а с нею в артистическом блеске соревновались А. Фрейндлих, Т. Самойлова и О. Яковлева, десятки «прим» в других театрах страны.

Удивительно ли, что среди драматургов предоттепельной и оттепельной поры А. воспринимался как безоговорочно первый по профессии, а спектакли по его пьесам, как шутили, не ставились разве лишь на Северном полюсе: одна только «Иркутская история» в сезоне 1960–1961 года была сыграна более 9000 раз. Отличное положение – секретарь правления Московской писательской организации, руководитель столичного объединения драматургов и студии молодых драматургов Москвы. Частые выезды в любую, какую пожелаешь, границу. Полный достаток, и можно себе представить, как барственно он, всегда дорого и щеголевато одетый, смотрелся рядом с подчеркнуто скромным В. Розовым и уж тем более затрапезными А. Володиным и А. Вампиловым.

«Теперь жизнь моя течет ровно и спокойно, – исповедовался А. в одной из автобиографий. – И если бы не сердечные болезни – чего бы еще желать?»¹⁸³ Однако шли годы относительной свободы, и «артиста в силе», начиная с психологической драмы «Годы странствий» (1954), постепенно стали тяготить и погоня за актуальностью, и наигранный оптимизм. Душа влекла... нет, не к критике власти и не к насмешкам над ее идеологией, не к пресловутой – еще раз повторимся – правде жизни. Я. Варшавский вспоминает, как А. даже рассердился на одного из коллег: «Дурак, хочет доказать, что люди – дерьмо. Скажи, какая оригинальная мысль! Ты докажи, что жизнь все равно прекрасна и удивительна, тогда ты – драматург»¹⁸⁴.

Это позиция, и драматургия А. последних десятилетий вызывающе аполитична и вызывающе ориентирована все на ту же сказку, но только с ампутированным социальным нервом. Все происходящее, не задевая политики, происходит теперь исключительно в душах героев и их взаимоотношениях, причем так, чтобы, – говорит С. Алешин, – «мечта сбывалась, зло наказывалось, а добродетель вознаграждалась»¹⁸⁵. В его мире, – подтверждает А. Шапиро, – «обитали трогательные, нежные, чудаковатые люди, занятые поиском себя и душевной гармонии. В счастье печальные, в несчастье просветленные», а вот «подлецов, двурушников, негодяев А. игнорировал, с ними ему было неинтересно»¹⁸⁶.

И поразительно: именно этот «сон золотой», эти полумелодрамы-полупритчи оказались на Западе более востребованными, чем пьесы любых других советских драматургов: шли и на британских, и на американских, и на скандинавских, и на французских, и на австралийских сценах. У нас они – «Мой бедный Марат» (1964), «Ночная исповедь» (1967), «Счастливые дни несчастлив человека» (1968), «Мое загляденье» (1968), «Сказки Старого Арбата» (1970), «В этом милом старом доме» (1972), «Старомодная комедия» (1975), «Жесткие игры» (1978) – тоже, конечно, шли, пользовались успехом у зрителей, и Государственная премия СССР «за пьесы последних лет» (1980) вполне заслужена. Однако, – деликатно замечает Л. Хейфец, – «многие перестали понимать его» и «на сценах наших театров что-то не очень получалось. Арбузов как бы переместился от нас куда-то за океан, за океаны...»¹⁸⁷

Сейчас театры к наследию А. возвращаются все чаще. Есть, видимо, в наше турбулентное, беспокойное время спрос на сны золотые.

Соч.: Театр: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2014; Записные книжки: В 2 т. М.: Зебра Е, 2019.

Лит.: Сказки... Сказки... Сказки Старого Арбата: Загадки и парадоксы Алексея Арбузова. М.: Зебра Е, 2003; Арбузов К. Разговоры с отцом. М.: Зебра Е, 2013.

¹⁸³ Советские писатели: Автобиографии. 1988. С. 53.

¹⁸⁴ Сказки... С. 255.

¹⁸⁵ Там же. С. 87.

¹⁸⁶ Там же. С. 182.

¹⁸⁷ Там же. С. 172.

Ардаматский Василий Иванович (1911–1989)

Весьма плодовитый автор приключенческих романов, посвященных, по преимуществу, борьбе советских спецслужб с западными, А. в историю вошел не романами, а коротким фельетоном «Пиня из Жмеринки», напечатанным в журнале «Крокодил» 20 марта 1953 года, то есть спустя две недели после смерти тирана.

Сюжет для фельетона был вроде выбран вполне локальный: скромный, но предприимчивый потребкооператор Пиня Палтинович Мирочник при попустительстве прокурора тов. Лановенчика рассадил в этом маленьком украинском городке всех своих бесчисленных родичей и свойственников (Давида, Исаака, Рахиль, Шаю, Розу, Зяму, Буню, Шуню, Муню, Беню и т. д.) по хлебным должностям, и все они благоденствуют, занимаясь разного рода гешефтмахерством.

Ни безродные космополиты, ни врачи-отравители в фельетоне не упоминались, и даже слов «еврей» или «сионист» на страницах «Крокодила» не возникало. Однако соответствующие имена и фамилии подавались с такой подзуживающей концентрированностью, а весь ход и смысл повествования с такой точностью соответствовал распространенным представлениям о еврейском засилье и еврейской нечистоплотности, что публикация тут же была истолкована как антисемитская, подталкивающая власть к погромам и депортации, о которых и без того ходили упорные слухи.

Но пройдут еще две недели, и 4 апреля оставшиеся в живых врачи-отравители будут выпущены на свободу, а массовой антисемитской кампании дадут укорот¹⁸⁸. «„Ночью я несколько раз просыпалась от счастья“, – сказала Анна Андреевна, когда разговор зашел об освобождении врачей», – 19 апреля записано в дневник Лидии Чуковской¹⁸⁹. Что же касается А., то этот, – по словам Г. Свирского, – «веселый демагог, анекдотчик, любитель пропустить рюмку-другую в своем писательском кругу»¹⁹⁰, – так в литературной среде и останется под прозвищем Пини – уже до конца дней. Вспоминают, например, как уже в 1960-е годы при очередных выборах в правление Московской писательской организации Е. Евтушенко заявил: «Я не понимаю, у кого могла подняться рука выставить Василия Ардаматского. Меня не устраивает его общественное лицо. Человек этот написал антисемитскую вещь – „Пиня из Жмеринки“»¹⁹¹.

В результате кандидатуру А. сняли без обсуждения. И больше на выборные позиции его не выдвигали, и наградами (не считая ордена Отечественной войны 2-й степени, полученного к 20-летию Победы) почти всегда обносили, и серьезные критики о нем не писали. Но похоже, что А. это не смущало.

Уже в предвоенные годы он был допущен к секретной информации о деятельности западных разведок, «видел, – по его собственным словам, – пойманных шпионов и диверсантов, имел даже возможность присутствовать на их допросах и говорить с ними». Материалы, напрямую полученные от компетентных органов, как раз и легли в дальнейшем в основу самых заметных произведений А. – от написанных в 1960-е годы романов про борьбу советских разведчиков с абвером и провал миссии Савинкова до позднего уже романа «Туристская поездка в Англию» (1985), рассказывавшего о горестной судьбе людей, остающихся на Западе во время зарубежных поездок.

---

¹⁸⁸ «Запоздалый „Пиня“ прозвучал, как залп на погосте», – свидетельствует Г. Свирский.

¹⁸⁹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 58.

¹⁹⁰ Свирский Г. На Лобном месте. С. 415.

¹⁹¹ Медников А. Без ретуши // Кольцо А. 2008. 10 января.

Литературная критика все эти книги, повторимся, не замечала. Зато массовая публика, знать ничего не знающая ни о репутации А., ни об источниках его информированности, приняла на ура и их, и, в особенности, снятые по сюжетам А. кино- и телефильмы «Путь в Сатурн» и «Конец Сатурна» (оба в 1967), «Крах» (1968), «Я – 11–17» (1970), «Бой после победы» (1972), «Совесть» (1974), «Синдикат–2» (1980), иные всякие. И заказчики, если под заказчиками понимать компетентные органы, тоже были довольны – писателя наградили премией КГБ СССР и золотой медалью имени Николая Кузнецова, а фильм «Синдикат–2», был отмечен Государственной премией РСФСР имени братьев Васильевых.

Эти фильмы и сейчас смотрят, а книги, судя по переизданиям, читают. Хотя есть, конечно, и те, кто приключенческим жанром на патриотической подкладке не воодушевлен и если об А. вспоминает, то исключительно как о пресловутом Пине.

Соч.: «Я – 11–17...: Ленинградская зима. М.: Вече, 2007; Ответная операция. М.: Вече, 2007; «Грант» вызывает Москву. М.: Вече, 2008; Путь в «Сатурн». М.: Вече, 2013; Возмездие. М.: Вече, 2013; Конец «Сатурна». М.: Вече, 2015.

Аронзон Леонид Львович (1939–1970)

Упоминания в печати он при жизни удостоился лишь один раз – в фельетоне «Окололитературный трутень», посвященном И. Бродскому и его стихам, мельком сказано, что «некий Леонид Аронзон перепечатывает их на своей пишущей машинке» (Вечерний Ленинград, 29 ноября 1963 года). И собственное стихотворение А. удалось опубликовать только одно – почему-то в газете «Комсомолец Узбекистана» (1962).

А между тем, – вспоминает В. Кривулин, – уже в 1960-е годы «его считали, бесспорно, гениальным, его боялись, перед ним преклонялись»¹⁹². Где считали, где преклонялись? В одной из предельно узких – всего несколько человек – компаний, на которые была тогда в Питере разбита неофициальная литературная среда. При жизни, – подтверждает О. Юрьев, –

Аронзон был центром своего рода небольшой «секты» (не в прямом смысле, ни в коем случае! но иногда было очень похоже на своего рода хлыстовский корабль с Ритой – «богородицей»¹⁹³ и Аронзоном – верховным жрецом), вход в его круг был достаточно ограничен (по многим причинам и многими способами). Для людей извне это все выглядело закрыто, театрализовано и часто не очень серьезно¹⁹⁴.

Незачем обсуждать, отчего слава И. Бродского почти сразу же вышла за пределы «секты» его поклонников, тогда как А. публичного, хоть бы даже и скандального, успеха так и не увидел. Жил как живет: закончил заочно филфак Герценовского пединститута, какое-то время преподавал в вечерней школе, на каникулах подрабатывал в геологоразведочных экспедициях и пляжным фотографом в Крыму, пока сценарии научно-популярных фильмов не стали в последние годы для него достаточно надежным способом заработка. Что еще надо знать о биографии А.? Что он, переболев еще в 1960 году остеомиелитом ноги, остался инвалидом, что был подвержен тяжелым депрессиям. И – это главное, конечно, – что писал стихи.

В твердой уверенности, как это сказано в одной из его записных книжек: «Все, что пишу, – под диктовку Бога. Придется записывать за Богом, раз это не делают другие»¹⁹⁵. И со все более и более ясным осознанием того, что его стихи не получают отклика – ни у статусных поэтов его времени¹⁹⁶, ни в самиздатском распространении, ни у возможных публикаторов. «Помню», – рассказывает В. Эрль, –

еще в 65 году он мне сказал: «Володя, ведь понятно, что нам впереди ничего не светит. Пока все это делается (имея в виду советскую систему), нам все равно не удастся ни напечататься, ни жить по-человечески. Давай напишем

---

¹⁹² Кривулин В. Охота на Мамонта. СПб.: Блиц, 1998. С. 153.

¹⁹³ Рита Моисеевна Пуришинская (1935–1983) – жена А. с 26 ноября 1958 года.

¹⁹⁴ Критическая масса. 2006. № 4.

¹⁹⁵ Кузьминский К. Письма о русской поэзии и живописи // <https://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/aronzon.htm>.

¹⁹⁶ Отношение А. к статусным поэтам вполне проявляет история, рассказанная В. Ширали: «Однажды у нас случилась общая поездка в Москву жесткой зимой того же 67-го года. У него была такая идея – подойти к двери Вознесенского и пописать. Я этого, право, не хотел. Андрея я любил уже тогда. И вот пошли мы к дому Вознесенского, к высотному дому на Котельнической набережной, где жили тогда многие московские знаменитости. Мы шли морозной Москвой, как доехать – не знали. И по пути, проходя Красную площадь, Леня сказал: «Зайдем в ГУМ, купим кофе, пожжем и согреемся». И мы зашли в ГУМ, купили килограмм «арабики» в зернах, и на долгом пути сжевали этот кофе. Мы поднялись на 9-й этаж. Аронзон пописал у двери Вознесенского, потом спустились этажом ниже, и он пописал у двери Твардовского. А потом с ним случился сердечный приступ, а со мной – почечный. И нас развезли по разным больницам» (Ширали В. Всякая жизнь. СПб., 1999. Цит. по: <https://benev.livejournal.com/136814.html>).

коллективное письмо: пускай нас расстреляют к чертовой матери. Все равно мы будем внутренними врагами до конца своих дней»¹⁹⁷.

Его не расстреляли. Его – и может ли что-то быть ужаснее для поэтов такого самомнения¹⁹⁸ и такого склада? – просто не замечали. Вплоть до ночи на 13 октября 1970 года, когда А. в горах под Ташкентом выстрелил себе в живот из охотничьего ружья. Было ли это самоубийством, как решили вдова поэта и его близкие («О суициде, – вспоминает В. Эрль, – он говорил всегда, с первого момента нашего знакомства»)¹⁹⁹, или несчастным случаем, учитывая, что А. в этот момент был пьян, теперь уже не узнать. Да это и не так важно.

Гораздо важнее, что и Р. Пуришинская, и те еще в ту пору немногие, кто искренне считал А. великим поэтом или, как минимум, «одним из ведущих отечественных поэтов второй половины XX века»²⁰⁰, сохранили и привели в порядок его архив – не сомневаясь, что этим стихам, этим записям настанет свой черед.

И он настал. 18 октября 1975 года, выступая на вечере памяти А. в Ленинградском политехническом институте, В. Кривулин заявил: «... Мне кажется, что то, что писал Аронзон, гораздо продуктивнее, гораздо ближе развитию будущей поэзии, нежели, допустим, то, что делал Бродский»²⁰¹. В 1979 году Е. Шварц составила сборник стихов А., который был издан приложением к самиздатскому журналу «Часы», а позднее с дополнениями и исправлениями перепечатан в Иерусалиме (1985) и Санкт-Петербурге (1994). Пошли и другие – все еще малотиражные, но знатоками уже замеченные – книги; стихи А. стали читать с эстрады и театральных подмостков, издавать в переводах на английский, немецкий, иные европейские языки; пока наконец, – говорит О. Юрьев, – «выходом лимбаховского двухтомника» не завершился «тридцатипятилетний процесс „подземной“, „незримой“ канонизации Леонида Аронзона»²⁰².

Так усилиями все разраставшегося числа энтузиастов была восстановлена литературная справедливость. Место А. в истории русской поэзии теперь никем не ставится под сомнение, и можно лишь сожалеть о том, что его по-прежнему то сопоставляют, то чаще всего полемически противопоставляют И. Бродскому. «Леонид Аронзон – соперник Бродского» (В. Кривулин)²⁰³, «Бродский – смолodu его соперник или, вернее, стилистический оппонент» (В. Шубинский)²⁰⁴, «... Я поняла, что Лёня <Аронзон> для меня поэт, а Бродский не очень... на мой взгляд – на мой тогдашний взгляд, – Бродский писал стихи, но поэтом не был... Поэтом был для меня Лёня...» (И. Орлова).²⁰⁵

То, что простительно восторженным почитателям и почитательницам, вряд ли простительно критикам и историкам литературы. Уже хотя бы потому, что И. Бродский этого соперничества, кажется, не заметил. Лишь, отвечая еще в конце 1963 года на фельетон в ленинградской «Вечерке», упомянул, что «Леонид Аронзон – больной человек, из двенадцати месяцев

¹⁹⁷ Об Аронзоне: Заметки Олега Юрьева // Критическая масса. 2006. № 4.

¹⁹⁸ «Чтобы он тебя полюбил, надо было сказать: „Лёня, ты гений“, – вспоминает И. Орлова. – «... А Рита <Пуришинская> говорила очень скромно: в русской поэзии есть Пушкин и Аронзон» («Каждый легок и мал, кто вошел на вершину холма»: К биографии Леонида Аронзона: Воспоминания Ирэн Орловой и Виталия Аронзона // Colta. 2014. 27 мая. <https://www.colta.ru/articles/literature/3348-kazhdyy-legok-i-mal-kto-vzoshel-na-vershinu-holma>).

¹⁹⁹ Из воспоминаний об Аронзоне Владимира Эрля // Критическая масса. 2006. № 4.

²⁰⁰ Рич Е. Забытый друг Бродского // Jewish.ru. 2017. 13 ноября. <https://jewish.ru/stories/literature/184360/>.

²⁰¹ Кривулин В. «Этот поэт непременно войдет в историю...» // Критическая масса. 2006. № 4.

²⁰² Об Аронзоне: Заметки Олега Юрьева // Критическая масса. 2006. № 4.

²⁰³ Кривулин В. Охота на Мамонта. С. 152.

²⁰⁴ Шубинский В. Образ бабочки // Вечерний Ленинград. 1995. 12 октября.

²⁰⁵ «Каждый легок и мал, кто вошел на вершину холма»: К биографии Леонида Аронзона: Воспоминания Ирэн Орловой и Виталия Аронзона // Colta. 2014. 27 мая. <https://www.colta.ru/articles/literature/3348-kazhdyy-legok-i-mal-kto-vzoshel-na-vershinu-holma>.

в году более восьми проводящий в больнице»²⁰⁶, и этим ограничился; больше фамилия А. ни разу не возникает ни в эссеистике И. Бродского, ни в его интервью, ни в письмах.

А главное – тцета это все: заставлять истинных поэтов меряться величию. Лучше признать, что без каждого из них русская поэзия будет неполной.

Соч.: Собр. произведений: В 2 т. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006, 2018.

Лит.: Новая классика: Леонид Аронзон (*Давыдов Д., Аронзон В., Кривулин В., Эрль В., Юрьев О.*) // Критическая масса. 2006. № 4; Леонид Аронзон: Возвращение в рай // Wiener Slawistischer Almanach. Т. 62. Мюнхен, 2008.

---

²⁰⁶ Цит. по: Гордиш Я. Рыцарь и смерть. С. 69.

Асадов Эдуард Аркадьевич (1923–2004)

В толстых литературных журналах стихи А. не печатались, литературными премиями отмечены не были, и критики – если, разумеется, говорить о серьезных критиках – о нем не писали. Тем не менее это имя и сейчас известно всем, кто читает на русском языке.

Известна и биография: уйдя в 1941-м на фронт через неделю после школьного выпускного вечера, в ночь с 3 на 4 мая 1944 года гвардии лейтенант А. в боях за Севастополь получил тяжелейшее ранение осколком в лицо. Последовало продолжительное лечение в госпиталях, но зрение спасти не удалось, так что с того времени и до конца дней А. вынужден был носить черную полумаску.

И еще из госпиталя, – как он сам вспоминает, – отправил письмо со своими стихами К. Чуковскому, а в ответном письме, – цитируем А., –

от посланных стихов остались, пожалуй, только фамилия Асадова и даты. Все же остальное было разбито, разгрохано и превращено в пыль и прах. И сил на это было потрачено немало, так как почти каждая строчка была снабжена пространными комментариями. Самым же неожиданным был вывод: «...Однако, несмотря на все сказанное выше, с полной ответственностью могу сказать, что Вы – истинный поэт. Ибо у Вас есть то поэтическое дыхание, которое присуще только поэту! Желаю успехов. К. Чуковский»²⁰⁷.

Воодушевленный А. в 1946 году поступил в Литературный институт, который с отличием окончил в 1951-м. Дебютная публикация датирована 1948-м, когда в «Комсомольской правде» были напечатаны отрывки из поэмы «Снова в строй», а первая книга «Светлая дорога» появилась в 1951 году. И хотя после нее А. приняли в Союз писателей, событием в литературе она не стала. Редкие рецензенты в своих отзывах напирали скорее на героическую биографию поэта, чем на достоинства его произведений. Однако новые сборники шли все гуще и гуще: «Снежный вечер» (1956), «Солдаты вернулись с войны» (1957), «Галина» (1960), «Во имя большой любви» (1962), «Лирические страницы» (1962), «Я люблю навсегда» (1965), «Будьте счастливы, мечтатели» (1966), «Остров романтики» (1969)...

И самое, может быть, главное – А. стал концерттировать. В Ленинград, – сошлемся на его рассказ, –

я впервые приехал выступать со стихами в 50-х годах. Я читал стихи в большом зале Академической капеллы, слушателей было так много, что в гардеробе не хватало мест: люди просто швыряли шубы и манто на пол и мчались в зал. Почти то же самое случилось и во Дворце культуры имени Дзержинского, где зал аж на 1000 мест²⁰⁸.

Это, конечно, время поэтического бума; «удивительно мощное эхо. Очевидно, такая эпоха!» – как сказал Л. Мартынов. Но бум кончился вместе с Оттепелью, а книг А., по-прежнему выходивших многотысячными тиражами, и в 1970–1980-е годы было не достать в магазинах. Их переписывали в школьные тетради, в дембельские альбомы, заучивали наизусть, и это приводило в изумленное негодование всех ценителей истинной поэзии. Пародисты ядовито вышучивали А., поэты как статусные, так и андеграундные в свою среду его не принимали, а критики, обычно между делом, говорили о злокозненной «асадовщине», называя его стихи «рифмованными прописями», «суррогатом», «лубком», а то и вовсе «китчем», пригодным будто бы лишь для совсем неискушенных читателей.

---

²⁰⁷ Любовь и война Эдуарда Асадова: Беседу вела Н. Горлова // Литературная газета. 2003. № 37. 10–16 сентября.

²⁰⁸ Там же.

А., не принимавший никакого участия в жизни Союза писателей и никогда не откликавшийся на какие бы то ни было актуальные события в жизни страны, об этом отношении к себе знал, конечно, лишь изредка задевая пространными эпиграммами Е. Евтушенко или своего постоянного обидчика – пародиста А. Иванова. Но в споры не вступал – может быть, потому что на его стороне были его неисчислимые поклонники; во всяком случае, при опросе, проведенном «Комсомольской правдой» в конце 1970-х годов, 68 % ответивших своим любимым поэтом назвали именно А.

Воля ваша, но если это не слава, то что же? И удивительно ли, что, едва оправившись от постперестроечного шока, коммерческие издатели, чуткие к спросу, вновь принялись немалыми тиражами одна за другой, и во все более нарядных, красочных переплетах, выпускать книги А.? И награды пошли косяком тоже – к боевым орденам и медалям, к двум орденам «Знак Почета», полученным в советскую эпоху, прибавились ордена Дружбы народов (1993), Почета (1998), «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, а Сажи Умалатова от имени постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР в 1998 году так и вовсе удостоила А. званием Героя Советского Союза.

Но дело не в наградах, конечно. Дело в удивительной стойкости асадовской популярности, до сих пор не проигрывающей сопоставление и с популярностью эстрадных поэтов-шестидесятников, и с популярностью нынешних сетевых триумфаторов и триумфаторш.

«То, что стихи Асадова не выдерживают никакой критики с точки зрения литературных критериев, – вещь настолько очевидная, что доказывать ее смешно. Это не поэзия или, верней, другая поэзия. <...> Но ценности, утверждаемые им, – ценности нормальные, хорошие...» – заметил Д. Быков²⁰⁹. Да и Е. Евтушенко, даже не упомянувший этого имени в антологии «Строфы века» (1995), куда были включены стихи 875 авторов, в своем новом собрании «Десять веков русской поэзии» оказался более великодушным. И, может быть, к его мнению стоит прислушаться:

В чем был секрет его успеха? Он писал простым, доходчивым языком, без формальных изощренностей, без перегруженности культурными ассоциациями. Его стихи, при всей их дидактической лубочности, задевали чувства простодушных читателей. <...> В самых банальных житейских ситуациях, которые, казалось бы, не заслуживали внимания искусства, Асадов отыскивал самые болевые точки и участливо отзывался на эту боль. Кто-то высокомерно назвал Асадова поэтом «пэтэушников и лимиты», но разве это не люди? И для них его стихи были неожиданно найденной спасительной теплотой, подсказкой, как преодолеть одиночество, как сделать карьеру, но и совесть сохранить, кому можно верить в любви, а кому нет. <...> Кстати, до сих пор его книги раскупаются, и не только в России. Я видел их на прилавке в Берлине рядом с рестораном «Пастернак». Значит, они кому-то по-прежнему помогают жить.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. М.: Граница, 2003; Полное собрание стихотворений в одном томе. М.: Эксмо, 2007; Лирика. М.: Эксмо, 2018.

Лит.: Быков Д. Шестидесятники: Лит. портреты. М.: Молодая гвардия, 2019.

²⁰⁹ Быков Д. Баллада об Асадове // Быков Д. Блуд труда: Эссе. СПб.: Лимбус Пресс, 2007. С. 75.

Асеев Николай Николаевич (1889–1963)

Когда Сталин объявил Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи», А. назначили его наследником. И неудивительно, ведь сам трибун революции сказал, что «этот может. Хватка у него моя», да и Бухарин в докладе на I съезде писателей назвал А. «наиболее ортодоксальным „маяковцем“».

Бухаринская похвала могла бы, конечно, стоить А. головы, но ему ее простили, и, – говорит Б. Слуцкий, в предвоенные годы А. «даже временно исполнял что-то вроде должности первого поэта земли русской – в промежутке между Маяковским и Твардовским»²¹⁰. Книги шли исправно и при полной поддержке критики, поэта ввели в правление ССП и редколлегия «Литературной газеты», избрали депутатом Моссовета, в январе 1939 года одним из первых наградили орденом Ленина, а стихотворную повесть «Маяковский начинается» издали тиражом в 300 тысяч экземпляров и одарили Сталинской премией 1-й степени (1941). Да и то, что на второй день войны в «Правде» появилось стихотворение «Победа будет за нами», заказанное именно А., говорит о многом.

Впрочем, как раз в годы войны, когда А. эвакуировался в Чистополь, его положение впервые пошатнулось. И речь пока не о том, что его человеческая репутация была непоправимо омрачена бездушием, с каким А., руководивший там Литфондом, отнесся к судьбе М. Цветаевой. Речь о том, что власть перестали устраивать стихи, которые он писал буквально километрами, – стихи, как и положено, патетические, но оторванные от фронтовой реальности. От вызовов в Москву, «ближе к фронту, ближе к жизни» А. уклонился, и тогда его обвинили в том, что он «отсиживается» в Чистополе. «Вы не видали ни одной жертвы немецких зверств, ни сожженных деревень и городов, ни замученных немцами людей. Откуда возьмете Вы силу для настоящего чувства „отмщения“, не надуманного, а непосредственного, острого, сжигающего?» – сказано в письме из «Правды» от 5 января 1942 года²¹¹. Что же до стихов о тыле, то их называли «клеветническими», «политически вредными и антинародными», а книгу «Годы грома» в печать не допустили.

А. поначалу неистовствовал, жаловался Молотову и другим вождям, даже обратился к Сталину с «Личным письмом» в стихах: «Я к Вам вновь пишу, товарищ Сталин, / Робость постаравшись одолеть. / Я хочу, чтоб Вы без желчи стали / На мою фамилию смотреть»²¹².

Сталин на такое льстивое амикошонство, разумеется, не ответил, так что многие стихи из сборника «Годы грома» будут отлеживаться в столе до 1962 года²¹³, но так либо иначе дела А. постепенно начали выправляться. К концу войны его вновь стали печатать в газетах и журналах, в 1946 году выпустили книгу «Пламя Победы», хотя... Хотя от роли первого друга Маяковского и вообще от первых ролей в поэзии неумолимо отодвинули.

Тут все сошлось. И то, что послевоенные стихи А., правду сказать, не очень выразительны. И то, что, ритуально превознося Маяковского, власть сменила тогда интернационалистскую прогрессистскую риторику на культ патриотизма и исторического предания, поддерживая уже не новаторскую, а традиционную поэзию – в относительно широком диапазоне от Твардовского и Исаковского до свежееиспеченных сталинских лауреатов А. Недогонова, Н. Грибачева, А. Яшина. И если С. Кирсанов, еще один наследник агитатора, горлана, главаря, ужасно волновался, что «власть стала всячески поощрять современных певцов деревни»²¹⁴, и в

²¹⁰ Слуцкий Б. О других и о себе. С. 196.

²¹¹ Неизвестный Асеев // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 144.

²¹² Там же. С. 146–147.

²¹³ Асеев Н. Самые мои стихи. М., 1962.

²¹⁴ Цит. по: Огрызко В. Лицедейство, страх и некомпетентность. С. 538.

письмах звал своего старшего друга «Колядку» к сопротивлению, к дерзким стихам и поступкам, то А...

А., похоже, с происшедшим смирился. Он не был трусом, но был, как сухомерно заметил Б. Слуцкий, «опаслив»²¹⁵. Или как о том же, но по-другому сказал Е. Евтушенко, «талант есть, а характера нет»²¹⁶.

Порывы, конечно, и у него были. Рассказывал, например, Ст. Рассадина, что

вот, мол, хочу написать поэму о Сталине (на еще не совсем сошедшей волне XX съезда) – и звонил в ЦК, партчиновнику Черноуцану, слывшему среди литераторов либералом. Просил его растолковать, что и как; тот, однако, отговорился: Николай Николаевич, как я могу вам, поэту, советовать?.. – Не может... Не хочет! Хорошо Твардовскому, он с Хрущевым каждый день чай пьет. А мне кто объяснит?²¹⁷

В 1950–1960-е годы А., действительно постоянно болевший, жил будто в затворе. В линчевании Б. Пастернака, как и в других позорных акциях, участия не принял, но и на смерть друга своей молодости никак не откликнулся. Он, – вспоминает Ф. Левин, –

уже почти никуда не выходит, не выезжает. Только весной его перевозят на дачу и поздней осенью обратно в городскую квартиру. Все его связи с жизнью осуществляются по телефону, который стоит на маленьком столике у дивана, через посещения друзей и молодых поэтов, которые приходят читать ему стихи, через газеты, журналы и книги²¹⁸.

Так вот, о молодых, поддержка которых так украсила и жизнь А., и его посмертную репутацию. Надо, впрочем, сказать, что его эстетические (или иные?) предпочтения были шире, чем обычно принято думать: положительной рецензией откликнулся на «Вишневый омут» М. Алексеева, в 1959 году дал напутствие стихам А. Передреева, высоко ценил С. Васильева, Н. Анциферова и И. Баукова, расхвалил главы из поэмы Е. Исаева «Суд памяти». Это забыто, а вот то, что именно А. еще в 1937 году благословил первую публикацию К. Некрасовой в журнале «Октябрь», помнится. Как помнится и то многое, что сделал он для движения и защиты авангардных по тому счету стихов Б. Слуцкого, А. Вознесенского, Ю. Мориц, Б. Ахмадулиной, В. Сосноры, а его статья «Как быть с Вознесенским?» (Литературная газета, 4 августа 1962) и вовсе прозвучала манифестом во славу новой революции в поэзии, ибо, – писал А., – «культура Маяковского сильнее в своих продолжателях, чем у подражателей любого течения русского стиха».

«Мне кажется, – связвила А. Ахматова, которая А. в общем-то терпеть не могла, – что он сколачивает второй ЛЕФ...»²¹⁹ Второго ЛЕФа не получилось – по причинам, от А. никак не зависевшим. Однако, – процитируем В. Соснору, – то, что «старые львы оживились и бросились пестовать юных лвят»²²⁰, дорогого стоит.

Последний год жизни А. был омрачен обидой. Книгу его финальных стихов «Лад» (1961) встретили шквалом восторженных рецензий, выдвинули в 1962-м на Ленинскую премию, столь желаемую старым поэтом, но искомой награды она не получила, уступив стихотворным сборникам П. Бровки и Э. Межелайтиса.

²¹⁵ Слуцкий Б. О других и о себе. С. 196.

²¹⁶ Евтушенко Е. Поэт в России – больше, чем поэт. Т. 4. С. 26.

²¹⁷ Рассадина С. Книга прощаний. С. 35.

²¹⁸ Левин Ф. В гостях у Асеева // Воспоминания о Николае Асееве. М.: Сов. писатель, 1980. С. 138.

²¹⁹ Глэкин Г. Что мне дано было... С. 190.

²²⁰ Письма Николая Асеева к Виктору Сосноре / Вступ. заметка и публ. В. Сосноры // Звезда. 1998. № 7.

По словам Б. Слуцкого, дружившего со старшим поэтом, «Асеев эту не премию, о которой раззвонили во всех газетах, так и не простил – ни Комитету, ни всему человечеству»²²¹. И поэт «среднего роста»²²², – как сказал о нем Е. Евтушенко, – ушел из жизни, много что по себе оставив – и три собрания сочинений, и содержательные книги о русской поэзии, и улицы в Москве, Курске и Льгове, и музей, и памятник, и библиотеки, названные его именем.

И память о стихах 1920-х годов, многие из которых действительно чудесны.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1964; Я не могу без тебя жить. М.: Эксмо, 2011; Заржавленная лира: Стихотворения, поэмы. М.: Комсомольская правда; НексМедиа, 2013.

Лит.: *Шайтанов И.* В содружестве светил: Николай Асеев. М.: Сов. писатель, 1985.

---

²²¹ *Слуцкий Б.* О других и о себе. С. 198.

²²² *Евтушенко Е.* Поэт в России – больше, чем поэт. Т. 4. С. 26.

Астафьев Виктор Петрович (1924–2001)

Биография А., какой она увиделась самому Виктору Петровичу в зрелости, могла бы стать основой для романа о травме. Или о травмах: мать еще в 1931 году утонула в Енисее, непутевый отец вскоре как враг народа был отправлен строить Беломор-канал, а по возвращении в 1934-м увез семью из родной Овсянки в заполярную Игарку, где будущий писатель узнал, почем фунт лиха, беспризорничал и спасся лишь в детдоме, закончил шесть классов и железнодорожную школу ФЗО, успел поработать составителем поездов...

Конечно, детская память великодушна, и в позднейших книгах А., прежде всего в цикле «Последний поклон», драматические сцены чередуются с дивными картинами природы, любовно написанными образами бабушки, родни и односельчан. Однако дальше война. «Маленький, совсем малограмотный, – вспоминает А. в одном из писем, –

я уже сочинял стихи и разного рода истории, за что в ФЗО и на войне меня любили и даже с плацдарма вытащили, но там, на плацдарме, осталась половина моя – моей памяти, один глаз, половина веры, половина бездумности, и весь полностью остался мальчик, который долго во мне удобно жил, веселый, глазастый и неунывающий...²²³

И годы после демобилизации по инвалидности тоже рисуются травматичными: полунцигана, случайные заработки – А. то грузчик, то плотник, то мойщик туш на колбасном заводе – и страстное желание вырваться, пробиться, доказать себе, что он достоин лучшей участи. Так начинается путь к прозе, и начинается, если со стороны смотреть, не так уж плохо: первая, еще газетная публикация в 1951-м, первый сборник рассказов «До будущей весны» в 1953-м, за ним книги для детей (1955, 1956, 1957, 1958), первый роман «Тают снега» (1958), вступление в Союз писателей (1958), учеба на Высших литературных курсах в Москве (1959–1961).

Но это если со стороны смотреть, а давалось-то все в муках мученических, так что в душе крепнет лютая обида и на равнодушную власть, и на горожан, особенно на москвичей и совсем по-особому на евреев, которым все будто бы дается влегкую, что называется, с полпинка. Даром, что ли, уже и попав в очередной Дом творчества писателей, он первым делом отмечает, что его поселили подле сортира, а лучшие комнаты достались, с позволения сказать, скетчистам с подозрительно звучащими фамилиями.

Подчеркнем сразу же, что последовательным антисемитом А. никак не был и даже в горячке внутрилитературной борьбы говорил, что писателей делит «только на хороших и плохих, а не на евреев и русских. Еврей Казакевич мне куда как ближе, нежели ублюдок литературный Бабаевский, хотя он и русский»²²⁴. Однако, когда А. чувствовал себя задетым и обида застила очи, он мог сорваться, и знаменитое ответное письмо Н. Эйдельману 1986 года – из таких срывов.

Дело в случае А. не в национальных предрассудках, дело, – повторимся, – в органичной для выходца из низов неприязни ко всем баловням фортуны: либо шибко образованным и много о себе понимающим – как Гога из «Царь-рыбы» (Наш современник. 1976. № 4–6) или еврейчата-лермонтоведы из «Печального детектива» (Октябрь. 1986. № 1), либо хитроумно корыстным – как грузины в не менее знаменитом рассказе «Ловля пескарей в Грузии» (Наш современник. 1986. № 5). Сила писателя, впрочем, не в полемических выпадах, всегда шаржированно грубых, а в соболезнующей любви к жертвам прогресса и социальных катаклизмов, к невезучим и обиженным Богом, к так называемым «простым» мужикам

²²³ Астафьев В. – Курбатов В. Крест бесконечный. С. 20.

²²⁴ Астафьев В. – Макаров А. Твердь и посох. С. 178.

и бабам, и не надо удивляться, что этот строй мысли во второй половине века оказался сердечно близок прежде всего интеллигентным читателям, испытывавшим традиционную для России вину перед народом-богоносцем.

И вот почему А. так потянулся душой к народолюбивому критику А. Макарову, даже – случай в русской литературе беспрецедентный – написал об их дружбе документальный роман «Зрячий посох» (Москва. 1988. № 1). И вот почему так хотел печататься у А. Твардовского в «Новом мире», но, увы, «замордованный журнал не смог опубликовать»²²⁵, – как свидетельствует писатель, – ни «Кражу» (Сибирские огни. 1966. № 8–9), ни «Пастуха и пастушку» (Наш современник. 1971. № 8), и прорваться удалось лишь лучшему, наверное, у А. рассказу «Ясным ли днем» (1967. № 7).

Жизнь шла – в Чусовой и в Перми, в Москве и в Вологде (1969–1980), в Красноярске и в Овсянке. Шли книги, и каждая новая из них встречала все больший отклик, порождала читательские споры и дискуссии в печати. По мотивам произведений А. снимаются фильмы (1978, 1982, 1984, 1987), пишутся оперы (1975, 1985), симфонии (1984) и балеты (1999), ставятся пьесы и инсценировки прозы (1976, 1987). С годами приходит и официальное признание – к фронтовым «Красной Звезде» и медали «За отвагу» прибавляются ордена Трудового Красного Знамени (1971, 1974, 1984), Дружбы народов (1981), Государственные премии РСФСР (1975) и СССР (1978, 1991), звание Героя Социалистического Труда (1989).

Все, словом, у беспризорника из Игарки в конечном счете удалось. Можно, казалось бы, успокоиться, но не та у Виктора Петровича натура. Впрямую советской власти он не прекословит, но и не сближается с нею. Ведет себя демонстративно независимо, с единомышленниками-деревенщиками то сходится, то рвет напрочь с Ф. Абрамовым, В. Беловым, Б. Можаявым, даже, хотя и отделяя его от прочих, с В. Распутиным²²⁶. И в его новых книгах все то же неприятие городской цивилизации, все та же боль за униженных и оскорбленных, к которым он – даже в пору своего максимального благополучия и максимальной славы – причисляет себя не колеблясь.

С годами А. мрачнеет все больше, становится чуть ли не мизантропом. Если раньше русский народ он едва не боготворил, то теперь...

Я очень люблю свою Родину, Россию, но не в нынешнем ее облике – в гражданской глухоте и полураспаде, наверное, я уже и не люблю, больше жалею как старую, неизлечимо больную, немощную мать...²²⁷

И дальше, и еще много раз: народа

уже нет, а есть сообщество полудиких людей, щипачей, лжецов, богоотступников, предавших не только Господа, но и брата своего, родителей своих, детей предавших, землю и волю свою за дешевые посулы продавших.
<...> А народ нам не спасти уже, хоть бы мы все вернулись, куда велено²²⁸.

Об А. – народном депутате СССР и любимце Ельцина, усыпанном всеми почестями новой власти, авторе романа «Прокляты и убиты» (1992–1993), повестей «Обертон» (Новый мир. 1996. № 8) и «Веселый солдат» (Знамя. 1998. № 5) – надо рассказывать отдельно. Мы же ограничимся упоминанием о том, что премия А. Солженицына была посмертно присуждена А. как «писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изувеченных судьбах природы и человека».

²²⁵ Астафьев В. Зрячий посох. С. 165.

²²⁶ «Да и к Валентину Григорьевичу я уже отношусь настороженно, какое-то здоровое сомнение он во мне породил и в меня вселил» (Астафьев В. – Курбатов В. Крест бесконечный. С. 251). Письмо от 3 января 1992 года.

²²⁷ Там же. С. 229.

²²⁸ Там же. С. 250–251.

И скажем, что уже после его смерти вдова среди бумаг на рабочем столе нашла собственноручную астафьевскую эпитафию с пометой «прочесть после моей смерти». Там всего три фразы:

Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно.

Ухожу из мира чужого, злобного, порочного.

Мне нечего сказать Вам на прощанье²²⁹.

Соч.: Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998; Прокляты и убиты. М., 2002, 2015, 2018; *Астафьев В. – Курбатов В.* Крест бесконечный: Письма из глубины России. Иркутск, 2002; *Астафьев В. – Макаров А.* Твердь и посох: Переписка 1962–1967 гг. Иркутск, 2005; *Астафьев В.* Нет мне ответа...: Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск, 2009.

Лит.: *Яновский Н.* Виктор Астафьев: Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1982; *Курбатов В.* Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева. Красноярск, 1983; *Лейдерман Н.* Творческий облик Виктора Астафьева. Екатеринбург, 2001; Астафьевские чтения. Вып. 1–3. Пермь, 2003–2005; *Солженицын А.* Виктор Астафьев <Из «Литературной коллекции»> // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. <Вып.> 1. С. 25–46.

---

²²⁹ *Астафьев В. – Курбатов В.* Крест бесконечный. С. 395.

Атаров Николай Сергеевич (1907–1978)

После А. читателям остался, собственно, всего однотомник. То есть писал-то он, безусловно, много, но по преимуществу газетную прозу: статьи, очерки, репортажи, рецензии, заметки – все то, что быстро привлекает внимание, но так же быстро устаревает.

И лучшую часть жизни пробыл журналистом: с 1930-го в горьковских «Наших достижениях», во время войны фронтовым корреспондентом, а в штормовые 1948–1956 годы вел в «Литературной газете» отдел внутренней жизни. И это, как видится сейчас из дали времен, был, вероятно, самый мирный из газетных отделов – в сравнении с другими, конечно, где надо было сражаться либо с мировым империализмом, либо с безродными космополитами и ревизионистами, окопавшимися в советской культуре.

Там у А. и репутация сложилась – человека, который особо не заносится, но дело знает, отличаясь от многих коллег незлобивостью, добронравием и безусловной порядочностью. Что подтверждалось и его прозой («Начальник малых рек» еще в 1937-м, «Повесть о первой любви» в 1954-м), появлявшейся совсем не часто.

Такой борозды не испортит, а неприятностей не причинит, что, как можно предположить, решило вопрос о назначении А. в сентябре 1956 года главным редактором еще только создававшегося журнала «Москва». И члены редколлегии подобрались, за единственным исключением, неплохие: К. Чуковский, В. Луговской, Г. Березко, будущие «новомирцы» Е. Дорош и А. Кондратович, а плюс к ним Л. Овалов, прославленный серией детективов о майоре Пронине. В отдел прозы взяли А. Берзер, тоже будущую «новомировку», поэзией по рекомендации В. Луговского поставили заведовать Е. Ласкину.

Тут бы и работать. Но работать А. не дали – едва вышли первые шесть номеров, как «Литературная газета» ударила по ним обширной статьей И. Кремлева (13 июля 1957), а состоявшийся 1 августа расширенный секретариат Союза писателей и вовсе констатировал: журнал «до сих пор не занял правильных, партийных позиций в борьбе за генеральную линию литературы социалистического реализма», «редакция открыла свои страницы для произведений, идущих по своему направлению и содержанию вразрез с главным направлением советской литературы»²³⁰.

И было бы за что браниться, но, пересматривая журнальный комплект, видишь, что ничего особенного напечатать при А. не успели: и повесть К. Симонова «Еще один день», и повесть А. Вальцевой «Квартира № 13», и иные всякие публикации «Москвы» не отличались ни выдающимися художественными достоинствами, ни чрезмерной, как тогда выражались, остротой. Однако – в них глухо, но все-таки, и это было абсолютно ново, говорилось о сталинских репрессиях и о том, как деформировали они души правоверных коммунистов. А следовательно, от этих произведений «с червоточинкой», потакающих «самым невзыскательным, обывательским вкусам», веяло – о ужас! – «пессимизмом» и неверием в созидательную силу нашего общества.

Истоки этих ошибок, – говорится в отчете «Литературной газеты», – стали более ясными участникам заседания после выступления члена редколлегии «Москвы» Л. Овалова, который рассказал собравшимся о нездоровых нравах, царящих в самом коллективе редакции. Это искусственное деление тов. Атаровым произведений современной литературы на вещи «критического направления» и «направления заздравного», отказ от печатания ряда произведений страстных, жизнеутверждающих,

---

²³⁰ Литературная газета. 1957. 8 августа.

партийных – только потому, что в них не преобладало «критическое начало»²³¹.

Доносчику ни кнута, ни пряника не последовало, однако поведенного им было достаточно, чтобы 24 октября секретариат ЦК КПСС освободил А. от должности, назначив на нее Е. Поповкина, а 12 ноября секретари правления СП СССР прокомпостировали решение, принятое не ими, но, безусловно, с их подачи. И «вечером, – вспоминает А., – позвонил домой Георгий Марков:

– Надо сохранять спокойствие. Обида ни к чему, ведь мы – коммунисты.
Я последовал его совету²³².

То есть, как тогда говорили, вернулся к своему письменному столу. И кое-что (опять же очень милое, добросердечное, не вызвавшее, впрочем, у критиков ни энтузиазма, ни нареканий) успел за остаток лет написать – повести «Коротко лето в горах» (1963), «Не хочу быть маленьким» (1967), «А я люблю лошадь» (1970), литературный портрет В. Овечкина «Дальняя дорога» (1977). Но жизненные и творческие силы ушли. Так что, – вспоминает его дочь К. Атарова, –

после снятия с редакторства в журнале «Москва» папа нигде не работал в штате: начались какие-то спазмы головных сосудов от малейшего переутомления, связанного с чтением или писательством. В этот период мама²³³ взяла на себя заботу о семейных финансах. Писала внутренние рецензии для «Советского писателя» и, главное, переводила с языков народов СССР, при помощи подстрочника, разумеется. Даже если перевод шел под двумя фамилиями, делала его в основном мама, а не отец²³⁴.

Что осталось? Тот самый однотомник, давно, правда, не переиздававшийся. «Горы записных книжек»²³⁵, опубликованных лишь частично. И память о редакторе, который, возможно, еще развернулся бы, но не успел.

Соч.: Избранное. М.: Худож. лит., 1989; Смерть под псевдонимом: Роман. М.: Ад Маргинем Пресс, 2004.

Лит.: Атарова К. Вчерашний день: Вокруг семьи Атаровых – Дальцевых: Воспоминания. Записные книжки. Дневники. Письма. Фотоархив. М.: Радуга, 2001.

---

²³¹ Там же. И вот еще что, – если следовать за стенограммой, сказал Л. Овалов, – «по существу Николай Сергеевич Атаров стоял на тех же позициях, на которых стояли редактора „Литературной Москвы“, и будь Атаров столь же смел, как редактора „Литературной Москвы“, он открыто превратил бы наш журнал в филиал этого альманаха, но так как Атаров не обладает смелостью Казакевича и Алигер, заслуживающей, разумеется, лучшего применения, то наш журнал, выражаясь языком экономистов, был не прямым отделением фирмы, а так сказать только дочерним предприятием, находился в сфере ее влияния» (цит. по: Огрызко В. Советский литературный генералитет. С. 169).

²³² Атарова К. Вчерашний день. С. 357–358.

²³³ Писательница М. З. Дальцева (1907–1984).

²³⁴ Атарова К. Вчерашний день. С. 370.

²³⁵ Там же. С. 384.

Ахмадулина Белла (Изабелла Ахатовна) (1937–2010)

Истинный визионер, А. и родословную выстроила себе вдохновенно поэтическую: русско-итало-татарскую. В ней всё правда, хотя реальность выглядит несколько прозаичнее, но тоже, впрочем, выразительно: отец – важный советский чиновник, мать – майор, переводчица в центральном офисе КГБ СССР, и первая публикация А. в «Комсомольской правде» 5 мая 1955 года появилась под непритязательной рубрикой «Голоса заводских поэтов»²³⁶.

Вообще-то, год отработав после школы в многотиражной газете «Метростроевец», отношения к автомобильному заводу имени Сталина она не имела, но в литобъединение, которым руководил Е. Винокуров, записалась именно туда. А дальше – с рабочей, метафорически выражаясь, путевкой – в Литинститут, где А. почти сразу же вышла замуж за 23-летнего третькурсника Е. Евтушенко – первого, по тогдашнему счету, парня на деревне молодых московских поэтов.

Звездный брак (1955–1958), этапы которого запечатлелись в их стихотворной переключке и в позднейших мемуарах Евтушенко, продержался меньше трех лет, на девять лет сменившись семейной жизнью с тоже в ту пору модным Ю. Нагибиным (1959–1968), и тут уже он оставил об их союзе живописные подробности в своем предсмертно опубликованном «Дневнике». Так что и к этим подробностям, и к домыслам, гуляющим в интернете, читателя можно просто отослать, а самим сказать, что и А. с начальных дней в Литинституте понимала себя как звезду, и всеми воспринималась как, – процитируем обожавшего ее П. Антокольского, – «чудо по имени Белла».

Стихотворные публикации были еще редки, но уже И. Сельвинский, рецензируя ее рукопись, представленную при поступлении на учебу, обратился к абитуриентке с личным письмом:

Я совершенно потрясен огромной чистотой Вашей души, которая объясняется не только Вашей юностью, могучим, совершенно мужским дарованием, пронизанным женственностью и даже детскостью, остротой ума и яркостью поэтического, да и просто человеческого чувства! <...> что бы в Вашей жизни ни произошло, помните, что у Вас дарование с чертами гениальности, и не жертвуйте им никому и ничему!²³⁷

Она и не жертвовала. Вела себя вольно, порою даже вызывая вольно. Именно в студенческие годы складывались и ее поэтический стиль, и ни на кого не похожая манера читать стихи, вообще разговаривать, и весь образ беззаконной кометы в кругу расчисленном светил. С требованиями, какие предъявлялись к советской студентке-комсомолке, это совмещалось, разумеется, плохо, так что 28 апреля 1957 года она фигурирует в напечатанном «Комсомольской правдой» фельетоне Л. Парфенова «Чайльд гарольды с Тверского бульвара»²³⁸, а ближе к лету ее в первый раз исключают из института «за аморальное поведение». Правда, пока условно, и летние каникулы, – как сообщает Е. Евтушенко в письме В. Британишскому²³⁹, – А. вместе со всем курсом проводит на целине.

²³⁶ В мае же три стихотворения А. были напечатаны и в журнале «Октябрь», где отделом поэзии руководил Е. Винокуров.

²³⁷ <http://akhmadulina.ru/biografiya/>.

²³⁸ «Якобы за идейность, – в тот же день записывает в дневник Н. Бялосинская. – А на самом деле просто удар по тем, кто выступал против полного списания Пастернака на дискуссии в Литинституте. Теперь правое крыло Литинститута <...> настаивает, чтобы этих (самых талантливых) ребят исключили. Директор <им тогда был В. Озеров> мечется. Он в очень тяжелом положении. Понимает, что исключать нельзя. Но и с реакцией ссориться боится. Пока дело обходится без исключения. Но жмут на этих ребят крепко» (Бялосинская Н. «Эй, товарищ! Хочешь быть счастливым?..»: Из дневников // Знамя. 2018. № 8. С. 58).

²³⁹ Цит. по: Фаликов И. Борис Слуцкий. С. 346.

Все вроде устраивается²⁴⁰, однако через год вспыхивает нобелевский скандал, и 30 октября из института в инстанции следует спешный рапорт о том, что

партбюро и актив возмущены поведением некоторых студентов нашего института (Панкратова, Харабарова, Ахмадулиной), которые поддерживали связь с Пастернаком, разделяя его взгляды на наше общество и литературу и пытались распространять их среди студентов²⁴¹.

И в апреле 1959-го А. уже всерьез исключают из института. Понятно, что за отказ участвовать в травле Б. Пастернака, но формально «за неуспеваемость по общественным дисциплинам» или, – по свидетельству ее однокурсника Д. Маркиша, – «за организацию пьянства в общежитии» и опять же «аморальное поведение»²⁴². К этому времени ее имя уже известно и сильным мира сего, поэтому Вс. Иванов сигнализирует первому секретарю Московской писательской организации К. Федину, что А. исключили «за выпивку», и тот обещает заступиться за «проштрафившихся студентов»²⁴³, а положение спасает главный редактор «Литературной газеты» С. С. Смирнов, на два месяца откомандировавший А. в составе «писательского десанта» в Сибирь.

Оттуда она возвращается с «правильными» стихами (Литературная газета, 24 октября 1959) и «правильными» впечатлениями, которые отзовутся позднее в повести «На сибирских дорогах» (Юность. 1963. № 12), так что, – сошлемся на рассказ Н. Клеймана, – «Михаил Луконин, мастер курса, объявил, что творческая командировка доказала плодотворность контактов поэта с жизнью, и Беллу восстановили в институте»²⁴⁴. Однако и то надо не забыть, что свое нравная А. и в этой ситуации, ничего не опасаясь, отдает пять стихотворений для безусловно рискованной публикации в неподцензурный «Синтаксис».

Защита в 1960 году прошла триумфально. И выход первой книги «Струна» (1962) тоже стал триумфом, хотя... Не во всех, впрочем, глазах: С. Маршак, прочитав стихотворение «И снова как огни мартенов...», раздраженно заметил, что зарифмовать «мартенов – Мартынов» мог только поэт, который не любит Лермонтова, и А. Ахматова, – по свидетельству Л. Чуковской, – сказала:

Полное разочарование. Полный провал. Стихи пахнут хорошим кофе – было бы гораздо лучше, если бы они пахли пивнухой. Стихи плохие, нигде ни единого взлета, ни во что не веришь, все выдумки. И мало того, стихи противные²⁴⁵.

Но это оценки, так сказать, кулуарные, не перебивающие тот восторг, с каким встречается каждая очередная публикация А.: например, П. Антокольский записал в дневник, что поэма «Моя родословная» (Юность. 1964. № 1) – это «образец такого грозного оптимизма, которого не было в поэзии со времен греческих мифов»²⁴⁶. В одном только 1962 году А. единогласно принимают в Союз писателей, М. Хуциев приглашает ее читать стихи в фильм «Застава Ильича / Мне двадцать лет», а 30 ноября во Дворце спорта в Лужниках проходит первый «ста-

²⁴⁰ Хотя фельетонисты не унимаются, и среди них Вас. Журавлев с пасквилом «Никудыки» (Известия. 1957. 3 сентября).

²⁴¹ «А за мною шум погони...» С. 162.

²⁴² Из личного письма Д. Маркиша автору.

²⁴³ См.: Константин Федин и его современники. Т. 1. С. 320.

²⁴⁴ Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову. С. 218.

²⁴⁵ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 496. Да и позже, уже в июне 1965 года давая интервью английской газете «Монитор», А. Ахматова в ответ на прямой вопрос об А. ревниво заметила, что «некоторые из модных молодых поэтов», которые «собирают аудиторию до 15 000 молодых людей <...> производят впечатление, что они по существу являются эстрадными исполнителями. Их гигантский успех часто имеет мало отношения к литературе» (цит. по: Тименчик Р. Последний поэт. Т. 1. С. 450).

²⁴⁶ Антокольский П. Дневник. С. 9.

дионный» вечер поэзии, где она обращает свою витиеватую лирику сразу к 14 тысячам слушателей. И недаром же В. Шукшин в фильме «Живет такой парень» (1964) поручает А. роль журналистки – эталонной «столичной штучки», «иконы стиля», как сейчас бы сказали.

Начальство, однако же, бдит, и книги на родине не выходят, так что следующим после «Струны» сборником становится «Озноб», выпущенный «Посевом» во Франкфурте-на-Майне. Другому автору не снести бы, возможно, головы, но поэзия А. настолько очевидно живет вне политики, что обошлось. Уже в следующем году «Советский писатель» издает в Москве «Уроки музыки», и – с заметными интервалами, конечно, – следуют «Стихи» (1975), «Свеча» и «Метель» (1977), «Тайна» (1983), «Сад» (1987), «Избранное» и «Стихотворения» (1988), а в Тбилиси хлопотами Г. Маргвелашвили дважды выходят «Сны о Грузии» (1977, 1979), включающие в себя и стихи, и переводы, и прозу.

Жизнь, словом, продолжается. Отнюдь не райская, но продолжается.

И личная: в браке с Э. Кулиевым, который был моложе ее на 14 лет, рождается дочь, а в 1974-м А. счастливо связывает свою судьбу с Б. Мессерером, взявшим на себя все хлопоты, к которым Белла была никак не приспособлена.

И общественная: А. ставит свою подпись под обращениями в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля (1966), генерала П. Григоренко (1968), по обвинению в «политической безответственности» получает «на вид» от Союза писателей за участие в судьбе А. Гинзбурга и Ю. Галанскова (1968), как может, помогает А. Сахарову, В. Войновичу, Г. Владимову, всем своим опальным друзьям.

И литературная, конечно, но позднесоветское и постсоветское творчество А. за пределами нашего рассказа. Как за этими пределами и дружба с великими деятелями отечественной и мировой культуры, а также бесчисленные награды, которые уже за порогом зрелости были получены А.: ордена Дружбы народов (1984), «За заслуги перед Отечеством» 3-й (1997) и 2-й (2007) степени, Государственные премии СССР (1989) и РФ (2004), Президентская премия (1999), Пушкинская премия фонда А. Тёпфера (1994), премии «Триумф» (1994), имени Б. Окуджавы (2004), журналов «Знамя» (1993) и «Дружба народов» (2000), иные многие.

Возраст, болезни, долголетний чрезмерно вольный образ жизни сказывались, однако, все настойчивее, поэтому, практически потеряв зрение, А. в самые последние годы на людях уже почти не появлялась. И тихо угасла на переделкинской даче, вернее в карете скорой помощи, которая приехала слишком поздно.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М.: РАН, Корона-принт, 1997; Миг бытия. М.: Аграф, 1997; Нечаяние: Стихи. Дневник 1996–1999. М.: Подкова, 2000; Проза поэта. М.: Вагриус, 2001; Поэзия народов Кавказа в переводах Беллы Ахмадулиной. М.: Дедалус, 2007; Полн. собр. соч.: В одном т. М.: Альфа-книга, 2012; Малое собр. соч. М.: Азбука, 2014; Письма Беллы. М.: Арт-Волхонка, 2017.

Лит.: *Алешка Т.* Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. Минск, 2001; Словарь рифм Беллы Ахмадулиной. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2002; Художественный мир Беллы Ахмадулиной: Сб. статей. Тверь, 2016; *Мессерер Б.* Промельк Беллы: Романтическая хроника. М.: АСТ: РЕШ, 2016; *Зубарева В.* Тайнопись: Библийский контекст в поэзии Беллы Ахмадулиной. М.: Языки славянских культур, 2017; *Завада М., Куликов Ю.* Белла: Встречи вослед. М.: Молодая гвардия, 2017.

Ахматова (урожд. Горенко) Анна Андреевна (1889–1966)

«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»

Роман, откуда взяты эти фразы, А. не любила, но сама себя вела ровно по этому правилу, сделав понятное исключение лишь для мольбы о сыне, трижды попадавшем в смирительную ГУЛАГовскую рубашку. Просить же за себя – да ни боже мой, нет, никогда!

Так еще в начале 1920-х, едва стала понятна органическая несовместимость А. с большевистским режимом, она не покинула Россию, но от любого участия в общественной и уж тем более в советской литературной жизни демонстративно отстранилась. Даже О. Мандельштам «ходил» за заступничеством к Бухарину, даже Е. Замятин, М. Булгаков, Б. Пастернак стремились достучаться до Сталина, но не А. Вот и вышло, – говорит Г. Морев, – что «среди крупных русских писателей с дореволюционным „стажем“, оставшихся в СССР, положение Ахматовой было уникальным»²⁴⁷ – как у «женщины, – процитируем В. Перцова, – запоздавшей родиться или не сумевшей вовремя умереть»²⁴⁸.

Ее ведь даже в новорожденный Союз советских писателей не позвали, а сама она не попросилась. И лишь 5 января 1940 года А., – как рассказывает Э. Герштейн, –

торжественно приняли в Союз писателей. Два издательства сразу начали готовить к печати ее книги. Журналы просили стихи для ближайшего номера. Шел разговор об увеличении пенсии, о предоставлении ей квартиры и т. п. Потом эти разговоры стали умеряться.

Сборник «Из шести книг» успел все-таки выйти, и А. Фадеев, А. Толстой, Б. Пастернак вроде бы намеревались представить его к Сталинской премии. Но уже к июлю 1940-го настроение верховного начальства переменилось, и все тот же В. Перцов в «Литературной газете» написал о книге вполне издевательски, так что, – вернемся к словам Э. Герштейн, – «Сталинской премии Ахматовой не дали. Пенсию не увеличили. Квартиру дали только после войны»²⁴⁹.

В расписании советских ролей она была никем. Но когда 3 апреля 1946 года состоялся большой вечер московских и ленинградских поэтов, весь Колонный зал встал, овацией приветствуя царственное появление А. на сцене. И кто знает, не сыграло ли это событие зловещую роль во всем, что произошло через полгода и что всем теперь известно?

Она и тут ни о чем никого не просила. Хотя ее пытались не то чтобы спасти, но все-таки смягчить участь: А. Фадеев еще осенью 1946-го распорядился вернуть отнятые продуктовые карточки, в январе 1951-го ее – после, впрочем, публикации коленопреклоненной «Славы миру» в «Огоньке» – раньше, чем М. Зощенко, восстановили в Союзе писателей, дали возможность зарабатывать переводами. И казалось, что Оттепель уж точно начнется с ее литературной реабилитации.

Уже 20 октября 1953-го К. Чуковский записал в дневник, что «Ахматовой будут печатать целый томик – потребовал Сурков²⁵⁰ (целую книгу ее старых и новых стихов)»²⁵¹, – и действительно, 21 октября по предложению издательства А. сдает в «Советский писатель» рукопись

²⁴⁷ Морев Г. Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии // Новый мир. 2021. № 11. С. 139.

²⁴⁸ Цит. по: Чуковский К. Т. 13: Дневник. С. 548.

²⁴⁹ Герштейн Э. Вблизи поэтов. С. 441.

²⁵⁰ По словам К. Симонова в письме В. Виленкину от 9 ноября 1976 года, «заботу о том, чтобы поставить в нормальное положение Ахматову, взял на себя Алексей Александрович Сурков. И при тех очень ограниченных возможностях, которые тогда у него были, сделал, к его чести, очень многое; занимался этим на протяжении ряда лет, не отступая и не забывая об этом. Не знаю, имела ли полное представление об этом сама Ахматова – может быть, и не имела» (Симонов К. Т. 12: Письма. С. 436).

²⁵¹ Чуковский К. Т. 13. С. 155.

«Избранного». Однако явилось на свет оно только в ноябре 1958-го, и не в «Совпесе», а в Гослитиздате, причем максимально оскопленным: в книжке, – напоминает М. Алигер, –

и всего-то 127 страниц, да из них 32 страницы, т. е. четверть книги – переводы: старые китайцы, корейцы, отрывок из Гюго, стихотворение какого-то осетина, Перец Маркиш, неведомый мне румын Александр Тома, белые стихи Рабиндраната Тагора... Горько и неловко, и ничего не скажешь в утешение²⁵².

Так оно и дальше пойдет: каждое новое издание (и «лягушка» 1961 года²⁵³, и «Бег времени» 1965-го) будет выходить, продираясь сквозь цензуру и увязая в бесчисленных бюрократических согласованиях. Ее официальный статус еще надолго останется прежним, пресловутое Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» откажутся отменять²⁵⁴, и ни с 70-летьем, ни с 75-летьем начальство А. не поздравит²⁵⁵, зато в неофициальном, но могучем общественном мнении она воспринимается уже как последний великий русский поэт и, надевшаяся, – по словам Л. Гинзбург, даром «совершенно непринужденного и в высокой степени убедительного величия», «держит себя, как экс-королева на буржуазном курорте»²⁵⁶.

Ей звонит А. Твардовский²⁵⁷, и с января 1960 года входит в обычай в каждом первом номере «Нового мира» печатать стихи А. К ней на поклон в Ленинград едет Л. Скорино, заместительница В. Кожевникова, и стихи появляются в «Знамени» (1963. № 1; 1964. № 10). Да всюду они появляются: в «Литературной газете», «Литературной России», «Неве», «Нашем современнике», «Юности», «Звезде», даже в «Огоньке» у А. Софронова, даже в радио- и телевизионной программе – всякий раз по согласованию с ЦК, но появляются же!

С общественным мнением надо считаться, и пусть в 1963–1965-х годах никто из власть предержащих не откликнулся на ее хлопоты о судьбе И. Бродского, в апреле 1965-го А. избирают делегатом II съезда писателей РСФСР:

сначала, – рассказывает Г. Глёкин, – она села где-то сбоку, в задних рядах, а потом не то А. А. Сурков, не то С. В. Михалков почтительно привел ее в первый ряд, за стол президиума, и усадил с правого края, рядом с М. А. Шолоховым. Она сидела в президиуме и исподволь разглядывала правительство. Они ее – тоже²⁵⁸.

²⁵² Алигер М. Тропинка во ржи. С. 362–363.

²⁵³ Так – по зеленому цвету переплета Ахматова называла томик «Стихотворения» в «Библиотеке советской поэзии».

²⁵⁴ Единственное, на что в итоге согласились секретари ЦК М. Суслов, Ф. Козлов, Л. Ильичев, Б. Пономарев, А. Рудakov, так это на то, чтобы в статьях для «Краткой литературной энциклопедии» об А. и М. Зощенко «вообще не упоминать о Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 467, 508).

²⁵⁵ А ведь неутомимый А. Сурков, глава Союза писателей СССР, еще 22 июня 1959 года писал лично Хрущеву, что «какая-то форма государственного признания полустолетнего творческого труда Анны Ахматовой, до сих пор находящейся в строю активно действующих поэтов, была бы сильным ударом по тем реакционерам и колеблющимся интеллигентам, которые еще до сих никак не расстаются с пресловутым „делом Пастернака“» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 260–261).

²⁵⁶ Гинзбург Л. Из старых записей. С. 44. Не без ядовитости назвав стиль жизни А. в поздние годы «ярмарками тщеславия», Э. Герштейн указывает: «Пастернак рвался к широкой аудитории. Ахматова больше радовалась благоговейному почтению и восхищенному любованию многочисленных знакомых. Повторяли привезенное из Ташкента слово: «королева». Весь литературный beau monde перебивал тогда на Ордынке у Ардовых, где она останавливалась. Актеры, художники и даже эстрадники хотели засвидетельствовать Ахматовой свое почтение» (Герштейн Э. Вблизи поэтов. С. 777).

²⁵⁷ Выразительна запись в его дневнике от 29 сентября 1959 года: «Вчера говорил по телефону с Ахматовой (о новых ее стихах для „Нового мира“), которую лет 30 назад, по Антологии Ежова и Шамурина, может быть, считал покойницей, как Блока, Брюсова, Гумилева. Только потом уж узнал, что она жива, правда, знал уже задолго до ее стихов в „Правде“ в войну и прочих. Голос, после старушечьего, слабого, в коем я и предположил было ее, – голос, по которому можно было себе представить походку, какой она подошла к телефону, – сильный, уверенный, не старый – с готовностью в нем, исключавшей разговор с ней, как со старушенцией. Назвался. – „Здравствуйте, тов. Твардовский“. Мне показалось, что она не поняла, зачем мне ее стихи. Это – редактор „Нового мира“. – „Ну, боже мой, Вы мне это сообщаете“» (Твардовский А. Дневник. С. 426).

²⁵⁸ Глёкин Г. Что мне дано было... С. 316.

Главное же – А., так и не успевшую получить Нобелевскую премию²⁵⁹, выпускают в Италию, где награждают премией «Этна-Таормина» (декабрь 1964-го), и в Англию, где она становится доктором *honoris causa* Оксфордского университета (июнь 1965-го).

Чудовищный контраст – между международными знаками признания, любовью сотен тысяч читателей на родине и до последнего дня полубездомностью, полунищетою.

Как такой же контраст между торопливо-испуганным, именно что забюрократизированным прощанием с ее телом в Москве и, – как вспоминает Б. Друян, – «людским морем»²⁶⁰ на отпевании в Николо-Богоявленском морском соборе в Питере, истинно народными похоронами в Комарове.

Соч.: Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976 (Библиотека поэта. Большая серия); Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989 (2-е изд. – 1990); Десятые годы; После всего; Requiem; Поэма без героя; Биография. Фото (5 кн.). М.: Издательство МПИ, 1989. Собр. соч.: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2002; Бег времени. М.: АСТ, 2016; Записные книжки (1958–1966). М.; Torino: Einaudi, 1996.

Лит.: *Жирмунский В.* Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973; *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989; То же. М.: Вагриус, 1999; Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель, 1991; *Лосиевский И.* Анна Всея Руси: Жизнеописание Анны Ахматовой. Харьков: Око, 1996; *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997; *Мандельштам Н.* Об Ахматовой. М.: Новое изд-во, 2007; *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008; *Коваленко С.* Анна Ахматова. М.: Молодая гвардия, 2009 (Жизнь замечательных людей); *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2014; Анна Ахматова: «Озорство мое, окаянство...»: Рассказы, эпиграммы, афоризмы. М.: Собрание, 2006.

---

²⁵⁹ «Русская квота» была, видимо, исчерпана Нобелевским комитетом, и к тому же в памяти был слишком свеж скандал с Б. Пастернаком, но и это «золотое клеймо неудачи» А. приняла со стоической невозмутимостью: «Важно не получить, а быть представленным» (Там же. С. 196).

²⁶⁰ *Друян Б.* Неостывшая память. С. 46.

Б

Бабаевский Семен Петрович (1909–2000)

Помимо трех классов хуторской школы, все свои знания Б. получил экстерном: и аттестат о среднем образовании, и, по сути, диплом Литинститута в 1939-м. Немного, прямо скажем, но «писатели, – как горделиво подчеркнуто в его автобиографии, – рождаются не в стенах учебного заведения»²⁶¹. Их жизнь учит, и у Б., дебютировавшего рассказом «Водка довела» на страницах ростовской газеты «Сельский пахарь» (1929), тридцатые годы были отданы журналистике. Работал в редакциях «Красной Черкесии», «Армавирской коммуны», «Молодого ленинца», «Ставропольской правды», «Пятигорской правды», писал на износ, издал первую книжку рассказов «Гордость» (Пятигорск, 1936), на следующий год напечатал «Кубанские рассказы» в журнале «Молодая гвардия» и «Московском альманахе».

Ничем не выделяясь в общем потоке, они прошли незамеченными, как не принесли Б. шумной славы ни служба в армейской печати, ни сборник очерков «Казаки на фронте» (в соавторстве с Э. Капиевым; Пятигорск, 1942). Участь провинциального писателя – не из самых завидных, и Б., вернувшись в Пятигорск после демобилизации в звании старшего лейтенанта, не вырваться бы из нее, если бы не счастливая идея первым написать роман уже не о войне, а о том, как вчерашние фронтовики едва ли не играючи восстанавливают разрушенные колхозы.

Ведь, – объясняется с читателями Б., –

это было время небывалого душевного подъема, время радостных надежд и свершений... Мы, живые свидетели тех лет, хорошо помним: над Кубанью, над Ставрополем, как и над всей нашей страной, витал тогда дух Победы. Он-то, дух Победы, и создавал у людей настроение праздничное, приподнятое...²⁶²

Так родился «Кавалер Золотой Звезды» (1947–1948), показавшийся редактору «Октября» Ф. Панферову удивительно своевременным именно своей праздничностью, а что касается литературного качества, то за доведение текста до необходимых кондиций усадили опытного А. Первенцева. И вот вам итог – Сталинская премия 1-й степени (1949), бесчисленные переиздания, переводы на 29 языков, восторги в печати, театральные постановки, экранизация, в 1950 году осуществленная Ю. Райзманом, а под занавес еще и опера Ю. Бирюкова (1956)...

Триумф, и еще какой триумф! «Но что делать дальше, чтобы свой авторитет поддерживать?» – пересказывает К. Ваншенкин выступление Б. на Втором совещании молодых писателей в 1951 году. –

Стал он думать. Тут его вызывает Жданов, спрашивает, какие планы. Не знаю, отвечает, пока думаю. Жданов ему: а чего думать? Пишите продолжение, материал под рукой. Внял он мудрому совету, написал «Свет над землей» – опять премия.

Да не одна – первой степени за первую книгу «Света над землей» (1950), второй степени за вторую (1951)²⁶³. Б. зачисляются в правление Союза писателей и редколлегию журнала

---

²⁶¹ Бабаевский С. Мой Уллукам: Автобиографические заметки // Советские писатели: Автобиографии. 1988. С. 69.

²⁶² <http://az-libr.ru/Persons/000/Src/0010/16b54e76.shtml>.

²⁶³ Д. Шепилов это пристрастие Сталина к произведениям Б. называет «необъяснимым» (Шепилов Д. Непримкнувший. С. 133).

«Октябрь», избирают депутатом Верховного Совета СССР (1950–1958) – словом, назначают классиком. Однако почет почетом, а с карьерой незадача: в Москву, несмотря на его настойчивые просьбы, Б. не переводят и солидной руководящей должности не дают.

Возможно, поэтому его книги и не попали в уже складывавшийся реестр «секретарской литературы», которая благодаря номенклатурному положению сиятельных авторов была защищена от любой критики. Во всяком случае, начиная со статьи Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (Новый мир. 1954. № 4), о «Кавалере Золотой Звезды» если и вспоминают, то почти исключительно как о самом наглядном и самом комичном примере лакировочной и в художественном отношении беспомощной словесности.

Роман «Знамя жизни» – третья часть трилогии о бравом Сергее Тутаринове – остается недописанным (1952–1954), «Кубанские повести» успеха не имеют, так что и сошел бы, пожалуй, Б. в разряд героев минувших времен. Но тут судьба дает ему новый шанс.

В противовес не вполне благонадежным и неведь что возмнившим о себе москвичам власть затевает создание Союза писателей РСФСР с опорой как раз на провинциалов, и Б. наконец-то выписывают в столицу. Недолгий срок он ходит в заместителях у Ф. Панферова в «Октябре», после его смерти (опять, впрочем, ненадолго) становится заместителем по СП РСФСР у Л. Соболева. И дела литературные вроде налаживаются – по крайней мере, чуткий к изменениям конъюнктуры В. Катаев печатает его повесть «Сухая Буйвола» в модной «Юности» (1958. № 3–4).

Однако все действительно ненадолго. В кругу действующих литературных генералов Б. так и не прижился. Его обширные романы «Сыновний бунт» (1961), «Родимый край» (1964), «Современники» (1973), «Станица» (1971–1976), «Приволье» (1980), конечно, исправно издаются и переиздаются, но критики их либо не замечают, либо откликаются безо всякого почтения. Да и власть своей лаской не слишком балует, а роман «Белый свет» в 1967 году и вовсе был задержан из-за слишком суровой критики хрущевского волюнтаризма. «Бабаевский – единственный человек в мире, <который>, когда цензура выбросила у него из повести главы, поехал туда, чтобы поблагодарить цензоров за услугу»²⁶⁴, – ссызвил в дневнике В. Славкин. Тогда как Л. Левицкий заметил:

Кто-то радуется этому. <...> Не перестаю удивляться младенческой наивности этих либеральных олухов. Они никак уразуметь не могут, что запрещение романа Бабаевского открывает лазейку, да что там лазейку – широчайшую дорогу для других запретов. Нет уж, пусть печатают Бабаевского, пусть шествует охранительная графомания таких же, как он. Но пусть при этом публикуют Солженицына, Войновича, Бека – все, что томится в редакционных сейфах, письменных столах или разгуливает по белу свету в рукописных списках²⁶⁵.

Слова прекрасные, но действительность их опровергла: Солженицын, Войнович, Бек на десятилетия остались в сам- и тамиздате, а Б. – еще раз повторим – как раньше печатали, так и продолжили печатать. Повестью «Улыбинская круча» (1989) он успел безо всякого одобрения откликнуться даже на перестройку, сломавшую жизнь колхозным председателям и парт-орган – мамонтам пятилеток.

И успел увидеть опубликованной свою мемуарную книгу «Последнее сказание» (Наш современник. 1997. № 5–6), где его исповедание веры выражено с недвусмысленной четкостью:

Пусть нынешняя власть меня казнит, пусть четвергует, пусть сжигает на костре, я все одно, как тот мыслитель, буду повторять: «И все же она

²⁶⁴ Славкин В. Разноцветные тетради. <https://1001.ru/articles/post/8vi-69-28ix69-32296>. (Запись от 11 сентября 1969.)

²⁶⁵ Левицкий Л. Утешение цирюльника. С. 102.

вертится!» Буду говорить и говорить о том, о чем говорил всегда. И особенно о том, что Советская власть – это как раз тот государственный строй, какого мир еще не знал. И я верю: пусть не при моей жизни, а при жизни моих внуков и правнуков, а Советская власть, обновленная, возмужавшая, непременно вернется в Россию.

Сбудется ли? Но «Кавалера Золотой Звезды» и «Свет над землей» в 2015 году в серии «Любимая проза. Сделано в СССР» на всякий случай издало «Вече».

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1979–1981; Приволье: Роман. М.: Роман-газета, 1981; Доброта: Повести и рассказы. М.: Сов. писатель, 1989; Кавалер Золотой Звезды. М.: Вече, 2015; Свет над землей. М.: Вече, 2015.

Бакланов (Фридман) Григорий Яковлевич (1923–2009)

Фридманом он и родился, и воевал (1941–1945), и в партию вступил (1942), и учился в Литературном институте у К. Паустовского (1946–1951)²⁶⁶, и даже свои первые рассказы напечатал в журнале «Крестьянка» (1951. № 1, 10, 12). Однако время – особенно для «лиц еврейской национальности» – было неласковое, и однажды, – рассказывает Б. в одном из интервью, –

я принес свой рассказ в одну редакцию, и мне говорят: «Что такое Фридман? Может быть, этого Фридмана нам из Америки прислали. Давайте придумывайте себе русскую фамилию». И я стал Баклановым²⁶⁷.

Так, после публикации уже под новым именем рассказа «Алексей Васин» (Огонек. 1952. № 24), пошла жизнь писательская: Б., – вспоминает его вдова, – «старался подрабатывать, брал в журналах рукописи на рецензию»²⁶⁸, писал очерки для газет и журналов, выпустил первую – еще про деревенскую жизнь – книгу «В Снегирях» (1955), стал в 1956 году членом Союза писателей. Но свой путь в литературе определился не сразу, и о Б. как об одном из зачинателей и лидеров «лейтенантской прозы» заговорили лишь тогда, когда появилась повесть «Южнее главного удара» (Знамя. 1958. № 1).

Посвящение – «Памяти братьев Юрия Фридмана и Юрия Зелкинда, павших смертью храбрых в Великой Отечественной войне» – при первой публикации убрали, не уведомив автора, уже в сверке. Позднее Б. его, разумеется, восстановит и отныне будет особенно неуступчив при прохождении своих произведений через редактуру и цензуру.

А снимать и корезить им было что – и в повестях «Пядь земли» (Новый мир. 1959. № 5–6), «Мертвые сраму не имут» (Знамя. 1961. № 6), и в рассказе «Почем фунт лиха» (Знамя. 1962. № 1), по которому М. Хуциев поставит позднее прекрасный фильм «Был месяц май» (1970)²⁶⁹, и в других вещах, где дышала «окопная», – как тогда выражались, – правда, противопоставленная казенной лжи и фальши. Роман «Июль 41 года», в котором было описано уничтожение Сталиным офицерского корпуса Красной армии, своей остротой смутил даже редакторов «Нового мира», так что В. Лакшин рукопись Б. вернул, и роман, появившийся в «Знамени» (1965. № 1–2) и почти тотчас же переведенный на английский, датский, финский, французский, шведский, многие другие языки, в СССР был переиздан только спустя 14 лет.

Что же касается «Нового мира», то Б. в нем больше при А. Твардовском не печатался. Но свое расположение сохранил. И к Лакшину, которого через 20 лет позовет уже в «Знамя» своим первым заместителем. И, конечно, к Твардовскому: и жили они в Красной Пахре неподалеку друг от друга, и во взглядах на жизнь, на литературу сходились полностью. Настолько, – вспоминает Б., – что,

когда редколлегию «Нового мира» начали перетасовывать, Твардовский предложил мне стать его первым замом. Идти мне очень не хотелось. Я понимал, что придется забросить собственную прозу – видел, какой он возвращается из редакции, что с ним творится, когда в очередной

---

²⁶⁶ «Значительно позже, – рассказывает жена писателя, – я узнала, что Константин Паустовский говорил: „Меня все спрашивали, читал ли я „Пядь земли“ Бакланова. Я такого не знал. Но вскоре выяснилось, что Бакланов – это псевдоним, а Гришу Фридмана я знал очень хорошо“» (Бакланова Э. Мой муж Григорий Бакланов // Знамя. 2011. № 1).

²⁶⁷ Кашин О. Развал. С. 256.

²⁶⁸ Бакланова Э. Мой муж Григорий Бакланов // Знамя. 2011. № 1.

²⁶⁹ «Гриша, – свидетельствует Э. Бакланова, – этот фильм любил. В письме Дедкову он писал: „Из семи или восьми картин, которые сняты по моим вещам или по моим сценариям, только один фильм считаю удачным: „Был месяц май““. Этот фильм и сейчас часто показывают» (Там же).

раз запрещают номер, снимают чье-то талантливое произведение... Но как отказать? Это было невозможно. И вдруг Александр Трифонович пригласил своим заместителем Лакшина. У меня – груз с души²⁷⁰.

Хотел он, действительно, только одного – писать свое. И шли новые книги – «Карпухин» (1966), «Друзья» (1975), «Навеки – девятнадцатилетние» (1979), «Меньший среди братьев» (1981). И снимались фильмы по его сценариям и по мотивам его прозы: «Чужая беда» (1960), «Горизонт» (1961), «49 дней» (1962), «Пядь земли» (1964), «Салют, Мария!» (1969), «Карпухин» (1971), «Познавая белый свет» (1978), «Разжалованный» (1980). И попробовал он себя в драматургии – не очень успешно, но пьеса «Пристегните ремни», написанная в соавторстве с Ю. Любимовым, все-таки стала спектаклем в Театре на Таганке (1975). И за границу, отписываясь, как все, очерками, ездил: например, в Чехословакию (1959; вместе с И. Эренбургом), в Штаты (1969; вместе с М. Алексеевым), в Канаду (1972), в другие страны.

Власть относилась к Б. двояко. С одной стороны, учитывала, что «лейтенантская проза», так ее спервоначалу напугавшая, на глазах становилась советской классикой. С другой же стороны, помнила, что Б., – процитируем еще раз Э. Бакланову, – «никогда не подписал ни одного грязного письма, ни одной подлой статьи»²⁷¹, зато поддержал протестующее против цензуры обращение к IV съезду писателей (1967).

Вероятно, поэтому его в том же году в отместку обнесли орденом при массовой раздаче почестей по случаю 50-летия Октябрьской революции. Но жизнь продолжалась, так что в свой час к боевым наградам Б. прибавились и ордена «Знак Почета» (1973), Трудового Красного Знамени (1983), Дружбы народов, и Государственная премия СССР за повесть «Навеки – девятнадцатилетние» (1982). Когда же грянула перестройка, Б. не только в 1986 году был избран, среди немногих, членом бюро секретариата правления СП СССР, но и стал главным редактором журнала «Знамя»²⁷², откуда в конце 1993 года добровольно вернулся, что называется, к письменному столу, на творческую работу.

Но это уже новая эра в жизни Б., и о ней надо рассказывать особо. Здесь же достаточно упомянуть, что из партии Б., и вместе с ним все коммунисты редакции, вышел в январе 1991-го, когда российский спецназ штурмом брал телецентр в Вильнюсе. И еще – что журнал «Знамя» как был, так и остается до сих пор по своему духу баклановским.

А самим Григорием Яковлевичем были написаны новые книги – и воспоминания («Входите узкими вратами» – 1996, «Жизнь, подаренная дважды» – 1999), и проза: роман «И тогда приходят мародеры» (1995), отмеченный Государственной премией России (1997), рассказы, повести «Свой человек» (1993), «Мой генерал» (1999). И нельзя, видимо, не сказать, что среди последних работ Б. особо выделяется страстный (и пристрастный) памфлет «Кумир» (2004), который при жизни писателя был размещен на многих еврейских ресурсах, представлен также в сетевой библиотеке Im Werden, но в журнал «Знамя» не предлагался и вышел только в 5-м томе посмертного Собрания сочинений, изданного не слишком массовым тиражом (2012).

Речь в этом памфлете об А. Солженицыне, рассказ которого «Один день Ивана Денисовича» Б. одним из первых встретил восторженной рецензией (Литературная газета, 22 ноября

²⁷⁰ Бакланов Г. «Эта долгая память» / Беседу ведет И. Ришина // Дружба народов. 1999. № 2. Возвращался к этой идее Твардовский и позже, когда, – как отмечено в дневниковой записи А. Кондратовича от 14 февраля 1968 года, – «думали о расширении редколлегии. Почти решили: вернуть Деметьева, ввести Гришу Бакланова. А. Т.: – Я давно присматриваюсь к нему. Очень честный, порядочный человек. И может выступить. В нем нет массобоязни. Я думал в свое время о штатной для него должности. Но он не согласился. А как внештатный он нам может быть очень полезен» (Кондратович А. Новомирский дневник. С. 191).

²⁷¹ Бакланова Э. Мой муж Григорий Бакланов // Знамя. 2011. № 1.

²⁷² Как рассказывает Н. Биккенин, заведовавший тогда сектором печати ЦК КПСС, «когда решался вопрос о главном редакторе «Знамени» (выбор делался из нескольких кандидатур), я напомнил ему же (А. Н. Яковлеву), что в середине 70-х годов, вернувшись из Канады, Г. Бакланов в своих очерках тепло отзывался об опальном после» (Биккенин Н. Как это было на самом деле. С. 166).

1962), «Раковый корпус» которого он горячо защищал на дискуссии в ЦДЛ 16 ноября 1966 года и против исключения которого из Союза писателей он протестовал в 1969 году²⁷³.

Однако антилиберальная и фундаменталистская риторика, характерная для Солженицына периода эмиграции и первых лет по возвращении в Россию, отталкивала Б. все сильнее, и «Знамя» в 1990-е годы оказалось едва ли не единственным центральным журналом, не опубликовавшим ни единой солженицынской строки. Когда же в печати появился двухтомник «Двести лет вместе» (2001–2002), Б. пришел в ярость и выплеснул эту ярость в своей книге, где пересмотрены и собственное былое отношение к Солженицыну, и биография нобелевского лауреата, и весь строй его мысли, признанный юдофобским и человеконенавистническим.

Комментарии были бы, наверное, уместны, но не в словарном же очерке.

Соч.: Жизнь, подаренная дважды: Воспоминания, рассказы. М.: Вагриус, 1999; Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Пропаганда, 2003; В 5 т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012.

Лит.: Дедков И. О судьбе и чести поколения // Новый мир, 1983. № 5; Оборин Л. О Григории Бакланове // Знамя. 2010. № 5; Бакланова Э. Мой муж Григорий Бакланов // Знамя. 2011. № 1.

---

²⁷³ См. об этом: Войнович В. Автопортрет. С. 550.

Балтер Борис Исаакович (1919–1974)

Уроженец Самарканда, Б. окончил военное училище в Киеве и в январе 1940 года уже командовал ротой на Финском фронте. Был ранен, обморожен, контужен в голову, но вернулся в строй и, пройдя всю Великую Отечественную войну, окончил ее в должности начальника штаба учебно-стрелкового полка, куда был откомандирован после очередных тяжелых ранений.

Надо было бы продолжать офицерскую карьеру. Однако, поступив в 1945 году в Военную академию имени Фрунзе, Б. вскоре был из нее отчислен: по официальной версии – ввиду состояния здоровья, по неофициальной – ввиду пятого пункта в анкете. Боевого отставника-майора, – как вспоминает Б. Сарнов, – пристроили коммерческим директором некоего не слишком крупного предприятия, где ушлые сослуживцы тотчас же списали на него ответственность за собственные финансовые злоупотребления. Так что Б. на какое-то время угодил в тюрьму, откуда, впрочем, вышел по всем статьям оправданным и даже не потеряв полученного на фронте партийного билета²⁷⁴.

Но опыт лишним не бывает: именно в тюрьме Б., – как рассказывают, – начал писать и, отучившись в Литературном институте у К. Паустовского (1948–1953), навсегда связал себя с литературой. И стал печататься: выпустил книгу рассказов «Первые дни» (1955), а в Абакане, куда Б. на какое-то время убыл после института, были изданы его переложения хакасских народных сказок и сборник исторических повестей «Степные курганы» о прошлом хакасского народа (1955).

Эти издания вряд ли кто перечитывает. И вряд ли их нужно перечитывать, так как – опять сошлемся на мнение Б. Сарнова – «все Борины книги, написанные и опубликованные им до принесшей ему успех повести „До свидания, мальчики!“, и в самом деле были очевидно не талантливы»²⁷⁵, и лишь «новой своей вещью Борис блистательно перечеркнул так прочно утвердившуюся за ним репутацию очевидно бездарного человека»²⁷⁶.

По словам Ст. Рассадина, «прозаик Балтер возник внезапно, словно бы взрыв»²⁷⁷, и взрыв этот произошел в альманахе «Тарусские страницы» (Калуга, 1961), где появилась повесть «Трое из одного города», менее чем через год в переработанном и значительно расширенном виде напечатанная еще и журналом «Юность» (1962. № 8–9) под новым названием, каким стала окуджавская строка «До свидания, мальчики!»²⁷⁸.

И, – говорит Р. Киреев, – «такой лирической мощи была эта неброская с виду вещь, что сломала все чиновничьи рогатки»²⁷⁹. О ней тут же стали писать, и всегда в исключительно восторженных тонах. Ее издали в переводах на несколько иностранных языков. Спектакли по ее инсценировке прошли во многих театрах страны, а в 1965 году режиссер М. Калик поставил по этой повести еще и фильм, тоже неординарный.

Успех, по всем правилам писательской карьеры, надо было бы закреплять новыми заметными публикациями. Но – то ли Б. не был озабочен своей карьерой, то ли просто не открыл

²⁷⁴ Борис Балтер: «Судьей между нами может быть только время». С. 91–92.

²⁷⁵ «Мы – и я, и прочие из друзей – его жалели, – подтверждает Ст. Рассадин. – Как завязтого неудачника. Он выглядел человеком, которого в литературу занесло недоразумение, неудачливость на ином, соприродном ему поприще...» (*Рассадин Ст. Книга прощаний*. С. 116).

²⁷⁶ Борис Балтер: «Судьей между нами может быть только время». С. 89, 90.

²⁷⁷ Там же. С. 191.

²⁷⁸ «...В стоическом „Новом мире“ их <„Мальчиков“> отвергли, как говорится, не глядя, в „Знамени“ дала от ворот поворот, даже не допустив до редакционных вершин, знаменитая редакторша Разумовская...» (*Рассадин Ст. Книга прощаний*. С. 118).

²⁷⁹ Киреев Р. Пятьдесят лет в раю // Знамя. 2006. № 3.

пока для себя новые темы – этих публикаций практически не было. Один только – симпатичный, но всего один! – рассказ «Проездом», увидевший свет опять-таки в «Юности» (1965. № 10)...

На хлеб в последнее десятилетие своей жизни Б. зарабатывал переводами по подстрочникам с узбекского, таджикского и хакасского языков. И, естественно, фрондировал, вместе с друзьями подписывая письма протеста – и против цензуры, и против нарушений социалистической законности.

Власть до поры к этим протестам относилась сравнительно снисходительно. Но когда в ответ на «процесс четырех» по делу А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и их товарищей в 1968 году протесты поднялись девятым валом, она все-таки взялась: от подписантов потребовали покаяния, угрожая в противном случае перекрыть им, как тогда выражались, кислород.

Потребовали и от Б., причем в парторганизации журнала «Юность», к какой он был приписан, ни крови, ни позора никто отнюдь не жаждал: намеревались ограничиться выговором, а Е. Сидоров, руководивший там отделом критики, предлагал и вовсе обойтись только обсуждением. Б. нужно было всего лишь со смирением принимать товарищескую критику и не возражать. Но он возразил: «Я считаю, что, подписав письмо, я поступил согласно со своей партийной и гражданской совестью». И в еще более сильных выражениях, категорически отказавшись назвать тех, кто составил и передал ему крамольное письмо, возражал на бюро Фрунзенского райкома КПСС, куда из «Юности» поступило предложение о выговоре.

Итог понятен: Б. из партии исключили единогласно, подавать апелляцию, как это сделали многие подписанты, он наотрез отказался, так что о доступе к печатному станку можно было забыть.

Он и забыл: ограничив круг своего общения только верными друзьями, работая над повестью «Самарканд», оставшейся, впрочем, недописанной.

Словом, – как сказал Н. Коржавин, – «для читателя он так и останется автором одной книги – повести „До свидания, мальчики!“»²⁸⁰.

А для истории – еще и запомнившимся примером гражданского неповиновения.

Соч.: До свидания, мальчики: Повесть, рассказы, пьеса, публицистика. М.: Сов. писатель, 1991; До свидания, мальчики!: Повесть. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019.

Лит.: Борис Балтер: «Судьей между нами может быть только время»: К столетию со дня рождения. М.: Зебра Е / Галактика, 2019.

---

²⁸⁰ Борис Балтер: «Судьей между нами может быть только время». С. 153.

Баранович Марина Казимировна (1901–1975)

Доучиться в Екатерининском институте благородных девиц Б. не успела и уже через несколько месяцев после Октябрьского переворота оказалась в Бутырской тюрьме²⁸¹. По «довольно забавной», – как она потом вспоминала, – причине: забрали некоего молодого человека, а с ним записную книжку, где среди прочих были указаны ее адрес и телефон.

«Лагерную „канализацию“, – рассказывает ее дочь Анастасия Александровна, – еще не наладили, так что приходилось либо отпускать, либо расстреливать, – шестнадцатилетнюю девочку отпустили. <...> Ну а дальше ничего забавного уже не было»²⁸².

Началась жизнь, внешними событиями отнюдь не изобиловавшая, но в духовном смысле чрезвычайно насыщенная. Б. посещает лекции А. Габричевского по искусствоведению, занимается в театральных студиях у М. Чехова и Е. Вахтангова, читает стихи в «Синей блузе» и в издательстве «Узел», где впервые встречается с Б. Пастернаком, дружит с антропософами и М. Волошиным, знакомится с М. Цветаевой, Р. Фальком, Г. Нейгаузом, М. Юдиной, Н. Мандельштам, В. Шкловским, другими людьми старой, классической культуры. А деньги на пропитание зарабатывает службою в сменявших друг друга конторах, переводами, шитьем²⁸³, сдачей донорской крови, ответами на письма, поступавшие в «Пионерскую правду», много чем еще...

И – это оказалось главным – перепечаткой на машинке. Взявшись уже после войны страница за страницей, часть за частью следовать за Пастернаком, создававшим в эти годы свой роман, а также, – опять сошлемся на воспоминания ее дочери, – уже по собственной инициативе перепечатывать

бесчисленное количество экземпляров стихов из него по мере их появления. Стихи мама сама сброшюровывала и переплетала, – эти светло-зеленые и голубые тетрадки расходились по всей Москве и за ее пределами. <...> В каком-то смысле мама оказалась одной из родоначальниц самиздата, хотя такого термина тогда еще не существовало²⁸⁴.

Пастернака Б. боготворила, так что однажды он даже обеспокоился, не влюблена ли она в него. И, – продолжим цитировать А. Баранович-Поливанову, –

когда мама рассмеявшись ответила отрицательно, он обрадовался и сказал, что боялся этого. Мама действительно была из тех, у кого каждое чувство могло показаться постороннему преувеличением и чрезмерностью. Было восторг и поклонение огромному и любимейшему поэту, так же как и у других ценителей его таланта²⁸⁵.

Сопоставимый по накалу восторг Б. пережила еще дважды. Так, прочитав в 1957 году первое русское издание А. де Сент-Экзюпери («Земля людей»), она настолько увлеклась этим писателем, что перевела почти все его книги. Что-то удалось даже опубликовать (например, «Военного летчика» в шестом номере журнала «Москва» за 1962 год; появились в печати и переведенные ею роман «Южный почтовый», что-то из публицистики и писем), но большая часть переводов разошлась по стране, как и пастернаковская «Тетрадь Юрия Живаго»: в ее машинописи и ее самодельных переплетах.

²⁸¹ О том, что представляла собою Бутырка в 1918 году, Солженицын рассказал в «Архипелаге ГУЛАГ» именно со слов Б.

²⁸² Баранович-Поливанова А. Оглядываясь назад. С. 26.

²⁸³ «Единственное, что мама вынесла из института, – блестящее знание иностранных языков, в особенности французского <...> и шила, как белошвейка; приобретенный навык сохранился на всю жизнь» (Там же. С. 14).

²⁸⁴ Там же. С. 32–33.

²⁸⁵ Баранович-Поливанова А. М. К. Баранович: Биография // Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. С. 11.

И еще одна новая, судьбоносная, как раньше говорили, встреча – А. Солженицын, с которым она и познакомилась совсем вроде бы случайно, и общалась совсем не часто, но избирательное родство возникло сразу же и уже навсегда. Во всяком случае,

в последние годы жизни, кроме небольшой полки с книгами, репродукций «Сикстинской мадонны» и «Тайной вечери» и фотографий (не считая семейных) Сент-Экзюпери и Солженицына над кроватью и еще Евангелия, всегда лежавшего на тумбочке, у нее почти ничего не было. А по поводу упомянутой карточки Александра Исаевича, то Солженицын оказался в какой-то мере прав, заявив общим друзьям после первого знакомства с мамой: «Кажется, я вытеснил из ее сердца Пастернака»²⁸⁶.

Но это в последние годы жизни, оказавшейся длинной и, наверное, все-таки счастливой. Конечно, и ее мытарили, и она знавала нужду, и ее таскали на допросы в середине 30-х, в конце 40-х, во второй половине 60-х. И только «чудом, – говорит Анастасия Баранович-Поливанова, – в нашей семье никто не погиб в тюрьме или лагере <...> все держалось на волоске, но она осталась на свободе»²⁸⁷.

И, оставшись на свободе, прожила эту жизнь так, как должно, – в ладу со своим нравственным законом, ни на день не покидая тот круг, о котором можно прочесть у Пастернака и в романе, и в стихах:

*Мы были музыкой во льду.
Я говорю про ту среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.*

Соч.: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. М.: МИК, 1998.

Лит.: Баранович-Поливанова А. Оглядываясь назад. Томск: Водолей, 2001.

---

²⁸⁶ Баранович-Поливанова А. Оглядываясь назад. С. 181.

²⁸⁷ Там же. С. 114.

Баркова Анна Александровна (1901–1976)

С восьми лет, – если судить по позднейшим воспоминаниям Б., – ею владела «одна мечта о величии, славе, власти через духовное творчество»²⁸⁸.

Честолюбие, как видим, зашкаливало уже в начале жизни. Зашкаливало и чувство обиды на весь Божий мир и Божий замысел. Еще в гимназии, униженная хотя бы тем, что в ней же служил швейцаром ее отец²⁸⁹, Б. зачитывается Достоевским, Ницше, Пшибышевским, «проклятыми поэтами», а вместо сочинения на вольную тему подает учителям «Признания внука подпольного человека».

Возможно, в другое, более спокойное время ей удалось бы перерасти, изжить свои подростковые комплексы. Но в Иваново-Вознесенск приходит революция, понятая как очистительная гроза, как возможность отомстить всем и сразу, поэтому Б., оставив гимназию, облачается в пролетарскую блузу и под псевдонимом Калика Перехожая начинает сотрудничать с местной газетой «Рабочий край». Появляются стихи, которые А. Воронский, редактировавший тогда газету, с самыми лестными характеристиками переправляет А. Луначарскому, и тот, заинтригованный донельзя, приезжает в Иваново-Вознесенск, чтобы лично познакомиться с «пролетарской Ахматовой», а в 1921-м приглашает ее в Москву.

Так что Б., став одним из секретарей наркома просвещения, на два года поселяется в его кремлевской квартире: ее стихи успевает заметить даже А. Блок, известность растет, выходит первый, оказавшийся единственным, сборник стихов «Женщина» (1922) с предисловием Луначарского, который вполне допускает, что «товарищ Баркова делается лучшей русской поэтессой за все пройденное время русской литературы».

Все, словом, более чем отлично. Однако натуру прирожденной строптивницы не изменить: переписываясь с подругами, Б. в самых саркастических тонах рассказывает о шокирующем ее быте кремлевских обитателей, а в одном из писем и вовсе признается в мечте поджечь эту квартиру.

Но ведь квартира не где-нибудь, а в Кремле! Перлюстрированное письмо кладут на стол Луначарскому – и Б. оказывается на улице: «Сгорела жизнь в одну неделю. / Поднять глаза неумоготу. / Какою жгучею метелью / Меня умчало в пустоту?»

Времена, впрочем, стоят еще сравнительно вегетарианские, поэтому сердобольная М. Ульянова даже пристраивает Б. на какое-то время в «Правду», стихи идут в «Красной нови», «Новом мире», «Красной ниве», «Печати и революции», включаются в престижную антологию «Русская поэзия XX века», составленную И. Ежовым и Е. Шамуриным. Но гордыня и неуживчивость держат Б. вдали от тогдашнего литературного сообщества, ее отношение к совдеповской действительности становится все непримиримее, а разговоры все несдержаннее.

И вот результат: за прочитанное соседке стихотворение с неприязненной оценкой Сталина Б. в декабре 1934 года арестовывают. Она будто предвидела свою судьбу и еще в 1921-м, отвечая на очередную анкету, заметила, что для поэта «быть может, лучшая обстановка – каторга», а 2 марта 1935-го уже из Бутырки обратилась к наркому внутренних дел Ягоде с просьбой: «В силу моего болезненного состояния и моей полной беспомощности в практической жизни наказание в виде ссылки, например, будет для меня медленной смертью. Прошу подвергнуть меня высшей мере наказания»²⁹⁰.

²⁸⁸ Баркова А. Из записных книжек 1956–1957 годов // Баркова А. Избранное: Из гулаговского архива. С. 246.

²⁸⁹ «Мой отец был швейцаром, что от лакея недалеко», – сказано в письме К. Соколовой от 1 марта 1923 года (Баркова А. «Жить можно только с огромной верой в себя и огромной любовью к себе» // Вопросы литературы. 1997. № 6. С. 309).

²⁹⁰ См.: Баркова А. Избранное: Из гулаговского архива. Иваново, 1992.

Ее тем не менее не расстреляли, раз за разом подвергая вот именно что медленной смерти: Карлаг в 1935–1940 годах, затем, после нескольких лет на свободе, когда Б. работала уборщицей, бухгалтером, ночным сторожем в Калуге и там пережила месяцы фашистской оккупации, в 1948-м новый приговор к 10 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет.

Инта, потом, еще ближе к Полярному кругу, Абезь... И все по доносам, только за стихи, за разговоры.

Освободившись в 1956 году, Б. переезжает от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей в поселок Штеровка под Луганском, где уже 13 ноября 1957 года ее, вместе с сокамерницей В. Санагиной, арестовывают в третий раз. И опять за то же, и новый приговор на 10 лет, которые она отбывает в Сиблаге, потом в Озерлаге и наконец в мордовской Потьме.

Реабилитируют Б. только 15 мая 1965 года, и лето она проводит в той же Потьме, в Zubovo-Полянском доме инвалидов, с тем чтобы при содействии, – как рассказывают, – А. Твардовского и К. Федина осенью вернуться в Москву. Ей выхлопотали комнату в коммуналке²⁹¹, ее приняли в Литфонд, обеспечив хотя какой-то пенсией, а вот стихи... О публикации стихов по-прежнему не может быть и речи, и Твардовский, которому Б. отсылает поэму «Цементный истукан» про то, как Сталин, сходя с пьедестала, преследует бывшего зека, на ее письмо даже не ответил, поручив, – по словам Л. Аннинского, – отказать сотрудникам.

Но созданы уже антиутопии в прозе (повести «Как делается луна», «Восемь глав безумия»), но пишутся по-прежнему стихи, и самооценка Б., как в юности, высока – так, отвечая на слова одной из редких читательниц, что ее стихи не хуже ахматовских, она лишь усмехнулась: «Не хуже Ахматовой? Это для меня не комплимент».

Вот и выходит, что только вера в себя, в свое предназначение ее и держала, видимо, на этом свете. И еще, конечно, желание передать потомкам свой страшный опыт и свое трагическое миропонимание.

Стать выше ненависти? Стать выше 30 лет своего рабства, изгнания, преследований, гнусности всякого рода? Не могу! Я не святой человек. Я – просто человек. И только за это колесница истории 30 лет подминала меня под колеса. Но не раздавила окончательно. Оставила сильно искалеченной, но живой²⁹².

Так сказано в одном из поздних писем. Но и в стихах о том же: «Эта книга – раскаленный уголь, / Каждый обожжется, как прочтет!»

Прочли Б. – благодаря трудам, прежде всего, Л. Таганова, других ивановских литературоведов – уже много лет спустя после одинокой кончины поэта. Книги Б. и теперь издаются, правда не часто, но они доступны, и каждому, для кого это важно, откроется еще и эта строптивая, эта смятенная душа:

*Вы, наверно, меня не слыхали.
Или, может быть, не расслышали.
Говорю на коротком дыханье,
Полузадушенная, осипшая.*

²⁹¹ «Я была у нее два раза, – вспоминает Т. Лежепекова-Кузько. – Комната ее была небольшой, темноватой, с одним окном, смотрящим в стену соседнего дома, да еще с решеткой. Обстановка предельно скупа: скромная кровать, жесткий, красного дерева, диван, подаренный, как сказала она, дочерью артиста Царева, посередине – небольшой стол. В небольшом холодильнике с раскрытой дверцей – книги, на подоконнике – книги и даже на полу – стопки книг» (Лежепекова-Кузько Т. Мемуарные миниатюры // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 245).

²⁹² Цит. по: Евтушенко Е. Поэт в России – больше, чем поэт. Т. 5. С. 112.

«Расслышат ли, – спрашивает современный исследователь, – Баркову в наступившем столетии? Кто знает»²⁹³.

Соч.: Избранное: Из ГУЛАГовского архива. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1992; «... Вечно не та». М.: Фонд Сергея Дубова, 2002; Восемь глав безумия: Проза. Дневники. М.: Фонд Сергея Дубова, 2009.

Лит.: Таганов Л. «Прости мою ночную душу...»: Книга об А. Барковой. Иваново: Талка, 1993; Бремо К. Анна Баркова: Голос из бездны. Иваново: Изд-во Ивановского ун-та, 2011; Качалова Л. Творчество Анны Барковой 1920–30-х годов в культурной парадигме эпохи. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

---

²⁹³ Таганов Л. Сто лет одиночества // Новый мир. 2001. № 6.

Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975)

Основные труды Б. были написаны задолго до Оттепели. Написаны и, как ему казалось, почти никем не прочитаны. К концу 1950-х он уже обвыкся в Саранске, мирно читал лекции и, дожидаясь скорого выхода на пенсию, заведовал кафедрой в местном университете. Поэтому как же, должно быть, Б. был изумлен, когда в ноябре 1960 года получил письмо, где В. Кожин от своего имени и «от имени связанной совместной работой и дружбой группы молодых литературоведов» (С. Бочаров, Г. Гачев, П. Палиевский, В. Сквозников) мало того что назвал его работы имеющими «поистине всемирное научное значение», так еще и запросил сведений для посвящаемой ему статьи в первом томе «Краткой литературной энциклопедии», а также сообщил, что журнал «Вопросы литературы» будет счастлив опубликовать любое новое ли, давнее ли бахтинское сочинение.

Смущенный донельзя Б. в ответном письме, датированном 26 ноября, от чести попасть в энциклопедию попытался было мягко отказаться:

Помещение такой статьи обо мне выглядело бы неоправданным и даже странным, так как опубликованные мои работы не дают для этого достаточных оснований, а то, что по тем или другим причинам находится под спудом, вообще не подлежит обсуждению.

И к предложению вернуться к активной научной деятельности он поначалу готов тоже не был, ибо, – сказано им в письме от 30 июля 1961 года, – привык уже находиться «в состоянии мрачного и тупого бездействия».

Однако В. Кожин, в особенности после поездки вместе с Г. Гачевым и С. Бочаровым в Саранск летом 1961-го, проявил себя не только напористым, но еще и талантливым продюсером, развернув беспрецедентную в своем роде войсковую операцию по утверждению скромного кандидата наук из Мордовии в роли национального гения и чуть ли не публичной знаменитости²⁹⁴.

Он и в престижной «КЛЭ» биобиблиографическую статью-справку о «саранском затворнике» пробивает²⁹⁵. И под письмом о необходимости срочного выпуска «Проблем творчества Достоевского» собирает подписи трудно совместимых друг с другом Л. Гроссмана, В. Ермилова, В. Виноградова, А. Долинина, В. Кирпотина, Л. Тимофеева, Л. Пинского, Б. Рюрикова, В. Шкловского. И чтобы ускорить движение заявки в издательстве «Советский писатель», подговаривает своего приятеля – итальянского филолога-коммуниста В. Страда – припугнуть совпосовское начальство тем, что миланское «Эйнауди» эту книгу будто бы вот-вот издаст²⁹⁶. И несет наконец в «Литературную газету» составленное им письмо, где К. Федин, академик В. Виноградов и переводчик Н. Любимов решительно настаивают на скорейшем издании «выдающе-

---

²⁹⁴ По воспоминаниям Д. Урнова «как тараном пользуясь авторитетом своего тестя, В. В. Ермилова, Вадим пробивал стену бюрократических препон, теснил амбиции влиятельных лиц <...>. А Владимир Владимирович ради дочери слушался его, а заодно патронировал и нам» (Вадим Кожин: Сто рассказов о великом русском. С. 59).

²⁹⁵ Как указывает С. С. Кунаев, эта «статья появилась анонимно (по неизвестным и доселе непонятым причинам). Авторство Кожина долгое время оставалось не выявленным» (Кунаев С. Вадим Кожин // Наш современник. 2020. № 2. С. 238).

²⁹⁶ «Тогда, – вспоминает В. Кожин, – он на самом деле еще не собирался ее издавать, только в 1968 году, а тогда шел 1961 год. Но он выполнил мою просьбу. Тогда началось некое бюрократическое движение. Я пробрался к директору издательского агентства и напугал его, сказал, что рукопись Бахтина находится уже в Италии. (Она и правда была в Италии.) Мол, ее там издадут и будет вторая история с Пастернаком, которая тогда была еще свежа в памяти. Представьте себе, этот высокопоставленный чиновник очень испугался и спросил меня, что же делать. На что я сказал, что книга Бахтина сейчас лежит в издательстве Советский писатель без движения. <...> И я ему протягиваю уже составленное письмо в издательство, в котором он в довольно решительной форме настаивает на том, чтобы книга была немедленно издана. Он тут же вызвал секретаршу, велел перепечатать на бланке. <...> Уже через три дня Бахтин получил официальное приглашение к публикации книги» (Кожин В. Михаил Михайлович Бахтин // <http://pereplet.ru/text/bahtin105.html>).

гося исследования о Рабле, принадлежащего одному из интереснейших наших литературоведов – Михаилу Михайловичу Бахтину» (23 июня 1962 года).

Итог известен – книга о Достоевском с чуть измененным названием и в новой редакции выходит в 1963 году, книга о Рабле – в 1965-м²⁹⁷, и даже С. Михалков от лица Московской писательской организации поддерживает ее выдвижение на соискание Государственной премии СССР (1966)²⁹⁸.

Сам Б. в этих хлопотах, разумеется, не участвует. Но «состояние некоторой депрессии и апатии»²⁹⁹ у него напрочь уходит, творческое вдохновение возвращается, и он не только перерабатывает заготовки прежних лет, но и пишет новые труды, становясь после публикации программной статьи «Слово в романе» (1965. № 8) одним из центральных авторов журнала «Вопросы литературы».

И, это тоже очень важно, Б. знакомится с книгами новых для себя писателей (А. Солженицына³⁰⁰, Б. Слуцкого³⁰¹, иных многих), ведет интенсивную переписку, принимает паломников. Среди них прежде всего нужно назвать В. Турбина, который, впервые побывав в Саранске летом 1962 года, добровольно берет на себя обязанности, – как он шутит, – бахтинского «ординарца»³⁰².

...Ужасно не хотелось бы, чтобы вокруг Вас, как вокруг Льва Николаевича Толстого, начали кипеть какие-то страсти и обиды, – пишет он Б. 22 сентября 1963 года. – Мне кажется, что внутри младшего поколения все хорошо стабилизировалось: Вадим <Кожин> проталкивает, Сергей <Бочаров> редактирует, а я хлопочу с чайником и плиткой, исполняя роль расторопного завхоза, – так сказать, «личарда верный». Вокруг нас, проталкивающих, редактирующих и хлопочущих по хозяйству, щебеча, суетятся миловидные девушки и дамы, придавая всему необходимый лирический беспорядок и оттенок уюта...³⁰³

Идет, словом, продолжившись уже и в Москве, живое общение, которого Б. долгие десятилетия так недоставало. И как-то сама собою образуется, – уже без всяких шуток заметил Г. Гачев, – своего рода «живая церковь»³⁰⁴, где в цене не только философские прозрения Учителя, но и реплики, брошенные им мимоходом, словно бы между делом³⁰⁵. Среди них каждый, разумеется, выбирает свое, то, что ему на душу ложится. Скажем, А. Журавлева запоминает, что

²⁹⁷ На вопрос И. Уваровой: «Правда ли, Вадим, что книга о Рабле вышла в свет с твоей легкой руки?» – В. Кожин ответил: «Да <...>, это моя индульгенция, за эту книгу мне на том свете грехи простятся» (*Уварова И. Даниэль и все все все. С. 104*).

²⁹⁸ В документе, подписанном С. Михалковым, сказано, что книга Б. – «замечательный, оригинальный вклад в обширную литературу, созданную усилиями многих известных исследователей жизни и творчества знаменитого французского писателя. М. Бахтин ярко и убедительно раскрыл народные, демократические основы творчества Ф. Рабле, непреходящую ценность его сатирических произведений» (цит. по: *Огрызко В. А судьи кто. С. 289*).

²⁹⁹ Из письма В. Кожину от 30 мая 1964 года.

³⁰⁰ «Повесть Солженицына я прочитал с истинным наслаждением, – сказано в письме, которое Б. отправил В. Кожину. – Произведение очень значительное и лишенное фальши. Но мне трудно себе представить дальнейший путь Солженицына» (цит. по: *Наш современник. 2020. № 5. С. 240*).

³⁰¹ И еще из одного письма В. Кожину: «Очень благодарен Вам за стихи Слуцкого. Я их читаю и перечитываю. Они очень сильные и очень мрачные. Во всяком случае, это настоящая поэзия» (цит. по: *Наш современник. 2020. № 3. С. 253*).

³⁰² «Я хорошо помню, – рассказывает А. Черняков, в ту пору студент филфака МГУ, – как на первом после этой поездки семинаре Турбин своим негромким голосом как-то даже немного смущенно сказал нам: „А я, кажется, нашел своего учителя...“».

³⁰³ Знамя, 2005. № 8.

³⁰⁴ Цит. по: *Коровашко А. Михаил Бахтин. С. 438*.

³⁰⁵ «Михаил Михайлович, – по свидетельству А. Чернякова, – имел обыкновение говорить отдельными репликами, он в обычном разговоре не был склонен к произнесению больших монологов» (*Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2016. С. 129*).

«от Горького распространившееся презрительное отношение к мещанству совершенно несправедливо и бессмысленно», так как «именно этот массовый человек есть хранилище исторического опыта существования человечества»³⁰⁶. А вот В. Кожин утверждает, будто именно бахтинские «проговорки» подтолкнули его к мысли о корневом и неустранимом различии между русской и еврейской ментальностями.

С годами ученики Б., уже и тогда настороженно присматривавшиеся друг к другу («В Москве, – свидетельствует И. Уварова, – говорили – почвенники намерены сделать из Бахтина свое знамя»)³⁰⁷, разойдутся совсем уж круто. Но пока они вместе – и в стремлении поверить реальность культуры идеями Б., и в попытках хоть как-то облегчить жизнь стареющего учителя, вырвать его, в частности, из неуютной саранской среды.

И здесь тоже род войсковой операции, втянувшей в себя самых разных людей. Б., в ту пору еще даже не члену Союза писателей³⁰⁸, добывают, начиная с 1963 года, путевки на лето в Дом творчества «Малеевка». Благодаря И. Андроповой, одной из студенток В. Турбина, к хлопотам удастся подключить даже могущественного председателя КГБ СССР, так что в 1969 году «неслабым, – как говорит С. Бочаров, – манием руки Андропова» Б. с супругой «семь месяцев провели в закрытой Кунцевской больнице»³⁰⁹.

Тут бы, казалось, все тем же «манием руки» выдать наконец Б. жилье в столице и московскую прописку³¹⁰. Однако то ли власти у Андропова не хватило, то ли он отвлекся на другие занятия, но прямоком из шикарной кремлевской клиники Б. перевозят в дом престарелых в подмосковном Климовске, и перспективы выглядят столь удручающими, что Ю. Лотман в сентябре 1970 года всерьез – «грех нам, что Бахтин так живет» – обдумывает планы забрать беспомощного и безденежного Б. в Тарту, с тем чтобы вскладчину, «добровольно отяготив себя сбором 10 р. в месяц», оплачивать для него съемную квартиру вместе с медицинским и бытовым обслуживанием³¹¹.

Кто знает, могло бы и срастись, однако 14 декабря 1971 года Е. Бахтина, верная спутница мыслителя, скончалась. Б. несколько месяцев проводит в переделкинском Доме творчества, пока – уже после составленного Вяч. Вс. Ивановым письма К. Федина председателю исполкома Моссовета В. Промыслову – в конце июля 1972 года не получает наконец разрешение на прописку, а в сентябре не переселяется в купленную за свой счет однокомнатную квартиру в кооперативе «Советский писатель»³¹².

Жить ему оставалось два с половиной года – в болезнях, но и в ореоле славы, ставшей к этому времени благодаря переводам на десятки языков действительно всемирной.

Соч.: Собр. соч.: В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 1996–2011.

³⁰⁶ Журавлева А. М. М. Бахтин (впечатления) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 2.

³⁰⁷ Уварова И. Даниэль и все все все. С. 101.

³⁰⁸ Членский билет он получит только в 1970 году.

³⁰⁹ Бочаров С. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 472. «В Кунцеве, – вспоминает В. Турбин, – на одном этаже – Анастас Микоян, на другом – Бахтин Михаил Михайлович и Елена Александровна, супруга его. Лежат, лечатся в огромной светлой палате. Нещадно курят. Семь месяцев пробыли там» (Турбин В. Михаил Бахтин или Павка Корчагин? // Литературная газета. 1991. 8 мая).

³¹⁰ См. явно фейковую версию, изложенную Ю. Семеновым в романе «Тайна Кутузовского проспекта» (1990): «Сын и дочь принесли Андропову книги Бахтина – дворянин, репрессированный, ютился в каком-то крохотном городишке, жил впроголодь. Андропов прочитал книгу Бахтина в воскресенье, а в понедельник приказал найти квартиру для писателя: „Нельзя же так разбрасываться талантами, это воистину великий литературовед“. Позвонили от Суслова (непонятно, кто настучал?!); разговор с Михаилом Андреевичем был достаточно сложным, главный идеолог считал Бахтина опасным, чересчур резок в позиции, бьет аллюзиями. Андропов, однако, был непреклонен: „Михаил Андреевич, я подчинюсь лишь решению секретариата ЦК, речь идет о выдающемся художнике, не так уж у нас много таких“».

³¹¹ См. письмо Ю. Лотмана Б. Успенскому от 29 сентября 1970 года (Лотман Ю. Письма. С. 512).

³¹² Подробно о переезде Бахтиных в Москву см.: Осовский О., Дубровская С. Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 191–215.

Лит.: *Конкин С., Конкина Л.* Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1993; *Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным.* М.: Прогресс, 1996; *Бочаров С.* Об одном разговоре и вокруг него; Событие бытия: М. М. Бахтин и мы в дни его столетия // *Бочаров С.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 472–520; Михаил Бахтин: pro et contra: В 2 т. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002; *Чудаков А.* Диалоги с Бахтиным; М. М. Бахтин о «Поэтике Чехова» // Александр Павлович Чудаков: Сборник памяти. М.: Знак, 2013. С. 166–190; *Коровашико А.* Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017. («Жизнь замечательных людей»).

Безыменский Александр Ильич (1898–1973)

Над своим самым знаменитым стихотворением «О шапке», напечатанным 9 апреля 1923 года в «Правде», Б. поставил двойное посвящение «Троцкому. Молодежи» и получил благодарный отклик.

Как от комсомола, взявшего своим гимном «Молодую гвардию», переведенную Б. с немецкого языка, и избравшего его делегатом всех своих съездов, а в 1926 году даже удостоившего званием почетного комсомольца, так и от Троцкого, который в предисловии к сборнику «Как пахнет жизнь» (1924) и первому изданию стихотворной эпопеи «Комсомолия» (1924)³¹³ именно Б., а отнюдь не Маяковского признал лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи: «Из всех наших поэтов, писавших о революции, по поводу революции, Безыменский наиболее органически к ней подходит, ибо он от ее плоти, сын революции, Октябrevич»³¹⁴.

Соревнования с Маяковским, снисходительно сравнившим стихи соперника с «морковным кофе», Октябrevич, впрочем, не выдержал, как и сам Троцкий не устоял в схватке со Сталиным. Первое «Собрание сочинений» Б. появилось, однако же, еще в 1926 году, его книжки шли бурным потоком, их суммарный тираж скоро превысил миллион экземпляров, и – выразительное подтверждение успеха – не на чьи-нибудь, а именно на его стихи Шостаковичу в 1927 году поручили написать Вторую симфонию «Посвящение Октябрю»³¹⁵.

Что же касается ампула «любимца Троцкого», которое кому угодно могло бы стоить жизни, то, – рассказывает Соломон Волков, –

когда в 1929 году в его сатирической пьесе «Выстрел» (музыку к ленинградской премьере которой написал Шостакович) бдительные товарищи усмотрели выпады против Сталина, автор обратился к самому вождю за защитой и получил от него индульгенцию: «Выстрел», написал Безыменскому Сталин, можно считать образцом «революционного пролетарского искусства для настоящего времени»³¹⁶.

Так что Б., хоть и не был никогда удостоен Сталинской премии, не то что репрессиям, но даже и поношениям в печати не подвергался: пространно и мирно писал себе в рифму о Ленине, о Дзержинском, о ДнепроГЭСе, в годы войны служил спецкором газет «За честь Родины» и «Во славу Родины», а после войны в «Гневных строках» (1949) и в «Книге сатиры» (1954) успешно изобличал как отдельные негативные явления в нашей жизни, так и, разумеется, происки международного империализма.

И в 50-е, и в 60-е книги Б. по-прежнему продолжали бесперебойно выходить, «Вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе» по-прежнему привычно звучало по радио и на всех парадных сборищах, а сам Б. («Волосы дыбом, зубы торчком. Старый мудак с комсомольским значком», – как припечатал его Сергей В. Смирнов) постепенно становился все более и более никому не нужным. Отличившись в годы оттепели лишь единожды – выступлением на писательском собрании 31 октября 1958 года, где заявил, как и все, что «Пастернак своим поганым романом и своим поведением поставил себя вне советской литературы и вне советского общества».

Итог... Его на склоне дней подвел сам Б. то ли автоэпиграммой, то ли автоэпитафией:

³¹³ См. комментированное репринтное переиздание 1928 года: «Комсомолия» Телингатера/Безыменского. Шедевр конструктивизма и запрещенный бестселлер. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2018.

³¹⁴ Цит. по: *Фрезинский Б.* Писатели и советские вожди. С. 478.

³¹⁵ «...» получил стихи Безыменского, которые меня очень расстроили. Очень плохие стихи. Но все же я сочинять начал», – написал Шостакович своему другу Болеславу Яворскому (цит. по: *Хентова С.* Шостакович. Т. 1. С. 186).

³¹⁶ *Волков С.* Шостакович и Сталин: художник и царь. М.: Эксмо, 2006. С. 168–169.

*Большой живот и малый фаллос –
Вот всё, что от меня осталось...*

Хотя осталось, впрочем, и от Б. одно сочинение, которое до сих пор нравится, кажется, всем – еще в 1935 году переложенная им на русский язык французская песенка «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...».

Вот кто бы мог подумать?

Соч.: Избр. произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989.

Лит.: Пресняков О. Поэт из страны Комсомолия: Об А. Безыменском. М.: Сов. писатель, 1964.

Бек Александр Альфредович (1903–1972)

Б. называл себя «беседчиком». «Он, – вспоминает А. Кондратович, – вообще любил слушать и спрашивать»³¹⁷, хотя не сразу понял, что это тоже дар, пусть особого рода, и что этот дар можно превратить в профессию.

Сын царского полковника медицинской службы, Б. в 16-летнем возрасте вступил в Красную Армию, там в дивизионной газете начал печататься, потом немножко поучился на университетском истфаке в Екатеринбурге, поработал на кожевенном заводе в столице, под диковинным псевдонимом «Ра-Бе» (то ли рабочий Бек, то ли ребе) сотрудничал как рабкор с «Вечерней Москвой» и «Правдой», занимался даже литературной критикой: «Представляете, я был еще левее РАППа!»³¹⁸.

Выпустил в общем пару брошюр и (в соавторстве с первой женой Л. Тоом) книжку по социологии чтения «Лицо рабочего читателя» (М.; Л., 1927), но всё как-то без азарта, без вдохновения. Пока в 1931 году не оказался в орбите горьковского проекта «История фабрик и заводов»: стал ездить в Кузбасс и Донбасс, записывать рассказы ударников и командиров производства и – вот где дар впервые пригодился – научился, по словам В. Шкловского, «вскрывать людей как консервные банки»³¹⁹.

Все его наиболее заметные книги так либо иначе основаны на мастерской работе с чужим словом, с устными воспоминаниями, а случалось и исповедями доверившихся ему людей. Такова даже биографическая повесть о покойном к тому времени основателе школы русских доменщиков М. К. Курако, первоначально опубликованная в «Знамени» (1934. № 5), а потом в трансформированном виде (почему-то под псевдонимом И. Александров и при участии А. Григорьева) не раз издававшаяся в серии «Жизнь замечательных людей» (1939, 1953, 1958).

Я исподволь распутывал узлы и узелочки, – писал Б. в дневнике, – находил сведущих людей, выпрашивал, сказанное одним проверял у других, собирал, накапливал подробности, действовал по испытанной своей методике, для которой все не придумаю определения. Следовательская? Исследовательская?³²⁰

Таким «беседчиком» Б. и на фронте был. Товарищи по «писательской роте» московского ополчения охотно вспоминают о нем, как о «бравом солдате Бейке» – вроде бы глубоко штатском очкарике, смешном и чудаковатом, чуть ли не недотепистом. Однако, – как рассказывает служивший с ним Б. Рунин, – «он мог с самым наивным видом подсесть к любому товарищу по роте и, настроив его своей намеренной детской непосредственностью на полную откровенность, завладеть всеми помыслами доверчивого собеседника...»³²¹.

Так с солдатами. Но так же, уже осенью 1941 года вооружившись корреспондентским удостоверением «Знамени», Б. вел себя и с командирами. Сутки в декабре провел, ни на шаг не отходя от полковника Афанасия Белобородова, оборонявшего ближние подступы к Москве, и все, что он увидел, что услышал и запомнил, стало повестью «День командира дивизии». Сблизился с комбатом Баурджаном Момыш-Улы, и вышла повесть «Панфиловцы на первом

³¹⁷ Антонов С., Кондратович А., Воробьев Е., Ваниненин К., Бек Т. Он любил слушать и спрашивать: Вспоминая Александра Бека // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 247.

³¹⁸ Бек Т. Перечитывая отца. Александр Бек // <http://www.c-cafe.ru/days/bio/41/bek.php>.

³¹⁹ См.: Бек А. Почтовая проза // Бек А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 159.

³²⁰ Бакланов Г. Мученики догмата // Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. Цит. по: <https://biography.wikireading.ru/20806>.

³²¹ Рунин Б. Записки случайно уцелевшего. С. 278. «Бек, – подтверждает С. Антонов, – так мог своей „наивностью“ заставить открыться человека, что тот открывал ему все тайное тайных» (Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 245).

рубеже» (Знамя. 1943. № 5–6), которая, прирастая продолжениями и боковыми сюжетами, стала первой частью книги «Волоколамское шоссе».

Ее и в войсках читали, и переиздали более сорока раз, и перевели позднее на десятки языков, и изучали на офицерских курсах и в военных академиях разных стран, но ни Сталинской премии Б. не получил, ни орденов, как другие военкоры. Возможно, еще и потому, что слишком безыскусным, на первый взгляд, казалось повествование Б., открывавшееся фразой: «В этой книге я всего лишь добросовестный и прилежный писец».

Генерал Белобородов эту безыскусность – синоним правды – оценил по достоинству и на рукописи очередного бековского очерка, задержанного военной цензурой, не только наложил резолюцию: «Все правильно, так командовал, как здесь написано», – но и заверил свою подпись дивизионной печатью. Тогда как, – по словам А. Рыбакова, –

Момыш-Улы, которого Бек прославил на весь мир, стал его злейшим врагом. Он считал себя соавтором «Волоколамского шоссе». Он измучил Бека экспертизами и тому подобными вещами, отнимавшими у писателя время и рвавшими ему душу³²².

С романом «Талант» («Жизнь Бережкова») того хуже. Когда он, начатый еще до войны, был в 1948 году предложен к печати в «Новом мире», прототип главного героя – конструктор авиационных двигателей генерал А. А. Микулин обвинил писателя в клевете и в случае публикации пообещал ему ноги переломать, а редакцию разогнать к чертовой матери. Пошли, – как тогда говорили, – «сигналы», так что «вето на публикацию „Жизнь Бережкова“ накладывал сам Л. Берия»³²³, и в свет она прорвалась только через восемь лет, после смерти могущественных заступников Микулина.

И, наконец, «Сшибка», как в первоначальной редакции назывался роман, в главном герое которого угадывался сталинский нарком И. Ф. Тевосян. К октябрю 1964 года, когда «Новый мир» одобрил рукопись, Тевосян был уже покоен, так что в бой за поруганные, как ей показалось, честь и достоинство своего мужа вступила его жена – «старая партийка» О. Хвалебнова. «Она, – свидетельствует один из руководителей Отдела культуры ЦК А. Беляев, –

подняла на ноги всех, она написала письмо министру черной металлургии, его заместителям, крупным хозяйственникам-металлургам, ученым, предсовмина Косыгину, члену Политбюро ЦК КПСС А. Н. Кириленко, ведавшему вопросам развития этой области промышленности, она написала и руководителю КПСС Л. И. Брежневу...³²⁴

Итог? Б. шесть раз менял название романа – со «Сшибки» на «Новое назначение», предложенное А. Твардовским, потом на «Онисимова», на «Историю болезни», на «Солдата Сталина», на «Человека без флокенов». Б. вписывал в текст сцены теперь уже с участием Тевосяна, названного по имени, а самые рискованные удалял... И «Новый мир» сначала при А. Твардовском, потом при В. Косолапове сражался вместе с ним, да и с «Москвой», куда Б. попытался предложить крамольный роман, тоже ничего не вышло³²⁵. Всё впустую, пока его текст, бродивший в самиздате и к тому времени известный едва ли не всем столичным литераторам, не проник на Запад.

Понимая, что публикация в одиозном издании НТС кладет крест на дальнейших попытках напечатать роман на родине, Б. встревожился, и, – вспоминает В. Лакшин, – «принес

³²² Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 238–239.

³²³ Там же. С. 239.

³²⁴ Беляев А. На Старой площади // Вопросы литературы. 2002. № 3.

³²⁵ См.: Взгляд: Критика. Polemika. Публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 427.

письмо в „Лит. газету“ – неловкое, наивное, с протестом против публикации в „Гранях“»³²⁶. Дело, однако, было сделано, и слава Богу, ибо, – свидетельствует Б. Рунин, –

умирающий Бек все-таки держал эту свою книгу в руках, правда, вышедшую не в Москве, а в Мюнхене, но ведь книгу! А принес ее Беку в больницу (об этом мало кто знает) не кто иной, как тогдашний оргсекретарь Московского отделения Союза писателей Виктор Ильин, бывший генерал КГБ, сам просидевший несколько лет на Лубянке³²⁷.

И пройдут еще годы, прежде чем Г. Бакланов поставит «Новое назначение» в первый же номер, который он подписал как главный редактор журнала «Знамя» (1986. № 10), а посвященная разбору этого романа статья Г. Попова «С точки зрения экономиста» (Наука и жизнь. 1987. № 4) станет читаться как один из первых бестселлеров перестройки.

Теперь, когда из жизни ушла Т. Бек, много сделавшая для сохранения памяти о своем отце, вспоминают его реже, чем он того заслуживает. Но собрание сочинений выпущено, персональный сайт <http://alexanderbek.ru/> работает, «Волоколамское шоссе», «Новое назначение», да и другие книги Б. выходят.

Значит, есть на свете и справедливость. Жаль только, что сам Б. в этом уже не убедится.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1991–1993; М.: ПЕН-центр, 1991; Волоколамское шоссе: Роман. М.: Вече, 2019.

---

³²⁶ Лакиши В. После журнала: Дневник 1971 года // Дружба народов. 2004. № 11. С. 138.

³²⁷ Рунин Б. Записки случайно уцелевшего. С. 112.

Белинков Аркадий Викторович (1921–1970)

В отличие от многих и многих сверстников, Б. в детстве и отрочестве горя не знал: рос среди книг в обеспеченной еврейской семье, где «никого не раскулачили, никого не лишили, никого не арестовали»³²⁸, набрал еще школьником фантастическую эрудицию, с блеском поступил в ИФЛИ (1939), откуда перешел в Литературный институт в семинар И. Сельвинского (1940) и, по причине врожденного порока сердца, не попал даже в действующую армию.

В общем личных причин ненавидеть советскую власть у него не было. А он ее с младых ногтей ненавидел или, скажем лучше, презирал – как аристократы духа презирают хамов, возомнивших себя хозяевами жизни.

И скрывать свое презрение Б. не считал нужным. Поэтому 30 января 1944 года за ним пришли.

Почему? Потому что он был неводержан в разговорах. Потому что в противовес социалистическому реализму придумал свой художественный метод – «необарокко». И потому что в качестве дипломной работы намеревался предложить «Черновик чувств»³²⁹ – роман вроде бы еще без прямых политических деклараций, но прочитывавшийся, – свидетельствует В. Саппак, одноклассник Б., – как сочинение «внутреннего эмигранта»³³⁰.

Б., приговоренному за все это к восьми годам лагерей³³¹, тут бы образумиться. Но он и в Карлаге, таясь и все-таки не сумев укрыться от «всевидящего глаза», продолжил писать – рассказ «Человечье мясо», пьесу «Роль труда», вступительную главу к роману «Россия и Черт», где, – процитируем его признательные показания на допросе, – «клеветнически утверждал, что Советская власть – дрянь», и «самое страшное не в том, что убийцы захватили власть в государстве, а то, что народу они свои, родные и любимые...»³³²

Так что приговор от 28 августа 1951 года еще строже – 25 лет ИТЛ с последующим поражением в правах, и вряд ли Б. дожил бы до конца срока, но грянул реабилитанс, и пусть не в первых рядах, а только 16 июня 1956 года его, «учитывая состояние здоровья», все-таки выпустили³³³.

Б. вернулся в Москву, получил-таки диплом Литинститута, некоторое время даже преподавал в нем, но за прозу больше почти не брался, сосредоточившись отныне на исследовании писательских судеб. Писал внутренние рецензии для «Нового мира», составлял биографические статьи для «Краткой литературной энциклопедии», и в их числе (совместно с О. Михайловым) очерк об А. Блоке (1962)³³⁴, а главное – поздней осенью 1960 года выпустил книгу «Юрий Тынянов».

Антисоветский дух и в ней чувствовался, и написана она была на грани проходимости, но все же пока еще на грани, с использованием всех наличных средств иносказания, поэтому

³²⁸ Цит. по: Белинков А. Сдача и гибель советского интеллигента. С. 6.

³²⁹ Как рассказывает Н. Белинкова, «для анализа и политической оценки» следствие создало специальную комиссию (В. Ермилов, Е. Ковальчик), которая «произвела экспертизу, ответила на запрос „в форме обстоятельного заключения“ и признала работы антисоветскими» (Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 31).

³³⁰ Цит. по: Турков А. Что было на веку... С. 37. «Его, – 4 ноября 1996 года записывает в дневник Л. Левицкий, – арестовали за то, что он, не таясь, давал понять, что никогда не станет таким, каким беспрекословно и даже с радостью готовы были стать его сверстники, то есть советским».

³³¹ Приговор ОСО при НКВД СССР от 5 августа 1944 года отменен постановлением Московского горсуда 24 июня 1963 года.

³³² Белинков А. Россия и Черт. С. 257.

³³³ Приговор был отменен, а дело за «отсутствием состава преступления» прекращено только 3 ноября 1989 года.

³³⁴ По сообщению Н. Белинковой, аналогичная статья была заказана еще и О. Михайлову. И в результате «работы обоих критиков разорвали пополам. Разные половинки соединили. Статья о Блоке получила двух соавторов, которые даже не были знакомы друг с другом» (Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 117).

издание в «Советском писателе» вышло под редакцией бдительной Е. Книпович, а осторожный обычно В. Шкловский свою рецензию в «Литературной газете» (8 апреля 1961 года) назвал одним словом «Талантливо»³³⁵.

Б. на ура принимают в Союз писателей (1961; рекомендации В. Шкловского, Е. Книпович и Ю. Оксмана), книгу по предложению Р. Орловой чуть ли даже не выдвигают сгоряча на Ленинскую премию, а в среде просвещенных читателей к нему приходит слава, ибо, – вспоминает М. Чудакова, – «никто, в сущности, из пишущих о литературе <...> не сделал такого прорыва, как Белинков, никто не сумел выжать все возможное из ситуации, просуществовавшей всего несколько лет»³³⁶.

Можно ли назвать и это, и последующие сочинения Б. историко-филологическими? Да, безусловно, но, – как в дневниковой записи от 28 июня 1964 года заметил К. Чуковский, – главной задачей была другая – «при помощи литературоведческих книг привести читателя к лозунгу: долой советскую власть»³³⁷. Его удел отныне, – говорит и Л. Чуковская, – «публицистика, для которой художник – лишь трамплин»³³⁸.

Еще в 1959 году Б. пришел к выводу, что «можно писать книги, которые стоят того, чтобы их писать» и что «пришло время решительных, резких, недовольных и остро профессиональных книг»³³⁹. Проба следует за пробой, и уже во втором, переработанном издании книги «Юрий Тынянов» (1965)³⁴⁰ ирония везде, где удалось, сменяется желчным сарказмом, а эзопова речь прямой. Что же касается презрения к власти, то оно дополняется еще более лютым презрением к советской интеллигенции – к тем, кто этой власти подчинился и попытался либо служить ей, либо от нее спрятаться.

Так рождается книга «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». Подавая в 1963 году на нее заявку, Б. вначале, возможно, еще надеялся и тут обмануть цензуру, но книгу все равно написал так, что надеяться было уже не на что. Литературовед окончательно уступил место «политическому писателю», и, – как заметил Ст. Рассадин, – «он был судьей, он был очень злым судьей и очень жестоким судьей. С моей точки зрения чрезмерно жестоким судьей. Он не хотел входить в драму того же Олеша, он его припечатал»³⁴¹.

К лету 1967 года более чем 900-страничная машинопись, раскалывая первых читателей на непримиримых сторонников и еще более непримиримых противников, ушла в самиздат, 18 июня об этом плаче по бесславно погибшей русской интеллигенции сообщила итальянская газета «Эспрессо»³⁴². А спустя всего полгода фрагменты белинковской фрески для всех неожиданно появились на страницах ничем до того не знаменитого журнала «Байкал», что в Улан-Удэ (1968. № 1, 2).

Власть, конечно, спохватилась быстро: третий фрагмент из запланированных уже не был напечатан, Б. заклеили в «Литературной газете» (15 мая и 5 июня 1968 года), журнальную редакцию покарали, издательство «Искусство» многократно пролонгировавшийся договор на книгу об Олеше расторгло. И тогда Б., воспользовавшись поездкой по частному приглашению в соцстраны, бежит – сначала в Вену и, наконец, 28 июня 1968 года прибывает в США.

³³⁵ «Он чудовищно талантлив», – 31 мая 1963 года записал в дневник и Л. Левицкий (*Левицкий Л.* Утешение цирюльника. С. 19).

³³⁶ Белинков А. Сдача и гибель советского интеллигента. С. 5–6.

³³⁷ Чуковский К. Т. 13. С. 391.

³³⁸ Чуковская Л. «Дневник – большое подспорье...» С. 136.

³³⁹ Из письма от 25–27 января Г. Горчакову (Эльштейну) – см.: Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 138.

³⁴⁰ «Из прогляда вижу, что Вам удастся высказать невысказываемое – рад этой Вашей способности и Вашему мужеству», – 6 апреля 1966 года откликнулся на это издание А. Солженицын (цит. по: Белинков А. Белинкова Н. Распря с веком. С. 156).

³⁴¹ В студии Станислав Рассадин. Беседовал В. Шендерович // Радио «Свобода». 2004. 29 августа.

³⁴² См.: Белинков А. Из архива // Знамя. 2000. № 2.

С жаром бросается работать – пробует преподавать в университетах, пишет облитые горечью и злостью статьи и открытые письма, задумывает журнал «Новый колокол»³⁴³.

Однако... Чтобы не подбирать обиняков, скажем сразу: граница его не приняла. Университетские филологи – потому что, – как говорит О. Ронен, – он был чересчур политизирован, ригористичен, и «аполитичная поэзия, „Я помню чудное мгновенье“, была в его системе лишь результатом того, что Пушкину запрещали писать политические стихи»³⁴⁴. Что же касается эмигрантов первой волны, то, вполне принимая проклятия по адресу большевистского режима, они не приняли ни белинковских обличений русской интеллигенции, ни его, назвав их русофобскими, рассуждений об изначально будто бы подлой природе «страны рабов, страны господ». А тут еще характер – заносчивый, неуживчивый, интеллектуально высокомерный...

Так что статьи и открытые письма Б. появлялись в западной прессе лишь в извлечениях и пересказе³⁴⁵, а книгу «Сдача и гибель советского интеллигента» вдове удалось напечатать уже после смерти автора только в 1976 году, да и то в Мадриде, где русская типография была дешевле, ничтожным тиражом, практически за собственный счет, в итоге чего, – вспоминает Н. Белинкова, – «часть тиража осела в университетских библиотеках на Западе. Остальную – удалось просунуть под „железный занавес“»³⁴⁶.

В годы низвержения коммунистических идолов интерес к трудам и судьбе Б. вспыхнул, конечно, с новой силой. И воспоминания о нем опубликовали, и навсегда, казалось бы, утраченный «Черновик чувств» нашли, и неизданные ранее на родине книги выпустили.

Перечитывают ли их сейчас – эти книги, эти статьи, где горечь и злость доведены до максимально крайнего предела?

Соч.: Юрий Тынянов. М.: Сов. писатель, 1960, 1965; Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. М.: РИК «Культура», 1996; Россия и Черт. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000.

Лит.: Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком: В два голоса. М.: Новое лит. обозрение, 2008.

---

³⁴³ «Решение издавать журнал было принято в январе, а в мае Белинкова не стало, – рассказывает Н. Белинкова. – Он только и успел, что наметить приблизительный круг авторов и набросать черновики с планами и проектами. По этим черновым чертежам и был выстроен „Новый колокол“» (Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 537).

³⁴⁴ Цит. по: Лурье Я. В краю непуганых идиотов. СПб., 2005. С. 8.

³⁴⁵ «Страстный обличительный тон никак не соотносился с нарочито вежливой манерой и в академических исследованиях, и в политических речах, и в застольной беседе, – свидетельствует Н. Белинкова. – «...» Писателей-иммигрантов с их горькой правдой уничижительно оспаривали (редко) или замалчивали (предпочтительно). Беглец попадал в тупик» (Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 574).

³⁴⁶ Там же. С. 201.

Белов Василий Иванович (1932–2012)

В зрелые годы Б. старался почаще бывать в своей родовой Тимонихе и книги писал о том, как, в отличие от городского раздрая, мил и дорог ему лад деревенской жизни.

Но это в зрелости, а в юные годы он из этого лада, из этой засасывающей среды стремился вырваться всеми правдами и неправдами. Настолько, что после срочной службы в армии (1952–1955) уехал в Молотов (ныне Пермь), был там, работая столяром на заводе, переведен из кандидатов в члены партии (1956)³⁴⁷, и это, – как не без лукавства вспоминает Б., – «членство в КПСС в какой-то мере подсобило» ему «выпрыгнуть за частокол, отгороженный крестьянину-колхознику, общественному изгою, бесправному и даже беспаспортному»³⁴⁸.

Но что-то в Молотове, видимо, не срослось, поэтому Б. вернулся в родные края, побыв литсотрудником районной газеты «Коммунар» и то ли восемь, – как он утверждает, – то ли одиннадцать, – как говорят биографы, – месяцев отработал первым секретарем Грязовецкого райкома ВЛКСМ. Однако стихи уже писались, после полуслучайного дебюта в питерском журнале «Звезда» (1956. № 5) печатались в газетах, в альманахе «Литературная Вологда», так что путь лег не в совпартшколу, а по рекомендации Я. Смелякова в московский Литинститут, в семинар поэзии к Л. Ошанину (1959–1964).

Во властители дум он там еще не выбился, но писал много и всяко разное: от «халтурной», – по признанию Б., – поэмы «Комсомольское лето» до автобиографических записок секретаря сельского райкома ВЛКСМ «Страшнее всего – тишина», которые если чем и привлекают сейчас внимание, то эффектным пассажем: «Черт возьми! Идет сорок второй год советской власти, а под ногами у нее до сих пор путается всякая нечисть вроде бога!» (Молодая гвардия. 1960. № 3. С. 194)³⁴⁹.

Быль, правда, молодцу не в укор, тем более что писаться начало уже и другое, с осознанным «деревенским» акцентом: в «Нашем современнике» вышла повесть «Деревня Бердяйка» (1961), стихи были изданы книгой «Деревенька моя лесная» (Вологда, 1961), а проза продолжена сборниками «Знойное лето» (Вологда, 1963), «Речные излуки» (М., 1964).

Б. еще студентом приняли в Союз писателей (1963), о нем заговорили, и новомирская рецензия И. Борисовой «День за днем» (1964. № 6) явилась важным знаком признания. Не хватало лишь прорыва, и он случился в январе 1966 года с появлением повести «Привычное дело» на страницах петрозаводского журнала «Север»³⁵⁰.

Эту повесть, до того отклоненную «Нашим современником» и вроде бы «Новым миром»³⁵¹, многие поныне считают и самым сильным произведением Б., и самым безусловным шедевром объявившей о себе «деревенской прозы». Во всяком случае, журнальная книжка пошла нарасхват³⁵², опомнившиеся новомирцы даже – в нарушение всех журнальных правил –

³⁴⁷ «Некоторые, например Астафьев, гордятся, что не были в партии, – уже на склоне дней рассуждал Б. – Чем гордишься-то, милый мой? Если бы я не вступил в партию, то не пробился бы никуда. Это было проявление человеческой активности» (Белов В. «Происходящее сегодня – это маскарад...» / Интервью провела Н. Белоцерковская // Посев. 1992. № 1. Цит. по: <https://www.booksite.ru/belov/interview/8.htm>).

³⁴⁸ Паспорт Б. получил, кстати, задолго до партийности – еще в 1949 году после поступления в фабрично-заводскую школу № 5 города Сокол, расположенного на реке Сухоне.

³⁴⁹ Внимания стоит, впрочем, и то, что эти записки Б., не поправив, включил в 7-й том своего последнего прижизненного Собрания сочинений (М., 2012).

³⁵⁰ Интересно, что редактору «Севера» Д. Гусарову пришлось для обмана цензуры сделать в конце публикации пометку «Окончание следует», допускающую, что пессимистический конец первой части будет в дальнейшем исправлен.

³⁵¹ См.: Куляев С. Вадим Кожинов // Наш современник. 2020. № 12. С. 200.

³⁵² Как рассказывает Ф. Абрамов, «студенты, школьники, старики, – все бегали по библиотекам, по читальням, все охотились за номером малоизвестного тогда журнала „Север“ с повестью еще менее известного автора, а раздобыв, читали в очередь, а то и скопом, днем, ночью – без передыху. А сколько было разговоров, восторгов в те месяцы! Покойный Георгий Георгиевич Радов, встретив меня в Малеевке, в писательском доме, о чем вострубил первым делом? „Старик, в России новый классик

хотели перепечатать эту повесть у себя³⁵³ и на публикацию откликнулись восторженной статьей Е. Дороша «Иван Африканович» (1966. № 6), а в «Правде» (3 марта 1967 года) появление нового таланта приветствовал Ф. Кузнецов³⁵⁴.

И это, надо сказать, вносит существенные коррективы в позднейшие слова Б. о том, что на пути к читателям ему будто бы – «под дикий свист вселенской злости» – пришлось прорываться «через еврейские заслоны и комиссарские посты».

Что касается «комиссаров», то напомним, что они никаких особенных препятствий публикациям Б. никогда не чинили, а со временем ввели его в бюро Вологодского обкома партии, сделали народным депутатом СССР «по списку КПСС» (1989) и под занавес даже избрали членом своего ЦК (1990–1991). А евреи...

Так уж вышло, но первую славу Б., как и всей деревенской прозе, создали если и не одни евреи, то вообще подозрительное в его глазах интеллигентское сословие. И суровая Л. Чуковская восторгалась «Привычным делом»³⁵⁵, и требовательные Е. Дорош, И. Соловьева, И. Виноградов, Ю. Буртин, иные многие либералы писали о Б. с исключительной доброжелательностью.

А вот поди ж ты!.. Когда в «Новом мире» еще при А. Твардовском печатались «Плотницкие рассказы» (1968. № 7) и «Бухтины вологодские завиральные» (1969. № 8), Б. бывал в редакции часто. И вспоминает он об этом вроде бы с благодарностью, но не забывает упомянуть и про «некоторую специфичность» взглядов своего редактора А. Берзер, и что с Ю. Буртиным он приятельствовал, так как «считал его русским». Что же до остальных своих непрошенных друзей, и отнюдь не обязательно этнических евреев, то в ход шли понятные тогда эвфемизмы – «татары», мол, или «французы».

Конечно, советская власть любые националистические выпады в печать не пропускала, и до известной степени заменой не у одного Б., а у многих деревенщиков стало резкое обличение космополитической городской цивилизации, напрочь будто бы забывшей о своих корнях. Так что пройдут шестидесятые, пройдут семидесятые, и только роман «Все впереди» (Наш современник. 1986. № 7–8) окончательно разорвет симфонию Б. и либералов, верующих в его талант, ибо в этом романе, – называет С. Семанов вещи своими именами, –

раскрывается духовно-нравственная ущербность образованных горожан,
впервые в художественной форме поднимается вопрос о растлевающем

родился!» Было удивительно и другое. „Привычное дело“ приняли все: и „либералы“, и „консерваторы“, и „новаторы“, и „традиционалисты“, и „лирики“, и „физики“, и даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в самой жизни» (Там же. С. 200–201).

³⁵³ По свидетельству А. Кондратовича, «когда вдруг в „Севере“ появилось его „Привычное дело“, мы ахнули от огорчения: как же это миновало нас? Это было *единственное* произведение, о котором мы жалели, что оно появилось не у нас. У нас появилась даже идея перепечатать эту повесть, поскольку „Север“ журнал малотиражный и неизвестный читателю. Этой идеей загорелись все, кроме А. Твардовского», и меня это удивило: повесть ему тоже очень понравилась. Но он объяснил это вполне убедительно: „Вряд ли нам дадут повесть перепечатать. Но если и дадут, то уж потом наверняка ее разгромят. И этот разгром будет уже как бы на нашей совести. А так повесть может и проскочить“. И она действительно „проскочила“, была встречена критикой в основном благожелательно» (Кондратович А. Новомирский дневник. С. 163).

³⁵⁴ «Моя статья о повести „Привычное дело“, – вспоминает Ф. Кузнецов, – пролежала без движения в редакции газеты „Известия“ более полугода. Впрочем, „без движения“ – не вполне точно. Редакция направила рецензию „для консультации“ в Отдел культуры ЦК КПСС, и там „не посоветовали“ публиковать рецензию. Тогда я передал статью в „Правду“. Главный редактор М. В. Зимянин сказал, что не будет публиковать рецензию, пока сам не прочитает повесть. В библиотеке „Правды“ журнала „Север“ не оказалось, и я передал ему свой, подаренный мне автором номер. Уезжая в командировку в Финляндию, Зимянин взял журнал с собой... „Какой язык!“ – отозвался он о повести Белова после возвращения из командировки. И сразу же поставил статью в номер» (Кузнецов Ф. Любовь. Боль. Гнев / Предисловие // Белов В. Медовый месяц. М.: Дружба народов, 2002).

³⁵⁵ «Прочитала Белова. Замечательный писатель», – пишет она 28 апреля 1968 года отцу (К. Чуковский – Л. Чуковская. Переписка. С. 499).

влиянии иудейско-масонской идеологии, ее гибельности для русского человека³⁵⁶.

Теперь уже и трилогия о коллективизации (Север. 1972. № 4–5; Новый мир. 1987. № 8, 1989. № 3, 1991. № 3–4; Наш современник. 1994. № 1–2, 1997. № 9–10, 1998. № 2–3) будет прочтена как книга о навязанном инородцами геноциде крестьянства, когда, – цитата, – «масоны и евреи во главе с Лениным облепили революцию как мухи» и когда, – еще одна цитата, – Сталин «лишь орудие в чужих масонских руках. <...> Он бросил под ноги ленинским апостолам миллионы мужицких душ. Иначе его давно бы отстранили от руля великой страны».

Трудно, конечно, сказать со всей определенностью, но не исключено, что именно в силу этой устоявшейся репутации антисемита и националиста Б., щедро награжденному орденами и медалями, отмеченному Государственной премией СССР (1981), советская власть даже под занавес так и не дала звания Героя Социалистического Труда – как дала она это звание другим деревенщикам – В. Распутину (1987), С. Залыгину (1988), В. Астафьеву (1989), Е. Носову (1990).

Всем хорош писатель, но чудит. И, побывав в народных депутатах, Б. в 1990–2000-е годы уже как публицист с редким постоянством обличал перестройку, пытаясь одурманенному народу открыть глаза на очередную «троцкистскую революцию, на масонов и мировой заговор против России»³⁵⁷.

С ним спорили и с ним соглашались. Его риторику не принимали во внимание. Но лучшие книги Б. продолжали перечитывать. И сейчас перечитывают.

Соч.: Собр. соч.: В 7 т. М.: Классика, 2011–2012.

Лит.: Селезнев Ю. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. М.: Сов. Россия, 1983; «Кануны» В. Белова. М.: Сов. писатель, 1991; Смолин А. Василий Белов – классик русского рассказа. Вологда: Книжное наследие, 2007.

---

³⁵⁶ http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/belov_vi.php.

³⁵⁷ Белов В. Собрание сочинений. Т. 7. С. 134.

Беляев Альберт Андреевич (р. 1928)

Сейчас Б. все забыли. Не очень даже ясно, жив ли он и, если жив, то где обретается. По слухам, в Германии³⁵⁸, как и многие бывшие, но вряд ли возможно на эти слухи полагаться.

А между тем на протяжении тридцати лет именно этот, – сошлемся на оценку Л. Левицкого, – «литературный надсмотрщик или, точнее говоря, надсмотрщик литературных надсмотрщиков»³⁵⁹ если и не управлял течением писательских мыслей, то решал, могут ли они быть обнародованы и с какими поправками, с какими изъятиями, кому занять ключевую должность в литературном мире, а кому ее лишиться, кто заслуживает поощрения, а кто, совсем наоборот, травли.

Происхождения Б. по советским меркам обычного: его отец, слесарь по металлу из города Грязи, в 1937-м получил 15 лет лагерей и строил железную дорогу Воркута – Котлас, что не помешало сыну закончить Архангельское мореходное училище (1949), вступить в партию (1950), три года ходить штурманом на судах Мурманского арктического пароходства, дорасти до должностей первого секретаря Мурманского горкома (1953–1956), а затем и обкома (1956–1959) ВЛКСМ.

Параллельно он, дебютировав еще в 1953 году, сочинительствова – выпустил сборники морских рассказов «В дальнем рейсе» (Мурманск, 1959), «Море шумит» (Мурманск, 1961), иные прочие. И параллельно же учился – до 1958 года заочно на факультете иностранных языков Архангельского пединститута и очно в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС (1959–1962). Причем учился, надо думать, неплохо – во всяком случае, английским овладел и уже осенью 1961 года был на два месяца направлен руководителем молодежной делегации в США.

А дальше, – эпически повествует Б., – в феврале 1962 года «меня вдруг вызвали в ЦК КПСС к секретарю ЦК КПСС, члену политбюро М. А. Суслову», и тот, внимательно расспросив 34-летнего аспиранта, сделал ему предложение, от которого не отказываются: «У Отдела культуры ЦК КПСС есть мнение предложить Вам потрудиться инструктором в секторе художественной литературы. Как Вы к этому предложению отнесетесь?»

«Это для меня высокая честь. Сумею ли я оправдать доверие?»³⁶⁰ – ответил Б. и всей своей последующей карьерой это доверие, вне сомнения, оправдал. Прежде всего, и знание языка тут пригодились, как неутомимый боец идеологического фронта, автор пышущих контрпропагандистским жаром книг «Смятенные души» (1963), «Литература США и действительность» (1965), «Социальный американский роман 30-х годов и буржуазная критика» (1969), «Идеологическая борьба и литература» (1975, 1977, 1982, 1988), «Авгуры из Нового и Старого света» (1980), «Вся чернильная рать...» (1983).

На разоблачении измышлений, нам чуждых, Б. и докторскую диссертацию построил (1976), и лекции об этом читал, и учебное пособие «Актуальные проблемы современной идеологической борьбы» (1985) издал. Начальство его в этой роли ценило, а писатели... Что касается писателей, то они и ненавидеть Б., и трепетать перед ним по-настоящему начали тогда, когда он – в должности завсектором (1966–1972), затем замзавотделом культуры ЦК (1973–1986) – стал куратором всей художественной литературы в стране.

Вернее, не так. Большинство писателей, к власти не близких, чаще всего и не подозревало, что неожиданный переход с милости на гнев у журнальных и издательских редакторов объяснялся тем, что на ту или иную сомнительную верстку глянул Б. и велел навести порядок.

³⁵⁸ Огрызко В. Советский литературный генералитет. С. 248.

³⁵⁹ Левицкий Л. Запись от 14 марта 1972 года. Цит. по: Огрызко В. Советский литературный генералитет. С. 244.

³⁶⁰ Беляев А. Литература и лабиринты власти. С. 14.

И А. Кондратович применительно к прохождению материалов «Нового мира» об этом пишет, и старые литгазетовцы не забыли ни как полосы отправляли на контроль в Отдел культуры, ни как Е. Кривицкий, который вел тогда литературный раздел газеты, чуть что хватался за телефонную трубку, чтобы провентилировать у «Альберта», годится ли такой-то автор в дискуссию и приемлем ли такой-то заголовок для такой-то рецензии.

Б. не сам решал, конечно, какой быть литературе, но он точнее и раньше других угадывал, какой бы ее хотела видеть высшая власть. И во всё входил, до всего ему было дело, так что, – как многие вспоминают, – даже весьма сановные писатели не рисковали выступить где-нибудь на съезде или ответственном пленуме, не завизировав у него предварительно свою речь.

«Альберт Андреевич по своей природе был человеком неагрессивным, незлобным», – рассказывает работавший рядом с ним Н. Биккенин, и это, наверное, так³⁶¹. Но дружба дружбой, а служба службой, и не столь уж важно, кому он лично симпатизировал – либералам или охотнорядцам, – важнее, что держать в узде он норовил и первых, и вторых. А они ему отвечали взаимностью – от создателей «Метрополя» до Ст. Куняева, который однажды сказал в сердцах:

Альберт Беляев был одним из самых подлых и мерзких партийных чиновников, которых я видел на своем веку. Хотя бы потому, что он был чистокровным русским северной закваски, со светлыми, чуть рыжеватыми волосами и голубыми глазами, с послужным списком, в котором значилась служба на Северном флоте, с книжонкой рассказов об этой службе, за которую его приняли в Союз писателей. А душа у него была карьеристская и насквозь лакейская³⁶².

Чужая душа – потемки, конечно. И что-то вроде признаний Адуева-младшего приходит на ум, когда читаешь воспоминания Б. о себе и о своих товарищах-цекистах оттепельного призыва:

Это были молодые люди из провинции, совершенно не знакомые со сложными лабиринтами политической жизни столицы и особенно ее верхушки. Мы были полны надежд на лучшее будущее, на то, что партия очистится и отделит себя от сталинизма и его преступлений против собственного народа...³⁶³

Возможно, все возможно. «Но, – продолжает Б. свою исповедь сына века, – я мог действовать только в жестких рамках установок свыше. Я подчинялся партийной дисциплине»³⁶⁴.

А когда власть при Горбачеве переменялась, подчинился и ей: в 1986 году, спланировав, как на запасной аэродром, из ЦК в кресло главного редактора газеты «Советская культура», он за несколько лет превратил ее в один из флагманов перестройки. Теперь его стали ненавидеть уже и несгибаемые товарищи по партии, например Ю. Изюмов, едко заметивший, что былой

пламенный трибун <...>, чутким нюхом уловив, куда дует ветер, стал резко разворачивать газету на антикоммунистический курс. И довольно долго в ней редакторствовал, разумеется, убрав из названия газеты слово «советская»³⁶⁵.

Недавно это было. И газета помнится, а ее редактор забылся.

---

³⁶¹ Биккенин Н. Как это было на самом деле. С. 179.

³⁶² Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. Т. 1. С. 308.

³⁶³ Цит. по: Млечин Л. Фурцева. С. 340–341.

³⁶⁴ Беляев А. «Получили решение ЦК с разрешением на выпуск романа в свет» / Интервью Е. Жирнова // «Коммерсантъ-Власть». 2009. 28 сентября. <https://www.kommersant.ru/doc/1239513>.

³⁶⁵ Изюмов Ю. Наши кураторы // Изюмов Ю. Воспоминания о «Литературной газете». http://izyumov.ru/Vospominaniy_LG/kuratori.htm.

Соч.: Идеологическая борьба и литература: Критический анализ американской советологии. М.: Худож. лит., 1975, 1977, 1982, 1988; Литература и лабиринты власти: от «оттепели» до перестройки. М.: Korina-Offset, 2009.

Лит.: *Огрызко В.* Советский литературный генералитет. С. 238–249.

Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)

Ретивей комсомолки, чем Б., в 1920–1930-е годы почти что и не было: мало того, что писала стихи исключительно правильные, так еще и предлагала, например, издать сборник детских стихов Д. Хармса и А. Введенского из библиотек (газета «Наступление», 16 и 22 марта 1932 года), ополчалась на С. Маршака («Литературный Ленинград», 5 октября 1936 года), воевала на собраниях с «уклонистами» и «накипью нэпа», срывалась по первому звонку в командировки по стране и всюду находила повод ликовать и восторгаться поступью социализма. Говорила в автобиографии, что даже с поэтом Б. Корниловым, первым своим мужем, она разошлась «просто-таки по классическим канонам – отрывал от комсомола, ввергал в мещанство, сам „разлагался“»³⁶⁶.

Жила, что называется, страстями и любовников, среди которых возникал в том числе зловещий Л. Авербах³⁶⁷, в молодости и не только в молодости меняла стремительно, что давало повод заподозрить ее чуть ли не в «сексуальном психозе»³⁶⁸. Столь же страстные самообличения, равно как нет-нет да и просыпающиеся несогласия с линией партии, прячутся от постороннего глаза в дневник, но на поверхности и там стойкий оловянный солдатик Сталина, приветствующий террор, жертвою которого стали и товарищи Б. по писательской организации, и даже ее бывший муж: «Ну, то, что арестован Борис Корнилов, – не суть важно. <...> Арестован правильно, за жизнь»³⁶⁹.

Эта запись в дневнике сделана 16 апреля 1937 года. Но через месяц приходит черед и самой Б.: 16 мая ее исключают из Союза писателей, 29 мая из кандидатов в члены ВКП(б), а в ночь с 13 на 14 декабря 1938 года арестовывают за то, что она будто бы входила в группу, готовившую террористические акты против тт. Жданова и Ворошилова.

Могло бы закончиться совсем плохо, но ей, 5 июля 1939 года освобожденной «за недоказанностью состава преступления», хватило и 197 суток в тюрьме – для того, чтобы не прозреть, но, по крайней мере, усомниться. Эти драматические переживания досконально исследованы в книгах и статьях, прежде всего, М. Золотоносова, Н. Громовой и Н. Соколовской, как все-сторонне описана в литературе и героическая деятельность Б. в дни ленинградской блокады. Поэтому позволительно, вероятно, отослать читателя к соответствующим трудам и сосредоточиться на послевоенном времени, в которое – это тоже важно – Б. вошла без правительственных наград, если не считать, конечно, медали «За оборону Ленинграда» (1943), положенной всем блокадникам.

Ее статус в эти годы двоятся. С одной стороны, героиня, пусть даже ее блокадные стихи не поощрены официально, с другой – запойный алкоголик, и на писательских собраниях фарисейски обсуждают меры, призванные «спасти больную, а не просто распущенную Ольгу Берггольц»³⁷⁰. С одной стороны, лауреат Сталинской премии 3-й степени за поэму «Первороссийск» (1951), с другой – друг опальной А. Ахматовой и вообще вечный возмутитель спокойствия, норовящий поставить под сомнение незыблемые скрепы советской литературы.

Так, уже через месяц с маленьким после смерти Сталина она печатает в «Литературной газете» (16 апреля 1953 года) статью «Разговор о лирике», где восстанавливает понятие лирического героя и доказывает право советских поэтов на самовыражение. И ничего вроде бы

³⁶⁶ Громова Н. Смерти не было и нет. С. 58.

³⁶⁷ Громова Н. Роль Леопольда Авербаха в судьбе Ольги Берггольц (1931–1937) // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 79–89.

³⁶⁸ См., например, запись в дневнике А. Гладкова от 5 декабря 1964 года (Новый мир. 2014. № 2. С. 158).

³⁶⁹ Цит. по: Громова Н. Смерти не было и нет. С. 115.

³⁷⁰ Золотоносов М. Гадюшник. С. 280.

страшного, но после изрядной паузы Н. Грибачев, С. В. Смирнов, Б. Соловьев, И. Гринберг, почуявшие крамолу, возражают ей яростно, и Б. отвечает им с непотускневшей страстью сначала в статье «Против ликвидации лирики» (Литературная газета, 28 октября 1954 года), потом в речи на II съезде писателей. Дальше больше: едва коммунистам был прочтен закрытый доклад Хрущева XX съезду, как 21 марта 1956 года Б. выступает на закрытом партийном собрании с предложением отменить постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», а 15 июня и с еще большим напором уже требует этой отмены в Москве на совещании, посвященном литературам стран народной демократии.

Ее одергивают: мол,

мыслями относительно постановления ЦК надо делиться с ЦК, а не на собрании. <...> Считаю, что ничего в позициях социалистического реализма сдавать нельзя. Надо давать отпор тем, кто пытается извращать решения ЦК по идеологическим вопросам (А. Прокофьев)³⁷¹.

Грозным упоминанием в закрытом письме ЦК «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» ее вынуждают даже покаяться, и Б. кается³⁷², но все равно больше не желает «годить» и трусить – оправдывает разруганный Ждановым рассказ М. Зощенко «Похождения обезьянки», защищает роман В. Гроссмана «За правое дело», отбивает у правоверных критиков «Собственное мнение» Д. Гранина, хлопочет о реабилитации Б. Корнилова и друзей своей мятежной юности. А главное – на фоне запоздалого реабилитанса публикует в «Новом мире» (1956. № 8) стихотворение «Тот год» о том, что «со дна морей, с каналов / вдруг возвращаться начали друзья. / Зачем скрывать – их возвращалось мало. / Семнадцать лет – всегда семнадцать лет. / Но те, кто возвращались, шли сначала, / чтоб получить свой старый партбилет».

Вот так – трагическим конфликтом между стремлением к правде, максимально возможной тогда гласностью и ставшим уже архаическим преклонением перед Лениным, Партией, Революцией – и живет ее гражданская лирика 1950–1960-х годов. У строгих ценителей эта лирика, и по тематике, и по поэтике непоправимо советская, энтузиазма не вызывает. Благодарная Б. за помощь в самые трудные времена А. Ахматова относилась к ее творчеству, мягко говоря, сдержанно, а о трагедии в стихах «Верность» (1954) так и вовсе сказала: «Я не могла бы прочитать ее, даже если бы мне платили 10 руб. за строку»³⁷³. Ю. Оксман от чести считаться поклонником поэзии Б. уклонился³⁷⁴, тогда как Л. Гинзбург заметила: «Она умная и даже даровитая женщина, но совсем не поэт»³⁷⁵, – и заподозрила ее в попытке «получить сразу все удовольствия. То есть совместить свободу мысли с печатабельностью и по возможности преуспеванием. Из этого обычно не получается ни того, ни другого»³⁷⁶.

Возможно, это и правда. Но рядовые, скажем так, читатели Б. обожали – и ее блокадные стихи, и любовные, и философические, и те, где так явственен и так всем понятен был мучительный процесс высвобождения из-под идеологических догм. Поздние сборники стихов Б. расходятся мгновенно, а повесть «Дневные звезды» (1959) и ее экранизация в 1966-м воспринимаются как один из безусловных символов Оттепели. «Ей, – замечает П. Антокольский, –

³⁷¹ Там же. С. 329, 327.

³⁷² «...Должна заявить, что считаю указание, сделанное в мой адрес в закрытом письме ЦК, совершенно правильным, а тот факт, что я выступила по поводу послевоенного постановления ЦК по искусству на беспартийном собрании литераторов, считаю своей ошибкой», – сказано в письме, которое 17 января 1957 года направила в Центральный Комитет КПСС (цит. по: Громова Н. Смерти не было и нет. С. 355).

³⁷³ Громова Н. Смерти не было и нет. С. 279.

³⁷⁴ См. Оксман Ю. – Чуковский К. Переписка. С. 71.

³⁷⁵ Гинзбург Л. Записные книжки: Новое собрание. М.: Захаров, 1999. С. 384.

³⁷⁶ Гинзбург Л. Проходящие характеры. С. 111.

всё прощается, настолько бесспорно внутреннее излучение. Излучение моральной правды. Все эти определения суть псевдонимы искренности, которая бьет через край, и, в конечном счете, она – хлеб всякого искусства, его почва и цвет, растущий на этой почве³⁷⁷.

Да и начальство, когда талант Б., истощенный алкоголем, уже ослабевал, а перерывы между пребываниями в клинике становились все короче, поделилось с ней своими щедротами: двухтомники в 1958 и 1967 годах, орден Трудового Красного Знамени в 1960-м, орден Ленина в 1967-м.

Зато просьбе поэтессы похоронить ее на Пискаревском кладбище, где упокоены останки 470 тысяч жертв блокады, все-таки не вняли. Простились с нею на Литераторских мостках Волкова кладбища, а через тридцать лет на могиле Б. наконец-то поставили фундаментальный памятник.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1990; Ольга. Запретный дневник. СПб.: Азбука, 2010, 2011; Предчувствие: Стихотворения. М.: АСТ, 2013; «Не дам забыть...» СПб.: Полиграф, 2014; Блокадный дневник. СПб.: Вита Нова, 2015; Никто не забыт, и ничто не забыто. СПб.: Азбука, 2016; Мой дневник: В 2 т. М.: Кучково поле, 2016–2017.

Лит.: Оконевская О. «И возвращусь опять...»: Страницы жизни и творчества О. Ф. Берггольц. СПб.: Logos, 2010; «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб. Издательство, 2011; Золотоносов М. Охота на Берггольц. Ленинград 1937. СПб.: ИД «Мирь», 2015; Громова Н. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017, 2020.

---

³⁷⁷ Антокольский П. Дневник. С. 87.

Берзер Анна Самойловна (1917–1994)

Окончив МИФЛИ за день до начала войны, Б. почти сразу же угодила в сибирскую эвакуацию, где трудилась на лесоповале и элеваторе, а вернувшись в Москву, была в 1944 году принята на работу в «Литературную газету». И вскоре начала печататься – взяв для своей газеты интервью у В. Гроссмана о готовившейся к печати, но так и не вышедшей «Черной книге», а первой рецензией в газете «Сталинский сокол» откликнувшись на записки партизанки Т. Логуновой «В лесах Смоленщины», появившиеся в последних номерах «Нового мира» за 1945 год.

Писала о многом – и о проходных, давно всеми забытых вещах, и с особенной страстью, годами уже позднее, о дебютных шагах Ч. Айтматова, В. Богомолова, В. Максимова, Ф. Горенштейна... Это, собственно, и был главный дар Б. – открывать и всеми силами поддерживать новые таланты. И совершенно понятно, что этот дар никак не мог реализоваться ни в «Литературной газете» при В. Ермилове (1946–1949)³⁷⁸, ни в «Советском писателе» при Н. Лесючевском (1950–1953), ни в «Знамени» при В. Кожевникове (1954–1956), ни в «Москве» при Н. Атарове (1957–1958). Зато в полном объеме развернулся в «Новом мире», куда Б. одним из редакторов отдела прозы пришла в 1958 году вслед за А. Твардовским³⁷⁹.

И здесь надо понимать, что, – как иронизирует В. Войнович, –

в тогдашнем «Новом мире» было много смешного. Например, распределение по чинам и этажам: в кабинетах первого этажа располагались сотрудники от рядовых до заведующих отделами, а на втором – важное начальство, члены редколлегии. Сотрудники первого этажа были, понятно, более доступны авторам, которые числились как бы тоже рядовыми³⁸⁰.

И Ася, как ее почти все называли, сразу же стала воплощенным символом первого этажа. Где можно думать не только и не столько о судьбе журнала (для этого есть второй этаж, ведущий каждодневную войну с ЦК и цензурой), а исключительно о судьбах нетитулованных авторов, которых еще надо, как тогда выражались, «пробивать» через начальство. И она пробивала – интригуя и выстраивая иной раз хитроумные комбинации: кому из руководителей показать рукопись в первую очередь, а кого по возможности обойти, и как сделать так, чтобы рискованный текст напрямую и в нужное время, под нужное настроение попал именно к Твардовскому.

Не все, конечно, и ей удавалось – на журнальные страницы так и не прошли ни «Софья Петровна» Л. Чуковской, ни «Воспоминания» Н. Мандельштам, ни «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, ни «Свежо предание...» И. Грековой, ни «Путем взаимной переписки»³⁸¹ и «Чонкин» В. Войновича, ни «Зима 53-го года» Ф. Горенштейна, ни рассказы Л. Петрушевской, а когда Б. принесла «Затоваренную бочкотару» В. Аксенова, главный редактор, – как свидетельствует его заместитель А. Кондратович, – и вовсе пожал плечами:

– Это же плохой писатель, – <...> Мол, что я буду читать.
– Начинал он интересно.

³⁷⁸ Хотя, – отмечает работавший вместе нею З. Паперный, – «редакторское умение, талант, одаренность Аси Берзер Ермилов ценил необычайно высоко» (Зиновий Паперный: Homo ludens. С. 304).

³⁷⁹ Она «в „Новый мир“ была взята по горячим рекомендациям своих подруг, уже работавших в журнале, и прижилась тут...» – рассказывает В. Лакшин (*Лакшин В. Солженицын и колесо истории*. С. 39).

³⁸⁰ *Войнович В. Автопортрет*. С. 407.

³⁸¹ Как вспоминает Войнович, на полях верстки Твардовский написал: «Очень огорчен непостижимой невзыскательностью (мягко выражаясь) товарищей, сдавших в набор эту несусветную халтуру, появление которой на страницах „Н. М.“ было бы позором для журнала. Стыдно, товарищи!» (Там же. С. 500).

– И начинал неинтересно³⁸².

Зато те, кого все-таки напечатали, именно по отношению к Б. преисполнялись самой сердечной благодарностью.

«...» Не видать бы Ивану Денисовичу света, если б А. Берзер не пробила к Твардовскому и не зацепила его замечанием, что это – глазами мужика. Не пустили б моего Денисовича три охранителя Главного – Дементьев, Закс и Кондратович, –

вспоминает А. Солженицын³⁸³. «Дорогой Анне Самойловне, без которой эта книга конечно не увидела бы света», – пишет Ю. Домбровский на титульной странице первого издания «Хранителя древностей». Или вот В. Некрасов³⁸⁴ сообщает В. Семину в письме от 10 января 1966 года:

Пока есть на свете наша Ася, нам еще есть что делать. Если бы Вы знали, как она обвела вокруг пальца всех с моей последней вещью. Ведь Твардовский был категорически против, а редколлегия смотрела ему в рот и поддакивала... И вот, пожалуйста, победила всех!³⁸⁵

И В. Шукшин³⁸⁶, и Ю. Трифонов, и В. Белов³⁸⁷, и В. Астафьев, и Ф. Искандер – все они, и не только они, безусловно предпочитали «первый» этаж «второму», что не могло не вызывать неудовольствия у членов журнальной редколлегии³⁸⁸. А вот Твардовский неизменно и высоко ценил Б. Правда, как-то вчуже, всегда, даже в дневниках, называя ее не Асей, как все вокруг, но только по имени-отчеству, Анной Самойловной, «вскипал, если кто-то хвалил ее в застольной беседе»³⁸⁹, а говоря о Солженицыне, ревниво изумлялся «странной, большей близости его к Анне Сам., чем ко всем нам...»³⁹⁰ И относительно совпадения взглядов Б. со своей собственной, то есть «новомирской» позицией Твардовский отнюдь не обольщался, однажды даже признавшись в сердцах:

Вообще эти люди, все эти Данины, Анны Самойловны и <неразборчиво> вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая

³⁸² Кондратович А. Новомировский дневник. С. 106.

³⁸³ Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 23. Уместно добавить, что Б. была единственной из сотрудников «Нового мира», кто в 1967 году подписал коллективное письмо IV съезду писателей в поддержку Солженицына.

³⁸⁴ «В „Новом мире“, – рассказывает Н. Бианки, – верным другом Некрасова была А. С. Берзер. – Как только Вика что-нибудь напишет, она тут же ехала к нему в Киев – редактировать» (Бианки Н. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире». С. 163).

³⁸⁵ Коллеги-литераторы о творчестве Виталия Семина // Ковчег. 2012. № 35.

³⁸⁶ В неопубликованных воспоминаниях о В. Шукшине Б. пишет, как в 1962 году на столе у нее появилась вытертая папка с рассказами Шукшина, и «кто-то сказал, увидев у меня эту папку:– Знаете, он напечатался в „Октябре“. Я стала читать рассказы. Они не имели никакого отношения к этим словам». «Она, – напоминает И. Борисова, работавшая в том же отделе прозы, – сформировала и опубликовала семь циклов шукшинских рассказов, удивляясь его восприимчивости и тому, что он никогда не повторял своих недостатков, если о них узнавал. Эти семь новомирских публикаций – крутая спираль шукшинского восхождения» (Борисова И. Незащищенность: К 10-летию со дня смерти Анны Берзер // Лехаим. 2004. № 7).

³⁸⁷ «Анну Самойловну Берзер, хотя она и забрала некоторые мои бухтины, я уважал...» – замечает В. Белов, и это признание дорогого стоит в устах писателя, уже в «новомирское» время с подозрением относившегося к евреям, которых называл то «татарами», то «французами».

³⁸⁸ Как спустя годы рассказывает В. Лакшин, ««...» авторам, приходившим справиться о своей рукописи в отдел прозы, она говорила, указывая пальцем на потолок второго этажа, где помещались основные кабинеты редколлегии: „мне нравится, но они не хотят“, „они вряд ли вас пустят“, „они боятся“. И, наконец, „я сделаю, что могу“, и авторы уходили в счастливой уверенности, что Анна Самойловна лучший человек и надежнейший их друг в журнале. Более того: их героический защитник. Не перед цензурой, нет, не перед „инстанциями“, с которыми она счастливым образом соприкосновения не имела, а стало быть, и ответственности не несла. А перед трусливой и ограниченной редколлгией» (Лакшин В. Солженицын и колесо истории. С. 39–40).

³⁸⁹ Войнович В. Автопортрет. С. 407.

³⁹⁰ Твардовский А. Новомировский дневник, 1961–1966. С. 385.

влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там – в Пастернаке, Гроссмане и т. п. – Этого не следует забывать³⁹¹.

Разумеется, все эти несовпадения в характерах, в поведении, все эти расхождения во взглядах, во вкусах не имели большого значения и шли даже на пользу журналу в обычное время. И вдруг приобрели особый смысл в феврале 1970 года, когда, протестуя против увольнения сразу четырех членов редколлегии (А. Кондратовича, В. Лакшина, И. Виноградова, И. Саца), Твардовский покинул «Новый мир».

И втайне, надо думать, надеялся, что «первый» этаж последует за «вторым». А они остались. И Б. осталась с новым начальством тоже.

Вспоминая те драматичные дни, В. Лакшин допускает, что все дело в неясных для рядовых редакторов перспективах с трудоустройством, с близкой пенсией (Анне Самойловне было тогда уже 53 года). Но можно предположить, что в этой ситуации сыграло роль еще и нежелание «бросить» своих любимых авторов в беде, и – снова процитируем Лакшина –

А. С. Берзер стала центром кружка, решившего выдвинуть сотрудничество с Косолаповым, как высокую идейную задачу, продолжение «миссии». Она явно переоценила свои силы, думая, что сможет сохранить прежний журнал без Твардовского и с новой редколлекцией. А практически лишь помогла совершить угодный начальству плавный переход журнала в новое качество, чтобы никто не подумал, что с уходом Твардовского и старой редколлекции произошло в литературе нечто тяжелое и трудно поправимое³⁹².

Хватило этих надежд, впрочем, ненадолго. Уже через год, резко отрицательно высказавшись о готовившейся к печати рукописи романа О. Смирнова, нового заместителя нового главного редактора, Б. вынуждена была уйти из «Нового мира». И, – как отмечено в дневниковой записи Л. Левицкого от 14 февраля 1971 года, – «по одной судьбе известному совпадению случилось это 12 февраля – тютелька в тютельку через год после того, как А. Т. подал заявление об уходе. Тоже „по собственному желанию“»³⁹³.

Жить ей оставалось еще почти четверть века. Б. время от времени печаталась как рецензент, написала трогательный очерк о В. Гроссмане, работала над книгой «Сталин и литература», но так и не успела довести ее до ума. А умерла, – рассказывает Л. Петрушевская, –

в полном одиночестве, никого не затруднив своей слепотой, слабостью, нищетой. Только малое число преданных друзей допущено было в ее дом. Она умерла гордым, независимым человеком, умерла такой, какой была, не изменившись. Святой путь и мгновенная смерть³⁹⁴.

Соч.: Прощание // В конволюте с: *Липкин С.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М.: Книга, 1990; Сталин и литература // *Звезда*. 1995. № 11.

---

³⁹¹ Там же. С. 121.

³⁹² *Лакшин В.* Солженицын и колесо истории. С. 42.

³⁹³ *Левицкий Л.* Утешение цирюльника. С. 206. «В „Новом мире“, – 16 февраля записал в дневник В. Лакшин, – юбилей был ознаменован тем, что Озерову и Берзер пригласили Смирнов с Большовым и предложили им подать заявления об уходе. И жалко, и противно. Все сбылось, как по нотам. Из них выжали все, что хотели, и теперь выбрасывают вон – достойная сожаления участь» (*Лакшин В.* Солженицын и колесо истории. С. 377).

³⁹⁴ *Петрушевская Л.* Истории из моей собственной жизни. СПб.: Амфора, 2009.

Бобков Филипп Денисович (1925–2019)

Отслужив в действующей армии, и, судя по боевым наградам, отслужив доблестно, Б. был направлен в Ленинградскую школу военной контрразведки СМЕРШ, а по ее окончании получил звездочки младшего лейтенанта на погоны и назначение в центральный аппарат Министерства государственной безопасности.

Тут, на Лубянке, с 23 октября 1946 года по 29 января 1991 года и протекли лучшие десятилетия его жизни: при Меркулове, Абакумове, Игнатеве, Берии, Круглове, Серове, Шелепине, Семичастном, Андропове, Федорчуке, Чебрикове и Крючкове³⁹⁵.

Что ни фамилия, то века в истории страны, и можно лишь надеяться, что эта история в лицах будет когда-нибудь написана: с опорой не только на рассекреченные документы, но и на личные свидетельства. Хотя... Вот Б.: мемуары он оставил, и обширные, но что в них сказано?

Не все принятые мной или с моим участием решения были безупречны. Во многих случаях я совсем не так поступил бы сегодня. Но это будут уже оценки с позиции нынешнего времени, хотя и в прежние годы я никогда не изменял ни требованиям совести, ни законам государства³⁹⁶.

И остается лишь гадать, о каких решениях идет речь, кто принимал участие в их осуществлении и кто от них пострадал.

Тут у Б. своего рода этический императив:

Я придерживаюсь мнения, что, если человек занимал высокий пост, вовсе не обязательно рассказывать все, что ему стало известно благодаря его положению. Мало ли какие велись разговоры... Думаю, высокое положение обязывает о многом умолчать³⁹⁷.

И еще, в одном из интервью 2002 года:

Я неукоснительно придерживаюсь гиппократовского принципа «не навреди!» – профессиональная этика не позволяет мне разглашать сведения, которые, уже не являясь секретными, могут в то же время нанести кому-то моральный ущерб³⁹⁸.

Причем, – в третьем уже месте к досаде историков подчеркивает Б., – «самое печальное, когда раскрывают агентов»³⁹⁹.

Так что ни имен, ни паролей, ни явок. Одни благоглупости – вроде того, как огорчило его еще в 1946 году своей несправедливостью постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» со злобными нападками на «остроумные афоризмы Михаила Зощенко, замечательные стихи Анны Ахматовой»⁴⁰⁰. Или того, как он был возмущен варварским разгоном «бульдозерной выставки» 15 сентября 1974 года. Или того, как пытался погасить скандал, зимой 1979 года развернутый Ф. Кузнецовым вокруг неподцензурного альманаха «Метрополь»:

---

³⁹⁵ Бобков Ф. КГБ и власть. С. 6.

³⁹⁶ Там же. С. 139.

³⁹⁷ Там же. С. 188.

³⁹⁸ Характерова М. Кумиры: Беседы с замечательными людьми. М., 2002.

³⁹⁹ Интервью Ф. Д. Бобкова для газеты «Совершенно секретно» (1998). Цит. по: https://bessmertnybarak.ru/article/filipp_bobkov_chekist/.

⁴⁰⁰ Бобков Ф. КГБ и власть. С. 26.

Ничего страшного, несмотря на то, что альманах не грешил патриотизмом, мы в нем не находили <...> и просили не разжигать страсти и издать этот сборник, такой вопрос, считали мы, лучше решить по-писательски⁴⁰¹.

В конце концов, если верить Б., из произведений литературы и искусства КГБ вообще почти никогда ничто не запрещал; «запрещения шли совсем из других учреждений: из отделов ЦК, по линии Главлита...»⁴⁰².

Список личных благодеяний Б. обширен: он и А. Вознесенского будто бы успокаивал после «выплеска „царского гнева“» в 1963 году, и О. Табакову помогал получить квартиру, и М. Плисецкой в 1950-е, равно как А. Пугачевой в 1970-е, обеспечивал беспрепятственный выезд за рубеж, и Е. Евтушенко в 1972 году возвращал тамиздат, отобранный на таможне, а что касается В. Высоцкого, то его «в нашем управлении очень любили, а в Московском он выступал с концертами по несколько раз в год. Пел, что хотел»⁴⁰³.

Читаешь мемуары, и возникает впечатление, будто едва ли не у всех тогдашних «звезд» – от Б. Ахмадулиной до Ю. Любимова – был на всякий случай припасен телефонный номер главы политической контрразведки: и стоит лишь позвонить, попросить о встрече, как все проблемы тотчас же разрешатся. Одним словом, – суммирует Б., – «никого мы зазря не притесняли и не отталкивали от себя».

А между тем... И разгул карательной психиатрии, и притеснения священнослужителей всех вероисповеданий, и гонения на диссидентов, и зажим «отказников», и профилактика, то есть запугивание или подкуп всех, кому нехорошо было жить на Руси, приходится как раз на годы, когда Б. рос, рос и дорос до должности руководителя 5-го («идеологического») управления КГБ и звания генерала армии. Причем, – как он вспоминает, – работать приходилось по 15–18 часов в сутки, а спать не более 4–5 часов.

Труд самоотверженный, хотя сведения о нем отрывочны. Известно, например, что в марте 1956 года Б. участвовал в локализации сталинистских волнений в Грузии, а 13 мая того же года одним из первых прибыл на дачу А. Фадеева, чтобы разобраться в обстоятельствах его смерти. И это он в сентябре 1958 года был в качестве заместителя директора круиза на теплоходе «Грузия» направлен на Всемирную выставку в Брюсселе – ту самую, где в павильоне Ватикана всем желающим бесплатно раздавались экземпляры «Доктора Живаго» на русском языке. И это Б. уже в 1961 году дирижировал пресс-конференциями Ю. Гагарина во время его победного турне по всему миру. И это он, наконец, предложил идею масштабного воздействия на западное общественное мнение, организовав – руками таких агентов, как В. Луи, – информационные (и дезинформационные) вбросы конфиденциальных сведений в европейские и североамериканские СМИ.

И ведь это, вне сомнения, лишь малая часть забот Б., без личного участия которого не могли пройти ни изъятие романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в 1960-м, ни арест А. Синявского и Ю. Даниэля в 1965-м, ни противодействие А. Солженицыну и А. Сахарову, ни понукание инакомыслящих к принудительной, по сути, эмиграции, ни иное многое, определявшее жизнь советского общества в 1950–1980-е годы.

Стоит внимания и то, что уже при Ю. Андропове Б. стал своего рода публичным лицом КГБ: «я, – 28 ноября 2013 года рассказал он в интервью телеканалу „Дождь“, – иногда два-три раза в день выступал в разных аудиториях»⁴⁰⁴ – в МГУ и МВТУ, в консерватории и Политех-

⁴⁰¹ Бобков Ф. КГБ и власть. С. 271.

⁴⁰² Черных Е. Генерал КГБ Филипп Бобков унес в могилу тайну, кто развалил Советский Союз // Комсомольская правда. 2019. 27 июля. <https://www.kp.ru/daily/27008.7/4069761/>.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ https://tvrain.ru/teleshov/interview/byvshij_pervyj_zampred_kgb_filipp_bobkov_o_shodstv-357733/.

ническом музее, вплоть до Академии наук и Большого театра. О чем говорил? «Ну как о чем говорил? Говорил о жизни, о внутренних вопросах, которые были. О том, что и как. Трудно сейчас все вспомнить»⁴⁰⁵.

Вполне понятно, что такие заслуги были отмечены большими звездами на погонах, десятками орденов и медалей, а под занавес еще и членством в ЦК КПСС (1986–1990), депутатскими полномочиями в 1986–1992 годах. И понятно, что свой кабинет на Лубянке Б. покинул тоже с почетом: президент М. Горбачев определил его в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, а олигарх В. Гусинский годом спустя назначил руководителем Аналитического управления АО «Группа „Мост“». Случилось Б. уже в 2000-е годы побывать и экспертом в Институте социально-политических исследований РАН, и советником генерального директора РИА «Новости», и вице-президентом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, и с 2008 года вновь генеральным инспектором Министерства обороны РФ.

О деятельности Б. на всех этих постах известно примерно столько же, сколько и о его службе в органах госбезопасности. Он, разумеется, охотно давал интервью, писал (или диктовал?) мемуары, но говорил в них только то, что хотел сказать. То есть почти ничего.

Соч.: КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995; Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует... М.: Алгоритм, 2016.

Лит.: *Кашин О.* Человек с глазами-сверлами // *Русская жизнь*. 2008. 12 августа.

---

⁴⁰⁵ Там же.

Богомолов Владимир Осипович (1924–2003)⁴⁰⁶

Жизнь Б. полна загадок. Не вполне ясна даже его подлинная фамилия: то ли он – по отчиму? по отцу? – Войтинский, то ли Богомолец, то ли на самом деле Богомолов. И о том, был ли он фронтовиком, служил ли в СМЕРШе и в контрразведке МГБ СССР, был ли награжден боевыми орденами⁴⁰⁷, сживал ли, наконец, в тюрьме (по одной версии – в конце войны во Львове вместе с оуновцами, по другой – после войны на Дальнем Востоке), тоже до сих пор спорят. Обнародованные документы конфликтуют между собою, личные свидетельства писателя в важных деталях не совпадают друг с другом, воспоминания современников предлагают самые различные версии⁴⁰⁸. Во всяком случае, положенного всем ветеранам ордена Отечественной войны он в 1985 году не получил, в официальном справочнике «Отчизны верные сыны. Писатели России – участники Великой Отечественной войны» (М., 2000) его биографии нет, и на портале «Память народа» данные слишком скупы. Утверждают даже, что Б. неизменно избегал необходимости заполнять личный листок по учету кадров: в Союз писателей, несмотря на постоянные приглашения, так и не вступил⁴⁰⁹, отказался получить орден Трудового Красного Знамени (1984) и премию «За достойное творческое поведение в литературе» имени А. Синявского (2001). Что говорить, если и его сын, родившийся в 1956 году, был зарегистрирован Суворовым по фамилии матери⁴¹⁰.

Сюжет, что называется, для конспирологического романа. Но пока этот роман не написан, скажем о том, что не вызывает сомнений: уже дебютный рассказ «Иван» (Знамя. 1958. № 6)⁴¹¹ был оценен как прорывной, и снятый по нему А. Тарковским фильм «Иваново детство» (1962), хоть и не стал одним из лидеров проката в СССР, но получил главные призы

⁴⁰⁶ В. Левитес, своей «строго засекреченной» возлюбленной, ставшей впоследствии его помощницей и подругой, Б. сообщил, что он «родился в 1926 году» (*Левитес В. «Хорошие слова»: Тридцать четыре года рядом с Владимиром Богомоловым (о нем и немного о себе)* // Знамя. 2013. № 12). Эта же дата повторена и в ряде биографий писателя.

⁴⁰⁷ В Википедии упомянуто, что Б. был «награжден орденами и медалями, шесть боевых наград, включая четыре (пять) боевых ордена», тогда как в Центральном архиве Министерства обороны содержатся сведения только о медали «За Победу над Германией», которую лейтенант Б. получил уже в октябре 1947 года по представлению Управления контрразведки МГБ Дальневосточного военного округа на территории Южного Сахалина.

⁴⁰⁸ См. об этом: *Кучкина О. «Момент истины» Владимира Богомолова* // Нева. 2006. № 1.

⁴⁰⁹ Действительно, – подтверждает сам Б. – «в 1959–76 гг. меня и впрямь не раз приглашали вступить в эту организацию; устно и письменно ко мне обращались по поводу членства Г. Березко, С. Щипачев, Л. Соболев, Ю. Бондарев, К. Симонов, С. Смирнов, С. Наровчатов – эти люди в разное время были руководителями или секретарями Союзов писателей России, СССР или Московского отделения. В середине 70-х годов Ю. Бондарев дважды предлагал оформить меня членом Союза без прохождения приемной комиссии – „решением Секретариата“. В каждом случае я вежливо благодарил и с еще большей вежливостью отказывался».

⁴¹⁰ Сына при рождении звали Александром. Однако, – как свидетельствует В. Левитес, – «по словам Вл. Ос., свое первое произведение, рассказ „Иван“, он посвятил сыну, уже тогда решив по достижении мальчиком совершеннолетия изменить ему имя и назвать Иваном. С матерью Саши жил он очень короткое время. Это была генеральская семья со своим властным главой, вписаться в нее Вл. Ос. не сумел. Разошлись. Саша часто бывал у своей бабушки Надежды Павловны, матери Вл. Ос., жившей вместе с дочерью Екатериной Михайловной. Они сообщали отцу о дне предстоящего Сашинго визита и о том, в чем ребенок в данный момент нуждается. Все заказы отец аккуратно выполнял и тоже старался к ним в этот день приехать. Таким образом, он довольно часто виделся с сыном, и у них был хороший близкий контакт. Окончив школу, мальчик превратился в Ивана» (*Левитес В. «Хорошие слова»* // Знамя. 2013. № 12).

⁴¹¹ Прислушаемся к рассказу самого Б.: «Сделал три экземпляра, один оставил себе, два послал в „Знамя“ и в „Юность“. В то время жил под Москвой, в Москву приезжал раз в неделю мыться. В один из приездов – звонок от Кожевникова из „Знамени“ и водитель с запиской от Катаева из „Юности“. С разницей в полтора часа. За эти полтора часа успел побывать в „Знамени“ и согласиться на публикацию. Потом бродил по бульварам в худом плащишке, не зная, что делать. В „Юности“ Катаев встретил словами: приветствую ваше появление в литературе. Спустя пару минут добавил: я, автор „Сына полка“, при своих подчиненных не стесняюсь сказать, что мои розовые сопли, мой социалистический сюжет ничего не стоят по сравнению с вашей вещью. <...> Автор сидел в своем синем плащишке, и чем больше слышал похвал, тем ниже опускал голову. Наконец последовал вопрос: в чем дело, у вас что-то случилось? Ответ: случилось, рассказ уже отдан в „Знамя“. Какой поднялся крик, принесли договор, убеждали подписать, обещали, что проснется знаменитым. Он не подписал, не мог изменить слову» (*Кучкина О. «Момент истины» Владимира Богомолова* // Нева. 2006. № 1).

на международных кинофестивалях в Венеции (1962), Сан-Франциско (1962) и Акапулько (1963).

Успех начинающего кинорежиссера, конечно, но и начинающего писателя тоже. Впору голове закружиться, и, – как 10 октября 1962 года «совершенно секретно» докладывал в ЦК КПСС председатель КГБ В. Семичастный, – Б.

без согласования с соответствующими организациями направлял по почте свою повесть «Иван» в адреса восьми иностранных издательств (Бразилии, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Австрии, Аргентины, Италии и Дании)⁴¹².

Указанная корреспонденция была, разумеется, изъята, с Б. по-отечески побеседовали в Союзе писателей и в Идеологическом отделе ЦК, поэтому больше таких рискованных проб он уже не совершал.

В них, собственно, и нужды не было: рассказ не только инсценировали, включали в антологии и коллективные сборники, но и более 200 раз по общему счету издали на сорока языках. Другие нечастые, чтоб не сказать совсем редкие публикации Б. прошли менее заметно, но повесть «Зоя» (Знамя. 1965. № 1) была в 1966 году тоже очень удачно экранизирована М. Богиним, и картину посмотрели почти 23 миллиона советских зрителей.

В том, что считалось общественной жизнью, Б. упрямо не участвовал, на собраниях не светился, в полемики не вступал, хотя в июне 1967 года подписал коллективное письмо IV съезду писателей в поддержку А. Солженицына и с протестом против цензурного произвола⁴¹³. Мало кто и знал, что все эти годы он собирал материал для многофигурного и остросюжетного романа о доблестном труде советских контрразведчиков на излете войны.

Замысел, судя по всему, возник еще в 1951 году, октябрём которого помечена богомоловская запись: «Задумал написать приключенческую повесть для юношества. Тема старая, а повесть будет новая». Летом 1964-го Б. прибавил: «Действие разрастается и все больше занимает мои мысли. Сделано вчерне 22 листа»⁴¹⁴. И вот в начале 1971 года пришло время предлагать рукопись журнальным редакциям: сначала в «Юность», где печатать согласились, заключили авансовый договор (который был Б., впрочем, просрочен), но потребовали неприемлемых для автора купюр, потом в «Знамя», где текст сразу же вернули, и наконец в «Новый мир».

Там тоже стали мешкать, причиной чего, – по словам Б., – явились перестраховочные отзывы экспертов сразу из ГРУ и из КГБ. Вероятно, это так, но судьбу романа решили не чекисты, а цекисты. И здесь, помимо рассказа самого Б. о доброхотной помощи хорошо известного литераторам И. Черноуцана, есть письменное свидетельство не упомянутого им Н. Биккенина, в ту пору заведовавшего сектором Отдела пропаганды ЦК. Это к нему летом 1974-го Б. будто бы принес «машинописный экземпляр рукописи», и это он, мгновенно все прочитав, вызвал на Старую площадь автора и «позвонил при нем в редакцию». «Никаких замечаний и вопросов у меня не было, – рассказывает Н. Биккенин. – Это был тот случай, когда в мои действия никто не вмешивался: ни смежные отделы, ни соседи, ни мои начальники. Взял на себя, и хорошо».

Так роман «В августе сорок четвертого...» (другое название «Момент истины»⁴¹⁵) и вышел в трех книжках «Нового мира» (1974. № 10–12). «Ждали, – еще раз сошлемся на Н.

⁴¹² Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 533.

⁴¹³ Слово пробивает себе дорогу. С. 217.

⁴¹⁴ Огрызко В. Факты без ретуши. М.: Лит. Россия, 2021. С. 125.

⁴¹⁵ В первоначальной версии роман назывался «Убиты при задержании», затем возникло «Взять их всех!...» и наконец – слово самому автору: «В 1979 году, как пронизательно в 1974 году рекомендовал И. С. Черноуцан, я без труда восстановил главное название романа „Момент истины“, а в скобках обязательно указывал („В августе сорок четвертого...“), дав расшифровку понятия „Момент истины“ как „момента получения информации, способствующей установлению истины“, это название наиболее емко и точно отражало суть романа».

Биккенина, – реакцию Суслова и Андропова», и «первой, нарушив „заговор молчания“, выступила с похвальной рецензией „Правда“»⁴¹⁶, чему тоже были причины: член Политбюро К. Т. Мазуров

очень заинтересованно отнесся к роману, рекомендовал его М. В. Зимянину – тоже белорусскому партизану, редактору «Правды». А Михаил Васильевич был «на ты» с Ю. В. Андроповым, еще с довоенной поры, со времен их общей комсомольской юности, и переговорить с председателем КГБ для него не составляло проблемы.

Так «началось, иначе не могу сказать, триумфальное шествие романа. Он нравился всем. <...> Не было газеты и журнала, которые не опубликовали бы рецензий»⁴¹⁷.

Роман бесчисленное множество раз переиздавался, а в литературной среде роились слухи, один другого красочнее. Что военное ведомство и КГБ закупили для своих целей 30 тысяч экземпляров первого книжного издания. Что Андропов будто бы подсылал к писателю порученца за автографом, а тот наотрез отказал. Что Б. избегал интервьюеров и категорически запрещал себя фотографировать. Что «Момент истины» в 1975-м хотели выдвинуть на Государственную премию СССР, но Б. и тут уклонился. Единственное, что он согласился взять, так это просторную квартиру в писательском доме по Безбожному переулку.

Новый роман «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...», который Б., воспользовавшись формулой В. Ходасевича, определил как «автобиографию вымышленного лица», был уже в работе, и эта работа так до смерти автора и не была закончена, хотя он годами водил журнальных редакторов за нос обещаниями вот-вот, ну буквально на днях сдать полный текст в производство. В печати появились, правда, повесть «В кригере» (Новый мир. 1993. № 8), еще пара фрагментов, если не считать памфлета «Срам имут и мертвые, и живые, и Россия...» (Книжное обозрение. 9 мая 1995), громящего роман Г. Владимова «Генерал и его армия»⁴¹⁸, но это, собственно, и всё.

Так что прощальный роман, собранный вдовой из беловых и черновых бумаг, вышел в свет, когда прах писателя был уже давно – и с воинскими почестями! – упокоен на Ваганьковском кладбище. Рассказывают, будто вдова, знавшая о фобиях Б., хотела на его могиле поставить «памятник без лица»⁴¹⁹. Но этого все-таки не случилось: православный крест сменен теперь гранитной пирамидкой, на которой, помимо фамилии, дат жизни и смерти, высечены слова «Момент истины». Фотографии, впрочем, нет.

Соч.: Соч.: В 2 т. М.: Вагриус, 2008; В августе сорок четвертого... СПб.: Амфора, 2010; Жизнь моя, иль ты приснилась мне... М.: Книжный клуб 36,6, 2012, 2014; Момент истины. М.: Книжный клуб 36,6; То же. СПб.: Азбука, 2020; Иван. М.: Речь, 2015; Иван. Зося. В кригере. СПб.: Амфора, 2016; Иван. Зося. М.: Детская литература, 2017.

Лит.: Кучкина О. «Момент истины» Владимира Богомолова // Нева. 2006. № 1; Лазарев Л. «В литературе тоже есть породы» (О Владимире Богомолове) // Знамя. 2007. № 5; Левитес В.

⁴¹⁶ Это не совсем так. На самом деле, первой была «Литературная газета»: 1 января в статье «Герои, о которых не знали» Б. Галанов назвал роман героическим; затем «Литературная Россия», где А. Елкин 3 января в рецензии «На свинцовом ветру» нашел роман «в высшей степени современным»; 8 января к общему хору присоединилась «Комсомольская правда» с откликом Л. Корнешева «Это и есть война...», где роман был представлен как «удивительная книга, написанная мастером очень большого и честного таланта». И наконец, – фиксирует Б. этапы своего триумфа, – «14 января в газете „Правда“ (Центральном органе ЦК КПСС) была опубликована статья „Люди высокого полета“, в которой С. С. Смирнов – глубоко уважаемый мной человек и писатель, чье мнение для меня было особенно важным, весомым и ценным, в наиболее, пожалуй, основательной рецензии дал высокую художественную оценку романа: „Впервые в нашей литературе появилось произведение, убедительно и глубоко показывающее „черный хлеб“ повседневного труда контрразведчиков – физические, психологические и чисто технические особенности их профессии... Роман отличается высоким профессионализмом самого автора и всех его героев“».

⁴¹⁷ Биккенин Н. Как это было на самом деле. С. 168–171.

⁴¹⁸ Публикация повторена в журнале «Свободная мысль – XXI» (1995. № 7).

⁴¹⁹ Кучкина О. «Момент истины» Владимира Богомолова // Нева. 2006. № 1.

«Хорошие слова»: Тридцать четыре года рядом с Владимиром Богомоловым (о нем и немного о себе) // Знамя. 2013. № 12; *Огрызко В.* Факты без ретуши. М.: Лит. Россия, 2021. С. 124–139.

Бондарев Юрий Васильевич (1924–2020)

Хотя имя Б. жестко сцеплено в нашем сознании с понятием «лейтенантской прозы», он всю войну прошел сначала солдатом, потом сержантом, а звание младшего лейтенанта получил лишь по окончании Чкаловского артиллерийского училища в декабре 1945 года. И тут же по совокупности ранений был демобилизован, успев догнать сверстников в Литинститутском семинаре сначала у Ф. Гладкова, потом у К. Паустовского (1946–1951)⁴²⁰.

С 1949 года пошли первые журнальные публикации, сразу же замеченные, так что в Союз писателей Б. приняли еще в 1951-м, до выхода дебютного сборника рассказов «На большой реке» (1953). Но всерьез о нем заговорили, когда в печати появились повести о поколении 20-летних фронтовиков: «Юность командиров» (1956), «Батальоны просят огня» (Молодая гвардия. 1956. № 5–6)⁴²¹, «Последние залпы» (Новый мир. 1959. № 1–2).

По ним, еще не распознав в Б. своего, разумеется, ударила нормативная критика: мол, окопная правда, ремаркизм, «какая-то смутность идейная и художественная нечеткость» (Комсомольская правда, 25 апреля 1958 года). Однако на то и Оттепель, чтобы подобные отзывы воспринимались уже не как приговор, а как многообещающий аванс. Б. приглашают представлять молодежь в редколлегии так и не вышедшего третьего выпуска «Литературной Москвы» (1957), а спустя два года системный, как сейчас бы сказали, либерал С. С. Смирнов, став главным редактором «Литературной газеты», на пост руководителя раздела русской литературы взамен ретрограда М. Алексеева выберет именно Б.

Он все еще свой в этом кругу: в редакции начальствует над В. Лакшиным, Л. Лазаревым, В. Берестовым, Б. Сарновым, Г. Владимовым, Ст. Рассадным, Б. Окуджавой, другими вольнодумцами, чуть позже печатает в газете едва ли не единственную положительную рецензию на аксеновский «Звездный билет» (29 июля 1961), пишет рекомендации В. Аксенову и В. Лакшину в Союз писателей. А самое главное – в «Новом мире» проходит, «ободрав, – по словам В. Лакшина, – бока о цензуру», антисталинистский⁴²² роман «Тишина» (Новый мир. 1962. № 3–5)⁴²³.

Понятно, что такие автоматчики партии, как ростовский писатель М. Соколов, публично заклеили «Тишину» как «чуждое социалистическому реализму чтиво» (май 1962 года), а председатель КГБ В. Семичастный 10 июля 1962 года доложил в ЦК, что Б. в своем романе «с ненавистью описывает образы чекистов, представляет их читателю тупыми, грязными и невежественными, произвольно распоряжающимися судьбами людей»⁴²⁴. Зато – опять-таки Оттепель, время относительного плюрализма – К. Паустовский статьей «Сражение в тишине» в «Известиях» не просто дал бондаревскому роману восторженную оценку, но и ответил его

⁴²⁰ «Когда я поступал в Литинститут, принес стихотворения и два рассказа по четыре страницы», – рассказал Б. в разговоре с С. Шаргуновым (*Шаргунов С. Памяти Юрия Бондарева // Юность. 2020. 29 марта. <https://unost.org/authors/sergej-shargunov-o-yurii-bondareve-i-razgovor-s-nim/>*).

⁴²¹ Полвека спустя Ю. Бондарев вспоминал, как главный редактор «Молодой гвардии» А. Макаров просил его пойти на компромисс: «Представьте: он стал на колени: „Юра! Умоляю! Нас разгонят. Уберите конец – я уже сдаю повесть в набор!“ Я посмотрел – у него чуть не слезы на глазах. „Батальоны...“ ему нравились до сумасшествия. Я говорю: „Господи, но что ж я буду делать со своей совестью?“ И тут я допустил слабость – потому что в книге, разумеется, мой конец печатать не стали, то есть не решились рисковать. А потом случилась беда – при переезде с квартиры на квартиру я потерял эти странички, и как ни силился потом, так и не смог по памяти восстановить текст. Я прекрасно помню содержание этих страниц, но текстуально восстановить их не могу с тем настроением и той болью» (Книжное обозрение. 2005. № 18/19).

⁴²² Сравнительно недавно обозреватель «Коммерсанта» М. Трофименков даже изумлялся: «Как и почему литературным знаменем антисталинизма стал „Один день Ивана Денисовича“, на фоне „Тишины“ кажущийся пасторалью и кондовым социализмом?» (*Трофименков М. Лейтенант советской прозы: Умер Юрий Бондарев // Коммерсантъ. 2020. 29 марта*).

⁴²³ Вторая книга «Тишины» под названием «Двое», завершающаяся впечатляющей картиной чудовищной давки на похонах Сталина, появилась тоже в «Новом мире» (1964. № 4–5).

⁴²⁴ Цит. по: *Огрызко В. Советский литературный генералитет. С. 312, 313.*

критикам: «Каждая попытка оправдать культ – перед лицом погибших, перед лицом самой элементарной человеческой совести – сама по себе чудовищна»⁴²⁵.

Пути писательские, однако же неисповедимы, и через семь лет после «Тишины» Б. – и не в гонимом «Новом мире», а у В. Кожевникова в «Знамени» – печатает роман «Горячий снег», где впечатляют и батальные сцены, и то, что, – сошлемся на оценку С. Шаргунова, – Б. впервые «дал художественно пластичный и яркий образ Сталина, пронизательного и твердого полководца»⁴²⁶.

Многие бывшие единомышленники Б. были шокированы этой переменой убеждений, но еще больше шокировала их созданная по его сценарию (вместе с О. Кургановым) киноопея «Освобождение» (1968–1971), своей помпезностью отвечавшая всем требованиям заказчика – ЦК КПСС, но никак не соответствовавшая личным воспоминаниям ветеранов войны.

Зато пошли чины – с 1971-го и на долгие годы он первый заместитель председателя правления СП РСФСР, секретарь правления СП СССР (1971–1991), председатель правления Российского общества любителей книги (1974–1979), депутат Верховного Совета СССР от Карачаево-Черкесской автономной области (1984–1989). Что же до наград, то они пошли еще гуще – Ленинская премия за «Освобождение» (1972), Государственная премия РСФСР за сценарий фильма «Горячий снег» (1972), по Государственной премии СССР за романы «Берег» (1977) и «Выбор» (1983)⁴²⁷, к скромному, когда чинов еще не было, «Знаку Почета» (1967) прибавились ордена Ленина (1971, 1984), Трудового Красного Знамени (1974), Октябрьской Революции (1981), Отечественной войны 1-й степени (1985) и – как вишенка на торте – звание Героя Социалистического Труда.

Писал он в поздние советские десятилетия много и книг выпустил, вместе с переизданиями, немерено: так, – подсчитал В. Вигилянский в уже перестроечной статье «Гражданская война в литературе» – только за пять лет с 1981 по 1985 год за Б. числится 50 изданий общим тиражом 5 868 000 экземпляров, да не простых изданий, а по большей части в высокогонорарной «Роман-газете» или в столь же высокогонорарных книжных сериях «Библиотека советской классики», «Библиотека Победы» или «Школьная библиотека»⁴²⁸.

Расходились ли они? А почему же не расходиться, ведь львиная часть тиражей мастеров так называемой секретарской прозы оседала в бесчисленных массовых библиотеках, и к тому же многие его читатели и критики считали, что, в отличие от других литературных генералов, Б. – истинный художник слова, чьи новые произведения, от романов до миниатюр, отличаются сгущенной образностью и склонностью к философствованию.

За это положение в литературе надо было, разумеется, платить, так что Б., конечно, под-писал обращение «классиков» с осуждением А. Сахарова и А. Солженицына (Правда, 31 августа 1973), умел найти незаемные слова для похвалы начальства, а в Союзе писателей слыл покровителем черносотенцев, хотя сам к ним вроде бы не принадлежал. Что же касается идеалов писательской юности, то бескомпромиссный борец с «культом личности» стал неутоми-

⁴²⁵ А. Ахматова послала Паустовскому телеграмму: «Глубоким волнением и радостью прочла Вашу замечательную статью „Известиях“. Благодарю Вас. Анна Ахматова» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 536).

⁴²⁶ Шаргунов С. Памяти Юрия Бондарева // Юность. 2020. 29 марта. <https://unost.org/authors/sergej-shargunov-o-yurii-bondareve-i-razgovor-s-nim/>.

⁴²⁷ «Там уж и вовсе ничего нет, – 17 января 1981 года писал Л. Аннинский И. Дедкову, – одно „художество“, которое мне, как и тебе, давно и прочно осточертело, и я, конечно, эту секретарскую прозу в руки не брал. Бондарев среди них тем жалок, что осекретарился прекрасный по природе парень и хорошо начинавший писатель. Сожрали. Нет уж, раз так, то мне проще с каким-нибудь барином вроде Кожевникова, чем с этим ностальгирующим по трудностям счастливецом. Нет, пусть вернется в простые смертные да полкокотается в литературной очереди локтями, тогда я его, может быть, попробую читать. Ибо локти – это хоть и противная, но все ж реальность. А тут – облака» («Я читал тебя и думал, радуясь: вот сошлись, совпали»: Из переписки Льва Аннинского и Игоря Дедкова (1973–1987) // Дружба народов. 2020. № 1).

⁴²⁸ См.: Огонек. 1988. № 43.

мым борцом с «культом потребления» – сначала, конечно, западным, а затем и доморощенным, калечащим чистые души советских людей.

Последние три десятилетия жизни Б. драматичны. Он выступает против перестройки с трибуны XIX партийной конференции (29 июня 1988 года), подписывает «Слово к народу», которое назвали идеологическим обеспечением путча ГКЧП (Советская Россия, 23 июня 1991), в 1989-м демонстративно выходит из состава учредителей советского ПЕН-центра, так как в его списке есть те, «с кем я в нравственном несогласии по отношению к литературе, искусству, истории и общечеловеческим ценностям», выходит из редколлегии «Нашего современника» в знак протеста против публикации солженицынского романа «Октябрь Шестнадцатого», а в 1994-м столь же демонстративно отказывается из рук Ельцина принять орден Дружбы народов, направив президенту телеграмму: «Сегодня это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей великой страны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.